

1

2006



РОССИЯ XXI

# 1.2006 январь-февраль

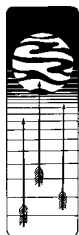
Общественно - политический



## Теория и практика политических игр

*Сергей Кургинян*

Бдительность \_\_\_\_\_ 4



## Пути духовных исканий

*Андрей Каравашкин*

Библейские тематические ключи:  
пределы верификации \_\_\_\_\_ 64

*Евгений Ивахненко*

Интеллектуальные споры XVII века:  
«грекофилы» и «латынщики» \_\_\_\_\_ 86



## Ярлыки и мифы

*Ольга Белова, Владимир Петрухин*

История в свете «фольклорной» мифологии:  
от язычества к христианству \_\_\_\_\_ 110



### Страницы истории

*Исаак Розенталь*

Рано или поздно?  
Заметки на полях известных  
страниц истории \_\_\_\_\_ 136



### Актуальный архив

*Владимир Печатнов*

Как Сцилард писал Сталину \_ 168



### Редакционная почта

*Надежда Аблова*

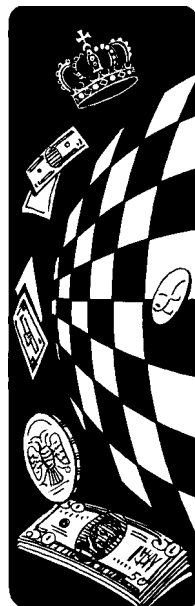
О новых подходах  
к изучению и преподаванию  
внешней политики России \_\_ 188

*Contents in English look at the page 200*

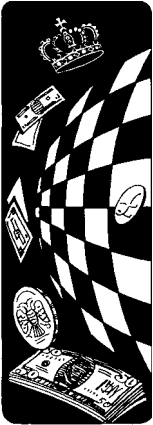
Структура «смысла» может быть самой разнообразной, в нем могут быть соединены в некое единство мотивы, представляющиеся логически разнородными, ибо в этой концепции господствует не логическая последовательность, а практические оценки. Такая концепция всегда означает – в различной степени и с различным успехом – попытку систематизации всех жизненных проявлений, сведения всего практического поведения к определенному образу жизни, каким бы он ни был в каждом отдельном случае.

Однако в каждом из них содержится важная концепция «мира» как космоса, от которого требуется составлять так или иначе «осмысленно» упорядоченное целое и отдельные явления которого измеряются и оцениваются по отношению к этому постулату. <...> Если мир как целое и, в частности, жизнь должны иметь «смысл», то каким должен быть этот смысл и как должен выглядеть мир, чтобы соответствовать ему?

*Макс Вебер*



Сергей Кургинян



ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА  
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР

## БДИТЕЛЬНОСТЬ

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК\*

*The real project of development connected with the Western civilization is the Modern project. The author believes that Russia is another, alternative West and Communism is an alternative Modern. The Modern project has created a great literary language, uplifted history to an unprecedented height, created centralized national state and nation. The Modern as a design and the nation comprise the holistic unity of the project and its subject. The «leap from feudalism into socialism» suggested by Lenin was a way to pass by the modernization stage which was destroying the empire. In fact, it was an alternative modernization project. What is going in Russia nowadays is neither a nation building nor modernization but reconstruction of tribes, tribalization. The tragedy of the contemporary world lies in the fact that the charge on resources and environmental capacities of the Earth has caused arguments in favor of impossibility to keep modernization on and in favor of destruction of nation states while creation of such states should be discouraged. If no new energy, no «cultural meanings» are found for implementation of the Modern project then days of the Modern project are counted. The principal threat to humankind is posed by combination of counter-Modern and post-Modern for these two phenomena will bring about loss of human mission and to the «repeated archaization».*

---

\* Журнальный вариант доклада на заседании клуба «Содержательное единство» 15.12.2005 г.

### Введение

Отвратительная истерика с разоблачением «преступной сталинщины» началась где-то между 1987 и 1988 годом. А к 1991-му развалила страну (в чем и была задача творцов этой истерики). Творцы уходят, а истерика продолжается. Чему масса примеров. То есть дело разрушения страны еще не закончено.

Но, что еще хуже, одновременно (!) с этой продолжающейся истерикой (и это диагноз) организуется столь же уродливый сталинский псевдоренессанс. Он имеет под собой вполне определенную и благородную базу – человеческое негодование по поводу огульного оскорбления советского прошлого. Но благородная база погружена во все уродства регресса. И мне нетрудно себе представить, что каким-то странным образом героями этого псевдоренессанса могут стать не великие Гастелло и Зоя Космодемьянская, а, например, товарищ Вышинский. Подобная гадость возможна. И ей нужно будет давать отпор. Нужно в том числе отдавать себе отчет в том, что такое слово, как «бдительность», имеет в нашей памяти очень специфический привкус. И что нельзя воскрешать этот привкус. Это влечение к несвободе и доносительству.

Но у слова «бдительность» есть еще и совсем другие обертона. Бдение у свечи с тем, чтобы огонь не погас. Обращение Христа к своим сподвижникам с просьбой не спать в ту ночь. В общечеловеческой культуре есть опыт соотнесения этого обращения с ответственностью за народ. Я, например, вспоминаю в связи с этим Арагона, который, говоря о народных вождях как об апостолах и о народе как о Христе, пишет следующие строки: «Апостолы твои, что захотели спать и бросили тебя на растерзанье ночи, – такие люди, как и все, не лучше прочих. Кто эти прочие – тебе ль того не знать?».

Имеем ли мы право спать в этом смысле слова? А не спать – значит бодрствовать. То есть бдеть. То есть проявлять бдительность.

То, что я хочу здесь предьявить в виде не вполне обычной (системной, целостной) аналитики, адресует только к одному. К тому, чтобы в очередной раз не проспять страну и народ. И в этом, только в этом смысле – к бдительности.

## **I. За что боролись и на что напоролись?**

Всегда очень интересно наблюдать, как слова входят в политическую культуру. И как такое вхождение слов в политическую культуру порождает затем определенные действия. Одно из таких слов – «проект». Лично я очевидным для всех образом имею какое-то отношение к

вхождению этого слова в российскую политическую культуру. Уже лет десять–двенадцать назад я начал вводить в политический анализ такие слова (специально не хочу говорить «понятия»), как «проект», «субъект», «проект-субъектная связка»... Это легко отследить по печати. И это особенно на слуху и памяти у тех, кто участвует в работе нашего Клуба «Содержательное единство».

Я не хочу особо выпячивать свою роль. Не я один вводил в оборот эти слова. Да так и не бывает, чтобы кто-то один мог превратить слово в элемент политической культуры, а элемент политической культуры – в действие.

Свою причастность я здесь фиксирую лишь потому, что она дает мне право особым образом соотноситься с известной поговоркой «за что боролись, на то и напоролись». Те, кто боролись, лучше других могут оценить, на что напоролись. И поскольку я один из тех, кто боролся, то право на эксклюзивность оценки у меня есть. А ничего большего мне не надо.

Боролись мы (я, как минимум) за проект стратегической модернизации России. Причем я лично боролся за это не как за свой проект. А как за проект, мне чуждый, но для России вполне приемлемый. Точнее даже, спасительный. А потому я считал необходимым перешагнуть через эту чуждость.

Теперь о том, на что напоролись. Напоролись на забалтывание слов. А также на превращение уже измочаленных слов в не слишком убедительные инициативы частного характера. Типа... (модное сейчас словцо)... типа «институт общественных проектов».

Всегда в таких случаях возникает вопрос – что это такое? Это «всходят посеянные семена»? Или слова крадутся (что отнюдь не страшно) и выхолощаются (что намного страшнее)? А потом вокруг выхолощенных слов (иначе – словесных пузырей) что-то «наваривается». Казалось бы, «наваривается» – и ладно. Беда в другом: в этом «наваре» топится, уничтожается содержание.



Что представляется мне крайне опасным. Потому что без содержания форма не существует. Или существует чудовищным (это называется «превращенным») образом. Государство – это форма, требующая своего содержания. И потому коллизия отрыва формы от содержания, противопоставления формы содержанию («превращения») – это не высоколбый экзерсис, а ключевой вопрос государственной и национальной безопасности.

Попробуем, однако, не забегая вперед, проанализировать, как все это работает в том, что касается исследуемого нами слова «проект».

Итак, сейчас все наперебой обсуждают проекты: коммунистический, националистический, левый, правый, лево-правый... Проекты множатся, дробятся, слипаются (либеральный, консервативный... либерально-консервативный и т.д.).

Обращаясь к собравшимся, я заклинаю тех, кто может это сделать (а я вижу здесь таковых): просветите на сей счет мутные головы своих «интеллектуально опекаемых» политиков!

## II. Проектики и Проект

Мы можем с вами изобретать миллионы проектиков. Вот сядем сейчас и напишем проектик Клуба «Содержательное единство». Кто субъект проектика? Клуб «Содержательное единство». Напишем бумагу и начнем этот проектик рекламировать.

Политическая реклама породит определенные (в чем-то, может быть, и полезные) начинания. Но эти начинания – ничто перед набранным страной за многие годы «ликвидационным потенциалом».

Почему? Да потому что это все – проектики, субъектики. Более уважительно – микропроекты и микросубъекты. А переломить ликвидационную тенденцию может только мегапроект. И соответствующий мега-субъект. Это первое.

И второе. Можно, конечно, нечто подобное начинать на пустом месте. Но это длинный путь. Поэтому для нас сегодня важно понять не то, как это можно начинать заново. А то, что можно задействовать из имеющегося. И здесь приходится признать, что у мегасубъекта (иначе именуемого «человечеством») существует очень «жидкий» список реальных мегапроектов.

Но именно вокруг них «вертится» (и, видимо, будет вертеться) это самое человечество. С, так сказать, весьма проблематичным успехом.

Мегапроект – это реальное идейное состояние человечества. Это аккумулятор, в котором хранится огромная смысловая энергия. Эта энергия выстрадана человечеством за века. Она накоплена, развернута, освоена. В этом смысле она наличествует. В этом смысле она реальна. В этом смысле она есть, она существует.

Может быть, она гаснет; может быть, она разрушается; может быть, она видоизменяется, но она есть. И к одной только энергии тут все сводить не надо. Хотя энергия имеет решающее значение. Есть еще и интеллектуальные, духовные наработки. Причем, опять-таки, накопленные за столетия. Это вьелось в нашу душу, в клеточки нашего мозга. Как это назвать? Если хотите, это «идейная плоть», «смысловая ткань». Или иначе – «проектная субстанция человечества».

Мы можем обращаться с этой «плотью», с этой тканью, по-разному. Но скульптор хочет иметь глину. И из нее лепить скульптуру. Это наиболее востребованный творчеством алгоритм. Гораздо реже скульптор хочет еще изобретать и новый материал для скульптуры. Но так бывает. Можно (а иногда даже и нужно) накапливать новую, альтернативную проектную энергию, наращивать новую субъект-субстанциональную ткань. Но это – на века (как в катакомбном христианстве). Или на многие десятилетия (как в коммунизме).

Сейчас я предлагаю обсуждать имеющуюся глину для возможных скульптур, имеющуюся проектную субстанцию современного человечества.

### **III. Проект Модерн**

Г-н Журден не знал, что он говорит прозой. Но говорил он именно прозой. Некоторые из тех, с кем я говорю, может быть, и не знают, что живут в проектной субстанции Модерна. Но они в ней живут.

Когда мы начинаем говорить о проектной субстанции человечества, то все мы «танцуем от печки», которая называется «Модерн». У нас нет другой проектной субстанции, чтобы оттолкнуться. Еще раз повторяю: эту энергию накапливали в мире столетиями, за нее умирали и убивали, совершали гадости, подвиги и чудеса самопожертвования. Она уже вошла в нашу кровь и плоть.

Вокруг этой реальности, как спутники, вращаются другие члены «ансамбля проектов», причем их немного.

И кем бы вы ни были – коммунистами, фундаменталистами и так далее, – вы все равно будете определяться по отношению к этому главному. От того, что происходит с этим главным, зависит все остальное. Это, «происходящее с главным», косвенно, но мощно воздействует на политических лидеров и политику. Они могут об этом не подозревать. Но это так. Это касается всех – Путина, Буша, Ху Цзиньтао, Кастро, Бен Ладена. Всех без исключения.

Но одних это касается больше, а других меньше. Одних непосредственно, а других опосредованно. Больше всех и непосредственнее всех это касается «капитанов западной цивилизации» и самой этой цивилизации в целом. Потому что Модерн – это ее знамя, ее творение, ее дитя, ее мессидж.

Но сводить все к западной цивилизации было бы неосмотрительно. Модерн – это реальность, которая очень сильно «въелась» во все человечество. От Индии и Китая до Латинской Америки и островов Тихого океана.

И вновь подчеркиваю: эта реальность по имени «Модерн» находится в неблагоприятном состоянии. Да, она неблагоприятна. Но она есть. То есть она существует именно как глобальная проектная субстанция.

#### **IV. Модерн и другие**

Помимо Модерна, на нынешней мировой «шахматной доске» играют два других крупных проектных актора.

Один из них – контрмодерн, который никогда Модерна не принимал. Этот актер в значительной степени связан с «немодернизированным» Востоком, но и с Западом – тоже. Всегда существовала часть западной аристократии и соединенные с ней круги разного рода (как религиозные, так и не вполне религиозные), которые говорили, что Модерн – «от лукавого». Последней страшной вспышкой ненависти к Модерну со стороны контрмодерна, конечно, был фашизм. И он себя в этом контрмодернистском качестве очень четко осознавал и заявлял.

И второй мировой игровой актер – постмодерн, который тоже стал проектной реальностью. И который на многих «мыслительных терминалах» отождествляется с понятием глобализации.

Больше – ничего нет. Мое и моих коллег ноу-хау заключается в осознании того, что на нынешнем этапе постмодерн и контрмодерн объединяются. Начинается налаживание глубочайших связей между

постмодерном и контрмодерном, то есть между людьми и группами, которые отрицают Модерн с совершенно разных позиций.

Для тех, кто разделяет не только мои рефлексии по поводу политического процесса, но и какие-то ценностные (идеологические) представления, эта смычка – главный враг и главная угроза человечеству.

## **V. Антагонисты Модерна, сам Модерн – и Россия**

Я не собираюсь никому навязывать ни одной молекулы своей ценностной или идеологической позиции. Но те, кто примет или не примет мою точку зрения, должны тем не менее о ней знать. Хочу напомнить: я всегда очень неудобным образом позиционировал себя в существующих

«политических рядах». И чем глубже будут нарастать противоречия в российском обществе (а они сейчас будут нарастать стремительно), тем жестче я буду занимать эту неудобную позицию.

Моя позиция такова. В расколе между западниками, которые кричат, что все лучшее приходит только с Запада, и почвенниками, которые говорят, что свет восходит лишь с Востока, я четко занимаю позицию из двух пунктов.

Пункт первый. Я убежден, что Россия – это Запад.

Пункт второй. Я убежден, что Россия – это альтернативный Запад. Аль-тер-на-тив-ный!

Это одно мое двуединое убеждение. Я не навязываю его никому. Ни тем, кто ничуть не хуже меня занимается философией или культурологией. Ни тем, кто делает на этих направлениях первые шаги.

Я не навязываю, не вовлекаю. Я информирую и предупреждаю о своей позиции. Иначе говоря, я эту позицию занимаю не абы как, а активно. И буду занимать тем активнее, чем более эта позиция будет находиться под угрозой.

Соображения, которые я по этому поводу могу высказать, таковы. Россия – часть христианского мира, но это его православная часть. И в той мере, в какой православие является христианством, но альтернативным христианством (а западная цивилизация является христианской), Россия – это альтернативная христианская, то есть альтернативная западная, цивилизация. Россия – это часть мира Модерна, но даже то, что с Модерном устраивал Петр (а он устраивал вещи отчасти и правильные, и страшные), никоим образом не входило в понятие классического западного Модерна. Это всегда был поиск альтернативного Модерна.

Самым крупным альтернативным Модерном в мировой истории был коммунизм. Это – глубочайшее движение альтернативного Модерна. В этом смысле, исповедуя коммунизм, Россия опять была альтернативным Западом.

И ненависть «классического» проектного Запада к России сильнее, чем ненависть классического Запада к Востоку. Сильнее потому, что это ненависть к «своему другому». Это всегда так бывает. Совсем чужого можно ненавидеть не так сильно, как «своего другого».

Желание Запада истребить Россию вообще и коммунистическую Россию (СССР) в особенности как свою же собственную альтернативу (свой «бронепоезд на запасном пути») является желаньем сугубо самоубийственным. Само-убийственным. То есть «убивающим себя». Если, конечно, не принять теорию заговора и не сказать, что это – часть войны врагов Запада с самим Западом. В любом случае, истребление коммунизма в СССР, как и развал СССР, были операциями самоубийства Запада. Все, что мы сегодня наблюдаем в мире, – следствие этого самоубийства. Этого хакари, которым Запад прикончил себя.

Это – моя позиция. Это – мое непримиримое оппонирование как почвенникам, так и западникам. Я никогда не приму тезиса о том, что Россия – это ученица Запада и потому все здесь должно происходить западнически подражательно. Это – отвратительная антироссийская позиция. И я одновременно никогда не соглашусь с мнением, что Россия не есть Запад.

Россия – это другой Запад. Другой, но Запад. И связан он с «классическим» Западом, как в знаменитом «принципе дополнительности» Нильса Бора: исчезнет «другой Запад» – падет Запад целиком. Ибо именно в этой дополнительности – последняя сила Запада. А дополнительность, о которой я говорю, касается и православия, и коммунизма. И если что-то, по большому счету, объединяет православие и коммунизм, то именно этот «западный альтернативизм».

## **VI. Премодерн, Модерн и политика**

Все, что я здесь утверждаю, имеет самое непосредственное отношение к текущему политическому процессу. Но прежде, чем перейти к политике, еще пара слов о той «шахматной доске», на которой размещен Модерн.

Модерн – явление относительно новое. Но что-то было такое до него, что сумело его породить. И с чем-то из этого «своего предшества» он каким-то образом себя соотносит.

Через что Модерн соотносит себя с этим предшествованием, с премодерном?

Конечно же, Модерн коренным образом связан с суверенизацией человека, с надеждами на человека, суверенного по отношению к любым трансцендентальным инстанциям.

Это можно назвать секуляризацией. Но тогда надо понять, что секуляризация секуляризации рознь.

Секуляризация №1 – это та секуляризация, вместе с которой вопрос о высоком человеческом предназначении снимается вообще с повестки дня. Я назову эту секуляризацию негативной.

Секуляризация №2 – эта та секуляризация, которая не снимает, а модифицирует вопрос о высоком человеческом предназначении. О восхождении человека и человечества.

Итак, можно сакральное (священное) и секулярное (светское) так отделить друг от друга, что предназначение вообще исчезнет. А можно так их отделить, что предназначение сохранится, хотя и приобретет новый смысл.

Так вот, Модерн осуществляет позитивную секуляризацию. Секуляризацию №2. Модерн глубоко связан с верой в предназначение и высокие возможности человека. Он никогда не снимает с повестки дня ни то, что человек имеет космическую миссию, ни то, что он возвышает свет над тьмой, и так далее. В этих вопросах – об отношении к свету и тьме, высокому предназначению человека, морали – Модерн идет рука об руку с христианским премодерном. Не случайно многим творцам высоких образцов Модерна было вовсе не чуждо христианство как таковое.

И хотя создавали они, по существу, культуру светскую, но это всегда была высокая культура, основанная на глубокой вере. На вере в человека. И это есть главный пункт.

Модерн разделил (или, как сказал Макс Вебер, «расколдовал») мир. Он разделил социальную идейную ткань этого мира на три составных элемента:

– современную науку, состоящую из фактов (обобщаемых при помощи теорий, моделей). И процедур верификации и фальсификации (подтверждения и опровержения) этих моделей с помощью фактов. Это предназначено для «поиска истины» (цель науки);

– современное право, где роль поиска истины в науке (цель науки) занимает поиск (установление) справедливости (цель права), а аналогом соотношения между фактами и теорией (моделью) становится соотношение между выработанными нормами и правовой системой;

– а также современную секулярную культуру (в смысле секулярности №2).

Разделив мир на эти три части, Модерн не знал одного: как эти части непротиворечиво соединить.

Отделение человека от трансцендентального началось, конечно, еще в эпоху европейского Ренессанса. Но в эпоху Ренессанса это носило характер мучительного осознания противоречия между соединенными Богом и человеком – и человеком, уже начинающим отрываться от Бога. Сама процедура осознания такого отрыва придавала Ренессансу либо христианское звучание (и тогда отрыва не было), либо звучание богоборческое.

Настоящий Модерн пришел не только после Ренессанса, он пришел уже после Реформации. Когда протестантизм фактически отделил трансцендентное, сакральное (небесное) от имманентного, светского (земного).

При этом Модерн вовсе не означал тотального атеизма. Дарвин верил в Бога, но это не значит, что дарвинизм не входил в Модерн. Пушкин мог верить в Бога сколько угодно, но это не значит, что созданная им великая литература не была продолжением дела Петра.

Ренессанс рвал нить между Богом и человеком. И его пафос сохранения высокого смысла за собственно человеческим не мог быть не окрашен в цвета трагедии этого разрыва.

Модерн же заговорил о высоком предназначении человека в момент, когда человек уже разорвал нити, связывавшие его с Богом. Он начал обустривать человека в состоянии разрыва этих нитей. И он как бы не отвечал за разрыв. А, наоборот, что-то в пределах этого состоявшегося разрыва восстанавливал. Что-то обустривал.

Творцы величайших произведений культуры Модерна в таком «обустройстве» столкнулись с мучительной задачей, которую тот же Макс Вебер назвал «задачей утешения»: как сказать человеку что-нибудь утешительное по поводу факта его несомненной смертности. Теперь это должна была сделать культура именно светская и одновременно высокая.

И она это делала. Пушкин для русского Модерна абсолютно рядоположен Евангелию для христианства, Корану для ислама или Пятикнижию для иудаизма. Вообще, по своему культурному значению великий классический роман Модерна равен фундаментальному священному тексту, лежащему в основе религиозной культуры.

## **VII. Модерн, «высокое», коммунизм**

Наиболее яркие попытки создать нечто квазирелигиозное были связаны с идеями богостроительства: поисками «богочеловечества» и еще чего-то в этом духе. Говорилось, что новый человек воскресит отцов (то есть все предыдущие умершие поколения), что этот человек спасет

космос и, таким образом, решит все проблемы, которые ранее отдавались в ведение Бога.

В России богостроители критиковали Ленина «слева» и прочно вошли в коммунистическое движение в виде Пролеткульта. И в мире, и в России были также другие, причем самые разные, течения, которые, в той или иной степени, соединяли веру в человека с верой во что-то большее. Или же верили только в человека, но при этом говорили, что будущий «новый человек» – это и есть то, что собою заменит Бога и примет на себя его главные, в том числе утешительно-спасительные, функции.

«...Свершится дивный сон, / И светлых райских сеней / Достигнет человек и богом станет сам. / О, как горит звезда неведомого счастья, / Как даль грядущего красна и широка, / Что значит перед ней – весь этот мрак ненастья, / Всех этих мук и слез безумные века!»

Сказать, что эти строки Петра Якубовича поэтически равны пушкинским, я не могу. Но основная идея Модерна в них выражена точно.

И это все, в разных вариантах, было влито в русский коммунизм. Начиная с язычески-крестьянских вариантов (Клюев и другие) через варианты индустриально-языческой религии коммунизма (объединение «Кузница») и кончая богостроительством Богданова и других.

Кому-то это нравилось, кому-то не нравилось... но все это было полностью истреблено Сталиным. Под корень, под расстрел. И когда это вытравили, опять стало неясно: а что есть и должно быть, чтобы «оправдать человека»?

Так это выглядело в советском коммунизме. Ничуть не веселее это выглядело в мировом Модерне как таковом. Но все понимали, что коммунизм – это альтернативный Модерн. Понимали, что в мире идет исчерпание некоего либерального светского Модерна, и вот есть шанс подогреть, накалить Модерн через коммунизм.



**VIII.****Точка гниения**

Но почему нельзя было отстоять Модерн как таковой? В чем тут была основная проблема? Оказалось, что главная «точка гниения», главная «точка боли» в Модерне – это точка культуры. В XX веке культура Модерна начала стремительно остывать. Без коммунизма она бы остыла

до конца еще в декадансе, с коммунизмом – гораздо позже. И не потому, что коммунизм создал какие-то невероятные высоты культуры. Но давление коммунизма на социальную ткань Модерна подогрело ее на всю первую половину XX века. «Да, существует ад, и в нем живут миллионы, / Да, существует ад, его свидетель – ты, / Ад – это труженик коленапреклоненный...» – писал Луи Арагон.

Однако к 60-м–70-м годам XX века стало окончательно ясно, что внутри западного общества культура не просто «дает сбой», что это – глубокие срывы. Я не буду обозначать точную границу, когда это стало ощущаться, но для меня маркирующий рубеж – 1968 год.

Я знаю об этом не только по теоретическим трактатам. Уже тогда я относил себя, как начинающий режиссер, к авангарду. И уже тогда точно понимал, что такое авангард. Иначе говоря, я мог ответить себе на вопрос: «Ты говоришь, что ты принадлежишь к авангарду... А можешь ты себе ответить – авангард-то твой, это авангард чего?»

Я понимал, что речь идет об авангарде проекта Модерн. И понимал, что авангардистская культура, ощущая недостаточность остывающей секулярной культуры для спасения проекта Модерн, прыгает из культурной ниши в нишу парарелигиозную. И что этот прыжок далеко не безопасен. Но единственно возможен. И что прыгать будут разные силы и по-разному. И что тут одни постараются сохранить порядок и идею человеческого восхождения, а другие поволокут хаос. И кое-что похуже.

Охранители увидели только тех, кто волок этот самый хаос. А может быть, им так было удобнее. А может быть, кое-кто из них поощрял тех, кто волочет за собой хаос, для того, чтобы скомпрометировать весь авангард. Потому что победа авангарда, в любом случае, означала посткапитализм. Возможно, весьма далекий от советского коммунизма.

Но охранители охраняли капитализм. И это нельзя было сделать, не разгромив авангард. А авангард нельзя было разгромить, не скомпрометирав его хаосом.

Я не буду идти в область фантазии и домысливать, насколько какой-нибудь Кейдж, который подменил музыку молчанием под открытое фортепиано, был связан с теми же силами, которые создавали «Красные бригады» и «стратегию напряженности». Но, даже если прямых связей не было, сутевая связующая нить, безусловно, присутствовала.

Не имея энергии восхождения, авангард неизбежно должен был опереться на энергию нисхождения. Ибо энергия ему была безусловно нужна. Он и был замыслен как средство поиска энергии, которая отсутствовала в остывающей культуре Модерна.

Охранителям же нужно было показать, что авангардисты (политические или культурные) если и связаны с огнем, то именно и сугубо адским. Нельзя сказать, что авангардисты вообще не давали к этому оснований. А сколько в этих основаниях было провокативного и сколько органического... Детальное обсуждение этой темы увело бы нас далеко от той политики, к которой мы должны сейчас перейти.

## **IX. Точка гниения и неоконсерватизм**

Охранители изобрели для себя новую идеологию. Потому что старые не позволяли бороться с авангардом. Эта идеология называлась «неоконсерватизм». Врагом неоконсерватизма стала культура, точнее, авангард как источник нисхождения и хаоса. Я уже упомянул 1968 год.

Конкретная точка не так уж и важна. Хотя так называемые «революционные события» во Франции многое предопределили.

Но еще важнее зафиксировать, что именно тогда в этой, как говорят математики, эpsilon-окрестности (которая много включала в себя, кроме французских событий) начала формироваться когорта политиков, политологов, философов, которые очень болезненноотреагировали на авангард как источник нисхождения и хаоса. То, что они такотреагировали на нисхождение и хаос, – это их позитив. А то, что они не увидели (или не захотели увидеть) в авангарде и чего-то другого, – это их негатив. Или их ангажированность.

Люди эти чаще всего изначально принадлежали к левому кругу, «розовому» или около того. И они стали очень резко от этого круга отходить. Отходить потому, что в их понимании культура, потерявшая накаленность высоким смыслом и начавшая искать какие-то заменители этой накаленности, становилась врагом. А культурные круги (деятельность которых они часто отождествляли с «происками еврейства») – это

заговорщики, сеющие хаос во имя посткапиталистических перспектив и своей абсолютной власти.

Увы, значительная часть этих интеллектуалов так и не поднялась над идеей заговора. Пожалуй, единственный из них, кто еще в середине 70-х годов внятно выразил свою позицию не на языке «критики врага» (что всегда ушибно и неконструктивно), а на языке содержательного анализа, был американский социолог Дэниел Белл. Который в книге «Культурные противоречия капитализма» заявил, что невозможно дальше держать баланс между рациональной нормативной наукой и секулярной культурой и что поэтому необходимо вернуть в культуру религию.

Сегодня неоконсерваторы правят бал в американской и мировой политике. Точнее, еще вчера они его правили. А сейчас их атакуют. Но очень важно понять, что все эти ныне крупные политики (и невысокого полета философы), типа атакуемых сейчас Либби или Вулфовица, были тогда в положении наших «шестидесятников». Они начали восходить и тут же были остановлены. Может, не так круто, как у нас. Но тоже достаточно круто. Это все были «родные или двоюродные братья по ситуации» наших Шатрова и Аджубея. Они не могли ни на что реально влиять, даже если они сидели не на своих кухнях под угрозой потери партбилета, а в Министерстве обороны США, Госдепе или «мозговых центрах». Они там сидели и говорили, что новые «культурные элиты», антибуржуазные и антиморальные, вступили в заговор с тем, чтобы уничтожить мир.

Ни Чейни, ни Вулфовиц, ни Рамсфелд, ни Либби, ни кто-то из них еще и сейчас не заявят это публично в каком-нибудь зале. Но, если они соберутся в одной комнате узким кругом, они скажут, что вся гниль – в Нью-Йорке, что там заговор, что в основе заговора – посткапиталистические элиты, которые хотят продвинуть на лидирующие позиции «культурный символический капитал» вместо классического буржуазного капитала и ради этого разрушают мораль, общество и государство. Я знаю, что говорю; это не вопрос моей собственной идеологической ориентации или оценки, это уже, скажем так, информация.

Доходят ли эти люди в своих разговорах до прямых этнических определений «культурной элиты», которая хочет разрушить мир и заменить собой буржуазную элиту, произносят ли они за словом «Нью-Йорк» что-то более определенное, зависит даже не от этнической принадлежности говорящего, а от его такта. Вулфовиц может скорее договорить это до конца, чем Либби. Вулфовиц, в отличие от Либби, – «интеллектуал». И в качестве такового претендует на «окончательную артикуляцию». Идеологический фактор тут возобладает над этническим.

А этнический – не сгладит, а, скорее, подстегнет «емкость определений». Таково устройство неоконсервативного круга. Таков принцип отбора кадров для этого круга etc.

Хабермас, один из крупнейших оставшихся в живых специалистов по Модерну как таковому, говорит, что неоконсерваторы – это последний заряд нефундаментальности в рамках консервативной политики. Он говорит примерно следующее: «Все ахают по поводу роли неоконсерваторов при Рейгане. Но ведь их при Рейгане только в микроскоп и можно было увидеть. Когда утверждают, что рядом с Рональдом Рейганом, "спасительной звездой консерватизма", стояли "неоконы", – так это чушь. "Неоконов" там почти не было. Там имели реальное влияние, прежде всего, католические фундаменталисты (Бакли) и протестантские фундаменталисты».

## **Х. Неоконсерваторы и цивилизационизм**

Как только «неоконы» исчезают, на арену реальной политики неизбежно выходят католические и протестантские фундаменталисты. И для этих фундаменталистов задача состоит не в том, чтобы вернуть религию назад в культуру, оставив все остальное без изменений, и удовлетвориться

этим компромиссом. Их задача в том, чтобы вернуть религию в ядро культуры и политики, сделать ее детерминантом.

Модерн не хочет иметь этот детерминант. Модерн говорит: «Нет, конечно, мы не отбираем партбилет у человека за то, что он ходит в церковь, синагогу или мечеть, мы не хотим его предать анафеме или люстрации, мы не сажаем его в тюрьму. Человек ходит в церковь или мечеть – это его культурная ориентация и его право; пожалуйста, пусть он туда ходит. Но только пусть он там и оставит исламские хиджабы и все в этом роде, и пусть их не будет в нашей светской школе и в светской культуре».

Вокруг чего идет борьба? Все мы, в разной степени, дети этой модернистской культуры – в ее более или менее осознанном советско-альтернативном варианте, или в прямом модернистском варианте. Опорой этой культуры, безусловно, являются светское образование, современная медицина, стремительно растущие наука и техника и, конечно, светский гуманизм, где великий человек, вооруженный великой наукой, вместе с великим обществом должен решить и решит все вопросы мироздания. Все это и есть неизменные составные части Модерна.

Соответственно, мы имеем дело с человеком морали, высоким человеком, с человеком, входящим в коллективности ради решения этих великих проблем. Это есть общество Модерна. Все мы – его дети.

Кто-то из здесь сидящих, возможно, движется от этого в сторону (не буду говорить – фундаментализма) религиозного центризма и, как теперь модно говорить, «цивилизационизма». Но они должны понимать, что все эти разговоры о цивилизациях – не описание имеющегося. Это моделирование. Цивилизаций нет. Их можно получить, только обрушив Модерн. Тогда по ту сторону Модерна можно попробовать вновь (и очень неорганично) вылепливать цивилизационное ядро из вещества полуостывшего фундаментализма. Потому что цивилизационное ядро – всегда религиозно. А чтобы религию вновь сделать ядром, нужно сильно поработать. И не чем-нибудь, а инструментами катастрофизма, инструментами все того же хаоса.

Повторю: результаты работы до конца не предсказуемы. Можно вылепить снова религиозное ядро. А можно так и остаться в хаосе. Или полететь в очень глубокие «тартарары», где от христианства, магометанства, иудаизма и пр. клочков не останется.

Так что цивилизационизм – это не данность. Это проблематичная реверсивная возможность. А пока что все мы – дети Модерна, такие или другие.

### **XI. Общезначимое в Модерне**

Что наиболее существенно в Модерне, что в нем настолько значимо, что никак невозможно отдать? То, что он, повторяю, всегда возвеличивал человека, всегда поднимал человека наверх, всегда говорил об исключительной роли и величии человека.

Однако на фоне единства светской культуры, нормативного права (которое в России так и не возникло, что бы об этом юристы ни говорили) и светской рациональной науки перед Модерном встал вопрос о том, как же удерживать в единстве человеческие общности, как обеспечивать их сосуществование?

Модерн создал великие литературные языки. Их не было до Модерна. Конечно, такие языки выкристаллизовывались постепенно, и нельзя сказать, что Данте и другие не творили литературный национальный язык. Но реальным создателем великих национальных языков стал именно Модерн.

Модерн поднял на невероятную высоту Историю. Потому что уже не индивидуальный человек, «герой», как в эпоху Ренессанса, а человеческие общности и человечество в целом должны были каким-то образом вершить космическую роль.

Модерн создал централизованное национальное государство современного типа, и Модерн создал нацию, создавая самое себя. В этом смысле субъектом модернизации является нация, а целью нации – Модерн. Модерн и нация – это и есть единство проекта и субъекта.

Модерн переосмыслил и возвысил идею гуманизма. То есть идею величия человека, берущего на себя космическую роль. Взять ее на себя может только «человек восходящий», поднимающийся (и поднимаемый) по ступеням прогресса. Источники прогресса – наука и буквально религиозная вера во всеислие научной мысли, техника, освобождение человека из-под всевластия природы (да, традиции тоже, но природы прежде всего).

А дальше уже начинается Маркс и его последователи: освобождаясь из-под власти природы, человек попадает под власть социальных и экономических институтов, ничуть не менее жестоких, чем институты природы.

Как освободить человека из-под этой власти? Спросят – какой? Отвечу: из-под власти полноценного в своей нутряной жестокости капитализма.

Этого зверя можно сдерживать с помощью того, что Поппер называет «интервенционистским государством». Иными словами, с помощью государства-посредника, которое пытается жестко согласовать несогласуемое: капиталистический аппетит и общенациональные интересы.

И этого зверя можно убить с помощью социалистической революции...

Подобный спор крайне существенен. Но это спор о чем? О том, что нужно сделать для того, чтобы еще больше освободить человека и чтобы он еще лучше мог осуществить свою цель и еще больше возвыситься. Надо освободить его от эксплуатации или дать свободу частной собственности? Или надо как-то соединить одно с другим?

Это спор модернистов между собою. Сталин в этом смысле такой же модернист, как и Рузвельт (если, конечно, не приписывать Сталину скрытых православно-монархических заморочек). А советско-сталинский мир, в отличие от коммунистического, совсем уже напоминал мир умеренного Модерна. Хотя в советском (всегда и при любой степени сходства) черты альтернативности все-таки оставались. Точнее, «до конца не стирались».

## **XII. Советский мир и Модерн**

В России и перед Петром, и перед Лениным стояла вроде бы очевидная, но при этом почти нерешаемая задача: как сохранить страну и провести модернизацию. Потому что модернизация, как расщепление империи на нации, вроде означала, что единую страну придется потерять. Так, как ее потеряли все основные империи мира.

Что такое ленинский «прыжок из феодализма в социализм»? Это – способ миновать буржуазно-национальный (разрушающий империю) этап модернизации. Это – альтернативный модернизационный проект.

Что такое сталинский тезис «модернизация без разрушения основ традиционного общества» (то есть те самые колхозы)? Является ли модернизация без разрушения основ традиционного общества модернизацией? Классической модернизацией – не является. Она является альтернативной модернизацией.

Русские никогда не хотели отказываться от основ традиционного общества и от своей культуры. Но при этом все время стремились соединить их с Модерном, то есть хотели совместить традиции и прогресс. В этом же стремлении – глубочайший импульс моделей развития Китая, Индии. И не только их. Слишком многие мучительно думают сейчас о том, как соединить традицию и прогресс, свою культуру и мощный импульс развития. И нельзя сказать, что эти мысли не дают политических результатов. Дают, и еще какие! Вот только всех ли эти результаты радуют? Все ли хотят этого или кто-то хочет совсем другого?

## **XIII. Модерн и СССР после Сталина**

Альтернативный советский Модерн всегда расшатывался так называемым «национальным вопросом». Потому что нации – штука по определению буржуазная. И одновременно они-то, эти буржуазные нации, и являются субъектом классической, не альтернативной, модернизации. Российская империя почему начала распадаться? Потому что начались буржуазные реформы. Пока эти реформы сдерживались царизмом, все медленно загнивало. А когда февраль выпустил энергию буржуазных реформ из-под спуда, все сразу начало распадаться. После чего было уже не до реформ. Начался хаос.

И это не только русский опыт. То же самое произошло с Австро-Венгерской империей. Страшную разрушительную силу национально-буржуазных импульсов очень хорошо ощущала и использовала Великобритания в своей игре против континентальной Европы (об этом много написано, в том числе достаточно много толкового).

Но вернемся к России.

Большевики сдержали хаос силами альтернативной модернизации (она же – социализм как последовательная альтернатива всем буржуазным моделям).

Чем больше альтернативность этой модернизации выдыхалась (а она выдыхалась вместе с накаленным коммунизмом), тем в большей степени оказывалось, что импульсы для новой, не альтернативной, модернизации можно получить только в недрах разного рода национально-буржуазных начинаний. А последствия, связанные с запуском таких процессов, не могут не быть катастрофическими.

И тем не менее в позднем СССР заказ на подобный, пусть и катастрофический, вариант был оформлен. И не в каком-нибудь диссидентском движении, а в недрах того самого КГБ СССР, который должен был охранять советскую альтернативность.

#### **XIV. Альтернативный Модерн и Модерн Андропова**

Сейчас много говорят об Андропове. Кое-кто открывает для себя ужасные истины, в том числе и по части этнической принадлежности данного лица. Кое-кто видит в нем чуть ли не идеального политика. Вопрос не в оценках как таковых. А в содержании. Все нельзя обсудить в рамках

одного системного анализа. Но приходится констатировать, что цель Андропова никак не сводилась к защите советского строя. Она не сводилась и к получению поста генсека, «красного царя». Видимо, Андропов не хотел быть «царем по помазанию» от КПСС. Он хотел прийти к власти вместе с другой – параллельной – структурой. И структурой этой была некая система внутри КГБ. Большого в аналитическом эскизе не скажешь, ибо нужны развернутые доказательства, а это круто меняет жанр.

Но параллельная структура – это форма. А содержание? Эксперты утверждают, что поиск этого содержания шел в «андроповском внутреннем круге», окончательно сформированном к концу 70-х годов. В первом приближении, идея была в необходимости перехода от альтер-



нативного Модерна к Модерну классическому, а от СССР – к национальному русскому государству. Одно было немислимо без другого.

Ибо для Модерна нужна нация, и «иногое не дано». Вооружаясь идеологически против КПСС, своего хозяина и противника, элита КГБ (точнее, часть элиты, ее существенный сегмент) скрыто провозгласила лозунг «модернизация любой ценой». По итогам закрытой дискуссии было заявлено, что переход к классической модернизации настолько жизненно важен, что на алтарь этого перехода нужно и можно принести и идеологию, и империю. Во имя чего? Во имя русского национального Модерна. А потом как-нибудь вернется и империя. Совсем сквозь зубы было, видимо, признано и еще одно обстоятельство, требующее такого перехода: «Слишком быстро растет население исламских республик...».

Внешние проявления этой политической эзотерики были достаточно многообразны. Их полный перечень превратил бы этот доклад в книгу. Я остановлюсь на одном примере.

## **XV. Модерн Андропова и постсоветский Модерн**

У Ельцина был такой советник – философ Анатолий Ракиков. Роль этого господина в расстреле Белого дома в 1993 году, а также степень интегрированности его в упомянутые мною субъекты, грезящие полноценной модернизацией, пусть раскроются, как в таких случаях говорят, «у Престола Господня». Я скажу только, что выбираю этот пример не без оснований. А основания раскрывать абсолютно не собираюсь. Для меня достаточно того, что Ракиков написал статью в журнал «Вопросы философии» в 1992 году, если мне не изменяет память. И в этой статье был заявлен тезис о модернизации через катастрофу. Позже этот тезис поддержали многие знаковые фигуры. Перечислять не буду.

Конкретно Ракиков заявил, что ради модернизации нам надо сменить культурное ядро российской цивилизации. И что ради модернизации нас будут раздирать катастрофы. Не люблю «личностного театра». Но из песни слов не выкинешь – никто, кроме меня, тогда не принял брошенную Ракиковым «концептуальную перчатку». Все как бы не заметили, что именно этим запрограммированы дальнейшие политические события. И продолжали орать свое. Кто про демократию, кто про то, что «банду Ельцина надо отправить под суд».

Так что же значит «сменить культурное ядро»? Все идеологи такой смены (а точнее, их устами те, кто потом занял позицию научной

обслуги власти позднего Ельцина и власти сегодняшней), все они (не буду называть их имена, потому что имена обслуги не так интересны) говорили о «модернизации через катастрофу». Они и сейчас продолжают говорить об этом же. Об «острове Россия», который надо отделить от всего, что с ним не связано. О том, что не нужен никакой СССР. О том, что без политической демократии модернизации не может быть, и т.д. и т.п.

Распад СССР, реформы Гайдара, все, что за этим последовало, имеют в качестве ядра своего не демократизацию, не «выправление чудовищных аномалий». И не злостное желание «все разрушить до основания». В основе – почти мессианская вера в необходимость и спасительность национальной модернизации. Вера не существует без церкви. Как, впрочем, и церковь не существует без веры.

Эта вера и эта «церковь» стоят за спиной всего сотворенного. Они прячутся за ширмами в виде Горбачева и прочих разных. Они питают общество сказками про 5–6 агентов США из Колумбийского университета. Продолжать вкушать пищу сию после всего случившегося – это значит унижать себя и свою страну. Это значит фальсифицировать реальную правду о генезисе процесса и накладывать табу на все адекватные оценки и рецепты.

Я уже сказал о личностном театре. Преобладание оногo всегда нарциссично. Но полный уход от личностного начала в описании происходящего – это игра в прятки. Это концептуально-объективистская трусость. Предлагая другим прекратить такую игру, я не могу сам спрятаться под маску аналитического объективизма.

По мере сил я все последние 20 лет боролся за то, чтобы «церковь», вдохновляемая верой «а ля Ракитов», не осуществила своей задумки. Главным аргументом для меня была даже не цена, которую придется за это заплатить, а принципиальная неосуществимость замысленного. Невозможность перейти к Модерну в условиях всеобщего постмодерна и контрмодерна. Невозможность переломить регресс, запущенный искусственной катастрофой, без создания структур, которые задушат в объятиях любой Модерн. И будут при этом полностью лишены какой-нибудь исторической креативности.

Чем отвечали оппоненты на такую концептуальную аргументацию? Убогим, пошлым и бредовым аргументом *et hominis*. Конкретно говорилось следующее: «Кургинян этого не хочет, потому что мы создаем нацию. А ему хочется, по известным причинам, поиграть в "нового Сталина" на пространстве империи».

Что сказать? Первый наш клуб, который был собран в этом зале в 1994-м году, уже обсуждал эти проблемы. Здесь сидят люди, которые ходят на клуб с того времени. И они помнят, что я уже тогда сказал: если результатом идущей катастрофы будет реальная модернизация страны, я не буду с этим бороться. Да, это не мое. Но Россия в этом как-то может разместиться. И это главное.

Что касается того, кто, во что и как хочет играть, то у меня совершенно другие игровые амбиции. Может быть, и не меньшие, но расположенные отнюдь не в неосталинской, да и вообще не в кондово-политической, плоскости.

### **XVI. Где Модерн?**

Но теперь-то мы имеем право спросить: где модернизация? Где наш постсоветский Модерн? Ради чего принесена жертва, ради чего допустили катастрофу? Где результат? На алтарь принесена империя, на алтарь принесен долгий советский путь, на алтарь принесено многое другое. А где то, что сулили взамен?

Я умею задавать вопросы очень энергично и таким образом, чтобы «завести» людей. И когда однажды, доведя до накала некое сообщество высокопоставленной услуги тех, кто все еще держится за химеру «национальной модернизации», я задал вопрос в такой форме, «сообщество» завелось окончательно. И ответило мне, что я ничего не понимаю: ведь речь шла не о модернизации страны, а о модернизации элиты. Когда, еще сохраняя выдержку, я спросил: «За счет чего?», то услышал: «За счет всего».

Моральная, экзистенциальная, политическая оценка подобной позиции не должна и не может быть назидательной. Еще не вечер. А в ожидании исторической окончательности я порекомендовал бы подобным оценщикам почитать не Евангелие, не Диккенса, не Достоевского, не Гюго. Это не их круг чтения. Я порекомендовал бы «Портрет Дориана Грея». Творение высокого имморалиста. Возможно, в сочетании с «Балладой Редингской тюрьмы».

Но это бесовство не нуждается ни в каком диалоге. В диалоге нуждается то, что осталось от «церкви» (той самой, которая «а ля Ракитов»). Если от нее еще хоть что-то осталось. Ее мы спрашиваем: где Модерн?

Где идентичность? Где нация в подлинном смысле слова? Модерн требует господствующих позиций для общенационального языка. То есть русского языка. В Москве сейчас поощряют создание этнических школ, в которых дети должны обучаться другим языкам. Языкам диаспоризированных трайбов. В чем тут воля к строительству единой нации? Любой строитель нации одной рукой пресечет ксенофобский бред о «чурках» и «лицах этих национальностей». А другой – обособление меньшинств. Не с этим ли шел Модерн Великой Французской революции в Прованс и Бретань? Не с единством языка, подпираемым комиссарскими полномочиями и ужасом гильотины?

Если воли к этому нет, то при чем тут нация? Нация – это светское единство национальной культуры и национального языка. Нация – это Пушкин. Если еще точнее, единство Пушкина и Петра. Где это? А если нет этого, в чем Модерн?

Так называемый «религиозный ренессанс» – это Модерн? Развал высоких отраслей промышленности вместо второй волны модернизации – это Модерн? Дегенеративное образование на месте образования, которое всем миром признавалось как одно из лучших, – это Модерн? Здесь уместно вспомнить слова нашего министра образования, который сказал: «Да, у нас было великолепное советское образование, но мы теперь не можем себе такого позволить». То здравоохранение, которое мы имеем, – это Модерн?

В кулуарах научно-практической конференции, которая предшествовала XXVIII съезду КПСС, говорилось о том, что нам нужна политическая демократия. Она якобы нужна потому, что авторитарными средствами можно строить только Модерн, а превзойти Модерн (остался ли хоть кто-то, кто это помнит?) можно только в условиях глубокой демократии.

Теперь мы вроде наелись демократии, и все переходит к тем же, по сути, авторитарным методам. Модерн так и не превзошли... Ну ладно, но где хотя бы Модерн?

Китай за те же 20 лет авторитарными методами построил дай бог какой Модерн. А наш Модерн где? Все уже открыто пишут: «Петрогосударство, петрономика». Это, что ли, Модерн? А где обещанная высокая компонента культуры, которая должна была взлететь «за облака» при «национальной модернизации»? Сегодняшнее телевидение – это Модерн?

**XVII.  
Модерн  
и глобализация**

Кто-то считает, что глобализация – экспансия Модерна в мировом масштабе. Это глубочайшее заблуждение. Глобализация и есть постмодерн. А главная черта постмодерна заключается только в одном: человек в нем полностью лишается любого высокого предназначения. Задача постмодерна не в том, чтобы как-то доругнуть «околдование мира», как говорил Макс Вебер, и еще более возвысить человека. Его задача в том, чтобы приучить человека жить в состоянии, когда он прекрасно понимает, что никакой принципиальной разницы между ним и крысой нет; может быть, он – ухудшенная крыса и должен это знать, ибо «отпал от природы». Вот это и есть постмодерн.

Как жить после Модерна в условиях, когда утешение не найдено и когда возвышающей миссии нет? А вот так. Потребляя «вот такое вот» телевидение.

Постмодерн – это не высокие технологии, это не глобализация великой культуры и техноструктуры. Постмодерн – это утрата человеком миссии, предназначения, смысловой вертикали. Я не знаю, возникает ли в России реальная «вертикаль власти» (я вообще не очень понимаю, что это такое). Но я знаю твердо, что власти нет без смысла, без духа. Я твердо знаю, что такое вертикаль духа. И столь же твердо знаю, что в России она отсутствует. И что нет никакой попытки ее воссоздать. Ибо такое воссоздание несовместимо с сегодняшними культурными инструментами. Которые свирепо уничтожают все предпосылки воссоздания чего-то подобного.

Их цель – как раз в том, чтобы доломать эту вертикаль духа. А такой полный слом, такой снос под основание (без замены чем-либо еще более интенсивно мобилизующим восхождение) – это и есть постмодерн.

**XVIII.  
Постмодерн  
и его двойник**

У постмодерна имеется двойник – контрмодерн. Контрмодерн утверждает, что надо вернуться, но не к религиозному христианскому возрождению (что многих бы обрадовало). В отличие от этих «многих» с их весьма наивными упованиями,

контрмодерн прекрасно понимает, что ни к какому искреннему христианскому возрождению вернуться уже нельзя. Он утверждает, что не-

жизнеспособные конструкции Модерна требуют полного сноса. И допустить такой снос надо до той глубины, куда он сам пойдет и где сам остановится. Где остановится – там и остановится. Но отнюдь не на рубежах христианской идилии! Все это будет снесено. Во имя глубокой и зловещей архаики. В узких кругах это как раз и называется «вторичной архаизацией».

В атаке на Модерн архаизаторы и постмодернисты идут рука об руку. Конвенция между ними состоит в следующем. Постмодернисты намерены выстраивать «глобальный город», или «золотой миллиард», а «глобальную деревню» отдать в управление контрмодернистам, архаизаторам.

На «периферии человечества» для этого должны возникнуть архаические трибы, племенная контрмодернистская структура. Сегодня главная модель этого процесса, полигон архаизации – Африка. Новыми полигонами архаизации должны стать Россия и Восток. Но первый полигон – Африка.

В центре – постмодерн «глобального города», на периферии – контрмодернистская трибализация «глобальной деревни» под управлением согласных на это «племенных вождей». И – конвенция между одним и другим.

Если Хожа-Ахмед Нухаев, как сообщается, действительно убит, то пусть он испрашивает себе прощение в иных мирах. Смысл всего, к чему призывал Нухаев, был именно в вышесказанном. Сначала создать чеченский триб, горную архаическую республику. Затем наращивать массу таких регионов, разделить весь мир на «регионы архаизации» и соединить их в сеть. А с другой стороны, на противоположном полюсе, должна быть сеть постмодернистского «глобального города». И это и есть глобализация.

Почему именно так?

## **ХІХ. Глобализация чего?**

Обратим внимание на то, что почти во всех научных сагах по поводу глобализации бережно обходится один-единственный действительно научный вопрос: что же именно, по большому счету, глобализуется? «Глобализация – это вот это, это, это...».

Извините, перечисление не создает научной предметности. Глобализуется якобы инфраструктура: транспорт, телефон, телевизор, Интернет...

Но не может же глобализоваться инфраструктура сама по себе. К вопросу о субъект-проектном дискурсе. Нет глобализации без субъекта. Как нет ее без социальной основы. Потому что именно социальная основа порождает все остальное. То есть?..

То есть, по сути, глобализуются труд и капитал. А под эту глобализацию труда и капитала создается инфраструктура. Не инфраструктура сама по себе глобализуется; она обеспечивает глобализацию труда и капитала. Труда – в виде мигрантов и «удаленных рабочих мест», и капитала – в виде мгновенного перемещения финансовых активов.

Но если и капитал глобализуется, и труд глобализуется, то исчезает посредник между трудом и капиталом в лице модернистского или, как его еще называют, «интервенционистского» государства. И тогда глобальный капитал не имеет для своей экспансии (а это его неотъемлемое, родовое свойство) никаких сдержек.

Значит, этот капитал, раз нет сдержек в виде глобального интервенционистского государства (а их нет и не предвидится), будет делать все, что он захочет, сначала на периферии. А он хочет на периферии архаики племен, которыми можно всевластно управлять. Ему надоело государство, оно ему мешает это делать, оно его то с одной, то с другой стороны ограничивает. И глобальный капитал сначала подомнет под себя периферию, а затем с периферии будет продвигать свою власть к ядру.

Трагедия сегодняшнего мира заключается, в частности, и в том, что в «глобальном городе» Модерна нет места ни Китаю или Индии с их миллиардным населением, ни кому-то еще, вроде Бразилии либо России. Более того, уже идут разговоры, что и «золотой миллиард» – это слишком много: слишком большая нагрузка на ресурсные и экологические возможности планеты Земля.

А это означает, что нельзя продолжать модернизацию. И что очень многие национальные государства надо не создавать, а, напротив, разрушать и заменять трайбами, которые, в отличие от государств Модерна, потребляют немного ресурсов. А великие общенациональные языки – заменять множеством местных наречий.

Глобализация – это успокоительный термин для простаков.

Настоящий термин звучит иначе: «глокализация» (соединение глобального и локального через разрушение национального государства как оплота Модерна). Вот ведь в чем действительный смысл.

И вот мы уже видим, что поют с эстрад, «возрождая наречия», бретонские певицы, лангедокские певицы, еще какие-то. И это идет пол-

ным ходом где? – во Франции, которая мучительно, через гильотину, создавала единое национальное государство с единым великим языком. Во Франции!

Что уж говорить о других местах планеты?..

Один из очень культурных руководителей африканского государства пригласил к себе на встречу знакомого мне иностранца. И говорил ему, чуть не рыдая: «Я всю жизнь посвятил созданию в своей стране нации и национального государства. И многого добился. А теперь американцы требуют от нас полной многопартийной демократии. Но у меня здесь 27 крупных племен. То есть здесь будет ровно 27 партий, и драка между ними, и все межплеменные войны, вся эта кровь, начнутся заново».

Подчеркну, что Модерн никогда не оперировал демократией как неким абсолютом. Никогда. Петр Первый – не демократ, Наполеон – не демократ, Кромвель – не демократ, Робеспьер – не демократ. Все, кто реально продвигал в мире Модерн, действовали за рамками демократии. Большинство мировых модернизаций имели именно авторитарный характер.

Тогда что такое сегодняшняя американская борьба с авторитаризмом в странах «третьего мира»? Это средство модернизации или средство разрушения модернизации? Всюду, где она происходит, возрастает радикальная исламизация, глубоко враждебная Модерну. Разве не американцы сеют это по миру? Значит, демократия – это фасад, маска, превращенная форма. Суть в том, что на периферии нужна вторичная архаизация. И все средства хороши, чтобы добиться искомого.

Сейчас многие якобы хотят спасти Россию от «авторитарной модернизации». О том, что происходит на деле в стране вместо такой модернизации, я уже говорил. Но, если в ком-то зреет желание спасти что-то в России от «авторитарного Модерна» это значит, что нас хотят «спасти» от высокой культуры и высоких интеллектуальных стандартов, «спасти» от гражданина, как от человека, признающего единство языка и культуры, а не просто человека, имеющего штамп в паспорте, полученный неизвестно за что.

Беда нынешней мировой ситуации (и я здесь выхожу на финишную прямую «философской» части своего доклада) заключается в том, что Модерн сам очевидным образом «устает». И потому конвульсивные попытки американских «неоконов», всех этих Чейни, Либби, Вулфовицев и т.д., хвататься за Модерн неубедительны и крайне проблематичны.



Это очень неопределенные, нечеткие действия. За этими попытками не стоят дальний культурный горизонт и идеология. Это «невыговоренные» попытки. И эти невыговоренные попытки обернулись тем, чем они обернулись: провалом в Афганистане и Ираке и новыми авантюрами. По сути, они послужили тому же делу постмодернистской глобализации.

### **XX. Кто же все-таки за Модерн?**

Такие констатации неизбежно вызывают вопрос: а остались ли в мире силы, которым нужен Модерн? Остались ли такие силы на Западе? Пусть речь идет не об идеях, а об интересах. Но есть ли эти силы (именно как силы, а не как воплощенная человеческая беспомощность) хотя бы на уровне интереса? Ответить трудно.

В принципе, Модерн не могут не поддерживать (на уровне рефлекса интересов) такие корпорации, как «Локхид». А также весь военно-промышленный комплекс. Почему? Потому что без мощных государств-наций, которые могут быть только в ситуации Модерна, нет и не может быть крупных военно-промышленных заказов, не может быть сотен миллиардов долларов на новые истребители, авианосцы, ракеты, космические корабли и на все, что с ними связано. В том числе – на финансирование «большой науки», которая в последние десятилетия фактически удушается во всем мире.

Назовите мне недавние крупнейшие «научные прорывы», которые обсуждаются в прессе. Эти прорывы никак не сопоставимы с Лос-Аламосом и Арзамасом-16. Они не сопоставимы с Гагариным и лавинообразным штурмом космоса в 60-е годы. Нет новых фундаментальных достижений в сфере энергетики (уровня управляемой термоядерной энергии). Псевдопрорывы касаются, в основном, мобильных телефончиков, Интернет-сетей, «умных электронных домов». То есть того, как нынешнего человека комфортно обустроить в окружающем мире. А не как обеспечить новую фазу восхождения человечества.

Нет «большой науки» вне культурной энергии этого восхождения. Интересы «большой науки» требуют нового большого культурного рывка, нового рывка восхождения. Но эта духовная энергия не только не культивируется, она истребляется. Между тем либо будет найдена новая энергия, открыто новое «культурно-смысловое дыхание» для

Модерна (искать его надо повсюду, и я убежден, что его можно найти), – либо Модерн кончен.

Но тогда вместе с Модерном кончена западная цивилизация и все, что с ней связано. Дальше – идти некуда...

Вот стоящая перед нами проблема! Закройте глаза и представьте себе масштаб этой проблемы...

А теперь «прокрутим перед собой» фигуры, олицетворяющие нынешнюю элиту мира. Есть ли что-то, соразмерное масштабу проблемы? Одно время казалось, что Ватикан Иоанна Павла Второго пошлет мессидж миру от лица Запада. Но этого не произошло. Буш должен учить человечество? Он научит!

Алла Пугачева в Общественной палате будет открывать новые глубины мысли и культурные горизонты? Российская «прагматическая политика» ответит на то, что апеллирует принципиально к транспрагматическим категориям?

Я не люблю Алена де Бенуа. Но не могу отказать ему в умении точно обрисовывать проблемные контуры. Это он сказал: «Интеллектуальные и политические семьи Европы находятся "в разводе", и этот развод плохо кончится для политических семей». Это не проблема одной лишь Европы. Это проблема Запада. И проблема России.

Скажут, что в России просто нет подобных семей. Если ничего нет – то нет России. Тогда зачем что-то писать? А если что-то есть, то это «что-то» надо собирать. И если и остались у меня какие-то амбиции, то, скорее, эти, нежели любые другие. Потому что очень уж с этим плохо. Так плохо, что тоска берет. Модернизация отсутствует на уровне внешних проявлений. Это страшно, но это полбеды. Но если нет и интеллектуального потенциала модернизации, если нет почвы, на которой она может произрасти, то беда становится слишком уж всеобъемлющей. Опускать руки я не умею. Как не умею и прятать голову под крыло. А это значит, что собирать придется то, что имеется. Я подразумеваю именно интеллектуальную сборку.

Спросят: «А что имеется?»

Отвечаю: пока не начнем собирать – не поймем. А пока правду о том, что есть, не скажем – никакой сборки даже начаться не может. Так и будем бегать по кругу, вереща про отсутствующие возможности.

**XXI.  
Модернизация  
накрылась –  
но что же произошло?**

В 1987 году перед элитой СССР стояла одна важнейшая задача – двинуть советскую империю на постиндустриальный, а не на постмодернистский путь развития. Это можно было сделать, сохранив диктатуру КПСС, но придав этой диктатуре характер диктатуры новых, постиндустриальных, классов. Однако полуфеодальный номенклатурный класс в самой компартии, с одной стороны, и одержимая постмодернистским безумием «спецуха», воевавшая с партией, с другой стороны, вместе это все прикончили. И сейчас все они, вместе с нами и страной, сидят на обломках.

Им бы теперь подумать о Боге или о чем-то другом, Высшем, перед чем надо ответить за содеянное. А не подталкивать свою уставшую, измочаленную и потерявшую нюх агентуру к новым прыжкам и ужимкам в том же провальном духе. И сейчас это особенно важно. Я вижу, как страна подходит к новому барьеру, за которым проблемы начнут нарастать очень и очень резко. И кто-то должен будет их решать.

Коммунисты? Коммунисты без Советского Союза – ничто. Проектный потенциал коммунистов окончательно уничтожили вместе с СССР. На самом деле, он был фактически уничтожен еще раньше, в эпоху Сталина и Хрущева, когда еще можно было что-то начать спасать, когда какие-то дополнительные двигатели альтернативного Модерна еще могли быть включены. Что делать теперь?

Вопрос, который стоит на повестке дня, заключается не в том, кого бомбить и какой флаг поднимать. Если Бжезинский, одна из умнейших и наиболее зловещих фигур сегодняшнего Запада, говорит, что Америке нужно мировое лидерство, а не мировое доминирование, – пусть он заодно расскажет, откуда возьмется лидерство без новой духовной тяги. Без новой воли к новому восхождению. Об этом должен сказать или духовный синклит Модерна, или кто-то еще. Кто же? Может быть, об этом расскажет новый Папа Римский? Кто и что нам расскажет о новом этапе восхождения человечества?

Я пока не вижу никого. В борьбе с коммунизмом западный Модерн сознательно отказался от идеального и начал потребительскую игру. Потому что на поле идеального он с коммунизмом конкурировать не мог. Ему надо было вытащить всех за это поле, в потребительское болото. Ради этого сначала на Западе, а затем и у нас создали «воинствующего мещанина». Вместе создали «жующую тварь».

У нас в СССР это был «гуляш-коммунизм», как сказал Эрих Фромм, глядя на то, что творит Хрущев. У них – «общество всеобщего потребления». В их корыте свиньи ели обильнее и вкуснее. Так и была выиграна конкуренция. Для выигрыша была создана потребительская тварь. Ее напустили на идеальное. Она сумела пожрать то, на что ее натравили. Дальше – что?

## **XXII. Диалектика твари**

Что теперь делать «творцам» с этой тварью? Смотреть, как она все сжирает вокруг себя? Да, можно какое-то время управлять через растление людей. Но только надо осознавать, что их в каждый последующий период придется растлевать в геометрической прогрессии.

Людей растлили до определенной степени, и они к этому уже привыкли, им стало скучно. Это Моцарта можно слушать бесконечно, а «Рублевка. Life» или «Дом-2» надоедают очень быстро. Давайте что-нибудь новое. Публике будет интересно! Вы опять увеличите рейтинг телевидения. Растленный скот опять прильнет к экранам.

Но, опираясь на такого скота, абсолютно невозможно удержать огромную полуразрушенную страну. При этом можно выигрывать выборы. И заодно подрывать тот фундамент, на котором держится власть. Потому что скот не вынесет никаких тягот на своих плечах и ничего не удержит.

Я предлагаю всем нашим милейшим политикам, поглощенным собственными проблемами, а также тем, с кем я разговариваю мысленно сквозь аудиторию и вокруг аудитории, тем самым людям, на которых грех развала и растления страны, помыслить о предложенной «теоремке». И честно поставить перед собой вопрос: что дальше? А не демонстрировать лживое властное могущество. Лживое, потому что гнилое.

Те, кто говорил о страшной плате за Модерн, были морально и экзистенциально проблематичны. Но они говорили о страшной плате за что-то... То, что они предлагали, можно было назвать преступлением. Но то, что в результате сделано, хуже, чем преступление. Если бы этим преступлением был куплен Модерн – страшно, но... ладно. Но ведь и Модерн оказался продан, предан, сдан, уничтожен. И тогда нельзя не задать вопрос: за что все было отдано?

**XXIII.**

**Синдром «малых дел» – и игровая реальность**

Вопрос ужасен. И многие перед лицом этого ужаса хватаются за якобы спасительные «малые дела», они же «национальные программы». Раздаются надрывные восклицания: «Мы решим, мы спасем, мы сумеем! У нас денег до фига в стабилизационных фондах!»

Во-первых, денег не до фига.

Во-вторых, к ним никак, увы, все не сводится.

Демографическую проблему хотят решать люди, живущие в виллах по \$15 млн.? Они искренне хотят, чтобы те самые крысы, то бишь граждане, быстрее размножались? Так вот, эти «управленцы» должны знать, что в нашем северном климате «преимущественно нордическое население» размножается только под крышей и в тепле. И что завоеванием советской системы, хотя и убогим, была плохая квартирка. Не американский коттедж, а плохая квартирка, но – бесплатная. А также изба, где тоже можно размножаться. И эта квартирка не добывалась в конкуренции, а давалась каждой семье.

Если вы хотите получить квартиру из пяти комнат, да еще с чем-то дополнительным – боритесь на вашем рынке. Но квартира должна быть у каждой семьи, и каждый заболевший гражданин страны должен иметь возможность решить основные проблемы своего здоровья на приемлемом уровне современных возможностей, вне зависимости от стоимости этих возможностей. А если вы хотите поместить вашу дочь или сына в американскую клинику – платите, ради Бога. И каждый гражданин страны, родившийся где угодно, должен иметь возможность получить высшее образование и читать книги, которые ему для этого нужны. А если вы хотите отправить свое чадо в Оксфорд – отправляйте за ваши собственные деньги.

Теперь это все отнято, или вот-вот будет окончательно отнято. А что получено взамен из обещанного? Где новые российские суперкомпьютеры? Где новые поколения вооружений? Где современная транспортная, информационная, наконец, бытовая инфраструктура? Где новая армия с высочайшим национальным духом? Где новые современные заводы? Где наши политические, экономические, социальные, научные и прочие триумфы и победы? Где «колониальная нога России», стоящая на ее бывших провинциях и за ее пределами?

Где это все? Этого нет! Значит, все обещания были ложью, наглой, самодовольной, самовлюбленной! И кто-то считает, что за нее не надо расплачиваться? Заплатят! Все, кто это устроил, будут платить. И приближается «последняя черта», когда еще можно заплатить по нормальному, «вегетарианскому» счету. Потом платить придется иначе и страшнее.

Но предположим, что каким-то способом все эти неутопии с национальными программами начнут воплощаться. Они же не на Луне начнут воплощаться. И потому стоит приглядеться к реальному содержанию той международной среды, которая должна быть «объемлющей» для неутопического «объемлемого».

Когда нам говорят о войнах (война в Ираке и так далее), то по назначению ли употребляют это слово? Не более ли верное слово «игра»? Или «управление через конфликт»? В чем разница? Если это игра («управление через конфликт»), то должен иметь место внутренний неявный сговор кажущихся антагонистов. Без этого игры нет по определению.

Но есть ли сговор?

Что мы видим? Мы видим провокацию под видом «антизападного джихада». И видим западных «ястребов», готовых грудью встать на защиту «цивилизации и прогресса», яростно атакуемых псевдоджихадистами (рис. 1).

Если я прав в своей оценке происходящего, то эта игра просто невозможна без инфраструктуры коммуникаций между якобы антагонистичными игроками. Ин-фра-струк-ту-ры! Не одного или двух каналов коммуникаций, а сетки! Кровеносной (точнее, нервной) системы, связывающей эти две стороны. Это – неотъемлемое, обязательное условие управления через конфликт.

Моя гипотеза состоит в том, что происходящее есть игра. Цель игры – сдвиг мира в какую-то сторону (может быть, туда, куда я говорю, – в пост-контрмодерн, а может быть, еще куда-то).

Как мы можем проверить эту гипотезу? Мы ведь не конспирологи, а аналитики! Мы хотим нормальной проверки. Это необходимо даже при минимальности наших претензий. Даже если окончательная цель – не модель, не теория, а эскиз. Даже тогда нужны средства проверки гипотез. А этих средств нет и не может быть вне обращения к истории элитных игр, выявленных и описанных.

Одна из таких игр называется «Иран-контрас». Что это такое?

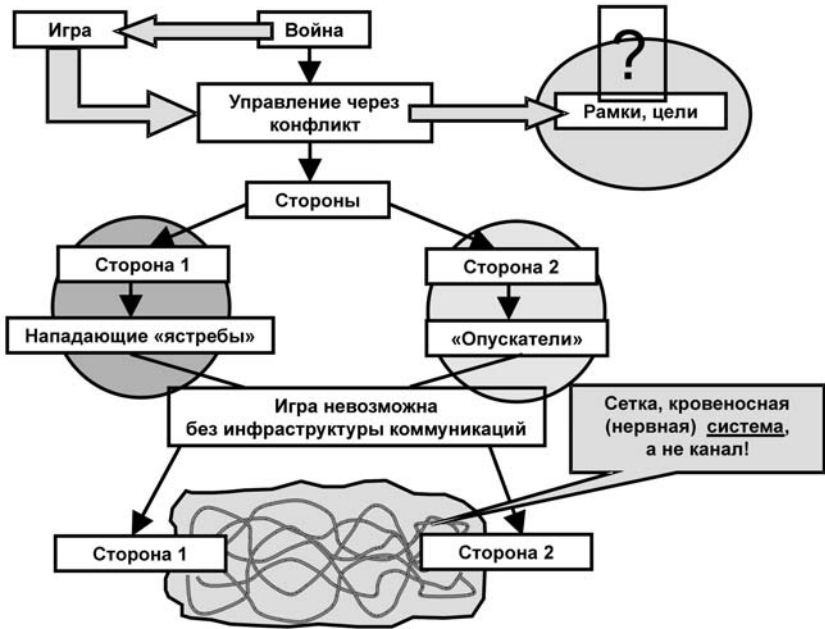


Рис. 1

С минималистской точки зрения, речь идет об американских «серых» поставках оружия Ирану. С тем, чтобы на вырученные деньги снабжать оружием отряды «контрас» в Никарагуа. Рейгану сказали, что нельзя поставить в Никарагуа оружие для борьбы с повстанцами, не продав что-то куда-то по «серым» каналам. Появились полковник Оливер Норт и другие. Вышли (или почти что вышли) за конституционное поле. Чуть было не нарвались на крупные неприятности. Ну, и все.

С минималистской точки зрения – все. Но так ли это в действительности?

## XXIV. Содержание игры

Ответить на вопрос о реальном содержании игры и соотношении этого содержания с минималистской моделью совсем непросто. Мы попытались проложить дорогу к таким ответам на серии концептуально-аналитических семинаров, проводимых нами и аналитиками Израиля. При этом исходная позиция состояла

в том, что мы минимализм отрицали, а израильяне всячески на нем настаивали. И всякие наши выходы за рамки минимализма рассматривали как «тяготение к объяснению через теорию заговоров».

Если бы этим все и кончилось, то не о чем было бы и говорить. Но поскольку это не так, то сюжет представляется мне важным, и я его расскажу подробно.

Тему «иранской двусмысленности» я поручил своей дочери Ирине Кургинян, поскольку она, как историк, занимается Францией, любит искать «предметные доказательства», в конце концов, знает французский язык и так далее. И.Кургинян достаточно тщательно разобрала секретные (ныне рассекреченные) записки Мишеля Понятовского Жискару д'Эстену. А также другие источники, показывающие, что на самом деле в Иране приводили к власти Хомейни сами американцы, что Хомейни вовсе не был им чужд. Были подняты и вопросы о некоторых международных структурах, вовлеченных в эту операцию.

Кто-нибудь помнит, что такое Safari-club? Ведь если реализуется игровое управление через конфликт, играющие стороны как-то должны договариваться, и для этого нужна инфраструктура. Мы говорили о том, кто именно и что делал, и как именно Понятовский разговаривал с представителями американцев, и что шах Ирана рассказывал Понятовскому о Safari-club. Может быть, кто-нибудь ныне живой из семьи шаха рассказал бы об этом лучше, чем я, но мы тогда рассказали достаточно.

Мне было важно, чтобы всю эту «вивисекцию» с нашими коллегами проделал молодой специалист, на которого грех не «наехать» и который умеет отбиваться. Грешен, но была подспудная мысль, что кто-нибудь начнет заступаться и через это мы получим подтверждение искомого. И я не ошибся.

На дочь «наехали» некоторые участники конференции, обвиняя в конспирологии. А она отбивалась: «При чем здесь конспирология, вот архивные данные, вот справка номер такой-то, вот цитата». И тогда встал израильский бригадный генерал Сеgev и решил, как мужчина, за нее заступиться.

Генерал Сеgev сказал, что он служил в командовании частей особого назначения и целью его командировки в Иран было обеспечение структуры развертывания израильских частей особого назначения на иранской территории. Он в Иран и прибыл по просьбе шаха и по договору с американцами. Еще у генерала Сегева было хобби. Он собирал «библейских» животных со всего земного шара и завозил их для расселения на гору Кармель в Израиле.



Но он приехал не «собрать ланей», в чем состояла официальная версия, а обеспечивать **развертывание** специальных сил Израиля в совместной с американцами спецоперации для недопущения Хомейни. С американской стороны в Тегеране ждали Александра Хейга, который должен был приехать для координации этой операции.

«Но приехал другой человек, – сказал Сеgev, глядя на зашумевшую израильскую аудиторию, – мне сказать, кто именно?» – «Нет! – раздались крики израильских коллег, у которых, как мне казалось, более крепкие нервы. – Не надо!» – «Хорошо, – продолжил Сеgev, – я не буду говорить, кто приехал. Но тот, кто приехал, сказал, что в Иране, по плану американцев, будет строиться открытое общество в условиях полной демократии, а военное вмешательство недопустимо. И поэтому армия Ирана должна приготовиться к демократизации и в полной мере принять участие в этом. Так, как она сочтет нужным».

Сеgev передал это пожелание иранским генералам. Они (я цитирую Сегева) «поблагодарили за информацию и той же ночью, собрав только вещи первой необходимости, драгоценности и деньги, рванули вместе с семьями через границу на всех транспортных средствах; к утру их не было вообще. После чего начался триумф Хомейни». «Я, – продолжил Сеgev – вместе с пятнистой ланью улетал последним десантным самолетом. Пусть кто-нибудь скажет мне после этого, что Хомейни победил за счет внутренних иранских ресурсов».

После сообщения генерала Сегева конференция в Тель-Авиве сменила тональность.

Ведь что значит признать, что операция «Иран-контрас» не была минималистской? Это значит признать, что данная операция не была нацелена только на оружейный «иксчэйндж». Но тогда надо сказать, на что она была нацелена? Сказал «а», говори «б».

А что значит сказать «б»? Это значит признать, что кому-то из «сильных мира сего» на Западе для каких-то целей нужен был не шах, а Хомейни. Кому и для каких целей?

Тут никогда не бывает одноуровневого ответа.

Прежде всего, Хомейни был нужен потому, что нельзя было воевать с Советским Союзом, не имея «второй силы». Которая, конечно, будет проклинать американцев, но заодно будет совершенно непримирима к СССР: за атеизм, борьбу с исламом и так далее. И первые удары исламистов по нашей территории были нанесены (что не все знают) именно из хомейнистского Ирана.

А еще Хомейни был нужен потому, что надо было останавливать Модерн. Пора было создавать архаизированную контрмодернистскую

инфраструктуру периферии. И нужная для этого конфигурация обсуждалась уже тогда, как и показано на рис. 1. И это были не какие-то мистифицированные «масонские ложи». Это конкретные структуры, конкретные люди, конкретные связи и конкретные отношения. Было решено, что с миром Модерна больше делать нечего и периферию надо загонять в контрмодерн. И те же структуры и ровно на тех же основаниях поддерживали «Братьев-мусульман» в Египте и других странах. Можно назвать по именам западных миллиардеров, которые поддерживали «Братьев-мусульман» и объясняли, почему они это делают.

## **XXV. Анализ игры. От истории к современности**

Мне могут сказать, что это все – прошлое. Однако ведь это прошлое и настоящее прочно связаны (рис. 2).

Но **чем** они связаны? Это конкретные люди? Это сохранившиеся интересы? Это группы по интересам? Или же это стратегические

группы, то есть субъекты проектной воли?

Объединяло ли их просто желание иметь «горячее южное подбрюшье» против СССР? Тогда оно практически ушло в историю. Объединяло ли их только желание торговать оружием и наркотиками? Тогда оно вечно, но малоинтересно.

Или же их объединял и объединяет Проект? Тогда это стремление и эта связь воспроизводятся. Но тогда и задача «расширенного воспроизводства контрмодерна» никуда не делась. Я утверждаю, что это стратегически важно. Давайте это рассмотрим.

Существует новый иранский лидер, связанный с «эпохой Хомейни», со «стражами исламской революции». И этот иранский лидер, Ахмадинежад, который неожиданно в нужный момент «всплыл на горизонте», более всего занят ядерной программой и еще одним вопросом – о переселении евреев из Израиля в различные точки земного шара. Для начала он предложил переселить их с Ближнего Востока – на европейскую территорию, либо в США, либо даже на Аляску. Дальше он, видимо, предложит переселить их на Новую Землю. Хорошее место: почти как Земля обетованная... Ледяной остров, куда не во всякий сезон доберешься, радиационный фон от большой серии испытаний ядерных бомб...

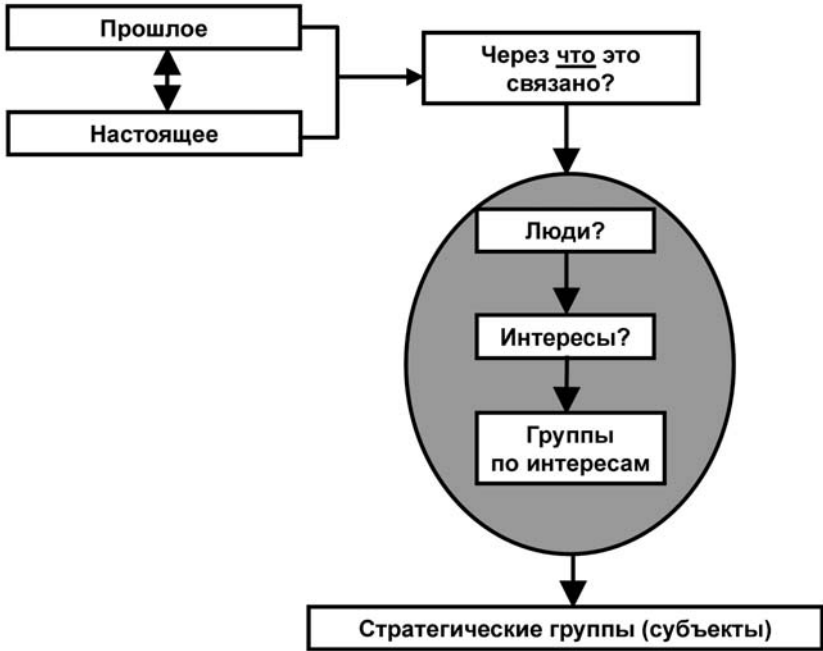


Рис. 2

В любом случае, уже то, что сказано, – это хлесткий вызов и Израилю, и США. Но на уровне житейских реакций, которые вызывают оправданно и почти повсеместно (в том числе, например, у нас в России) разрушительные действия США хотя бы в Ираке, этот вызов многим по-человечески нравится. Все «прижали уши», слышна железная поступь сверхдержавы, вокруг почти одни «политические официанты». Цыкнули по поводу «закона о неправительственных организациях» – и вот в России уже принимают поправки к закону. Сказали немцам: «Эй, вы там делайте не этак, а так» – и вот уже они, похоже, так и делают. А тут – «герой» говорит: «На Аляску евреев отправлю!» Повторю, это многим нравится.

Первый вопрос, который я ставлю: каково поле порождаемых этим вызовом чувств, оценок, суждений? Куда движет этот «герой» нагретые его высказываниями «мыслечувства»? И, главное, есть ли реальная стратегическая граница для этих «мыслечувств» и где она (рис. 3)?



Рис. 3

Для меня она есть. И определяется она отнюдь не тем, что эмоционально предъявляет иранский лидер своему «еврейскому собирательному врагу». Понятно, что это риторика. И что никого и никуда он не переселит.

А вот когда он начинает говорить, что Холокоста не было, то это – реабилитация Гитлера и фашизма. Нельзя тут сделать один шаг, не сделав другого. Евреев не сжигали в лагерях смерти? Тогда славян тоже не сжигали! Никого не сжигали, не было злодейств? Тогда советские войска победили не абсолютное зло, а некую альтернативную силу. И еще неизвестно, может быть, вполне хорошую. А раз эта сила хорошая, то сами советские войска – плохие. А Знамя над Рейхстагом – не величайший подвиг мировой истории. В этом случае святое знамя будет низведено до тряпки, которую русский дикарь вывесил над великим зданием по указке мирового сионизма.

Между тем победа во Второй мировой войне – наш абсолютный исторический капитал. Наш, а не Ирана. Наш, а не США. Наш, а не Израиля. И отдать этот капитал, не отказавшись от истории вообще, мы не можем. А отказавшись вообще, мы не являемся личностью, в том числе

национальной. Тогда какой Модерн, какое государство? Так надоело повторять, что «дважды два – четыре»... Так надоело...

Для меня граница находится именно здесь. Я эту границу никогда не перейду. И тем, кто хоть как-то меня ценит, ее перейти не дам. Потому что ее перейти – значит попасть в ловушку. В ловушку, в которой и у СССР и России, и у наших дедов и отцов вообще нет никакой позитивной исторической роли. То есть это и вопрос морали, и вопрос исторических судеб страны.

Но это еще не все. Как только эта граница прорвется, куда процесс начнет стратегически двигаться дальше? Если открыта «дорога в позитив» фашистскому контрмодерну, тогда «на коне» оказывается контрмодерн вообще. И акторы контрмодерна получают новую легитимацию и новое дыхание. Прежде всего – получает новое дыхание исламизм как мощнейшее архаизирующее начало.

### **XXVI. Ислам и исламизм**

Сделаю необходимую оговорку. Вопрос совершенно не в том, что есть ислам как великая религия, что у ислама было свое Возрождение, что в исламе есть свои представления о том, как человек возвышается, восходит наверх. Речь не об исламе, а об исламизме. О том, как создается

вирус, который должен пожрать ислам как религию, превратить его в политизированную «идеологию под архаику».

Как происходит перегонка религиозной энергии в энергию контрмодернистского проектирования? И кто это делает? Это делают некоторые американцы; это делает ряд транснациональных семей Европы; это делают саудиты, связанные с этими американцами и европейцами. И это совместно делают все те, кто поделил мир на контр- и постмодерн, то есть враги и ислама, и Модерна. Потому что ислам своим языком говорит о человеческом возвышении и восхождении, а исламизм в прямом или скрытом виде фактически зовет к доисламской архаике. Именно к этому!

Куда развернется совокупность фрагментов и сдвигов описанной «мозаики» – тактически и стратегически? Где это «проектирование» выходит на «злобу дня» мировой и российской политики?

В отличие от Саудовской Аравии, с которой меня ничего не связывает, Иран я люблю. Культуру его люблю. И потому меня происходящее особенно беспокоит. Потому что слишком многое повторяет тут игровые ходы «а ля Иран-контрас». Слишком многое! И это очень прискоробно.

## **XXVII. Исламизм и смена вех в американской стратегии**

Когда мне говорят, что американцы все переиграют и перейдут к новому формату отношений с нужными им контрмодернизационными силами, то у меня сразу возникают вопросы. В целом они сводятся к тому, что такая переигровка – дело далеко не вегетарианское. Тут надо

все переигрывать. А значит, ущемлять чьи-то интересы. Причем огромные. А эти интересы кто-то будет защищать. За этими интересами стоят люди, структуры. И что, эти структуры и эти люди не будут сопротивляться? Они не понимают, что последует за их перемещением на игровом поле?

Что, у них на памяти нет эксцессов после победы Клинтона, когда г-жа Барбара Стрейзанд (не только актриса, но и, по совместительству, одна из ключевых фигур в окружении Клинтона) в не слишком узком кругу кричала бывшему директору ЦРУ Роберту Гейтсу: «Ты, вонючая немецкая свинья, убирайся в свой фатерланд!»?

Они забыли, как в то же время офицеры ЦРУ (связанные, если мне не изменяет память, со структурами банка ВССИ) были убиты «неизвестными» прямо на пороге штаб-квартиры ведомства? Они не понимают, что в случае их поражения все это может повториться в стократном масштабе? Они не осознают, что предвещает начавшаяся в родной Америке политико-уголовная «охота на Либби»?

Они все помнят и все понимают! На карту поставлена судьба мировой власти: мировых проектов, глобальных конфликтов, необъятных денег и так далее! С этой «политической доски» так просто и без издержек не уходят! Это не мистифицированная «великая шахматная доска» г-на Бжезинского.

Итак, кто может и кто хочет уйти? И что такое «повернуть от войны к миру»? Уловив невидимые флюиды, идущие из зала, я вижу, что примерно треть аудитории уже понимает, куда я клоню.

**XXVIII.  
Мировая игра:  
фиксация позиций**

Сейчас на наших глазах разгорелся громкий скандал вокруг Герхарда Шредера, который согласился на назначение председателем комитета акционеров оператора Северо-Европейского газопровода (рис. 4). По всему миру печатаются сотни статей по поводу «непристойного

поведения» Шредера. У меня к вам вопрос: зачем это все Шредеру? Он что, не понимал «цену удовольствия»?

Он же бывший канцлер крупнейшей европейской страны. В любом фонде, в котором он будет членом Наблюдательного Совета, – может он, как бывший канцлер, получать меньше 100 тысяч евро в год? Не может! Он в двух–трех фондах будет сидеть? Будет! Он не может устроиться советником в какую-нибудь крупную корпорацию? Да его туда будут изо всех сил зазывать! У него, при его статусе, может там быть меньше 250 тысяч евро в год? Не может – просто по определению! Он где-то еще частным консалтингом заниматься может? Может и будет! А разве для него закрыты дальнейшие политические перспективы? Нет, явно не закрыты!

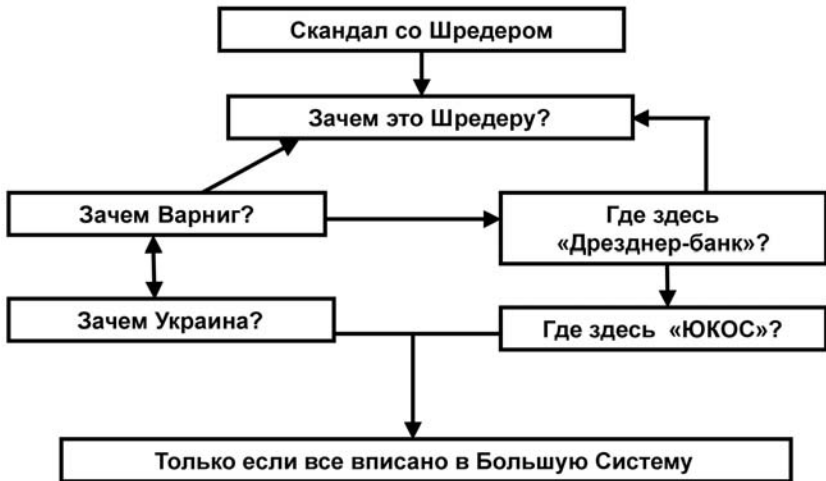


Рис. 4

Зачем же он лезет в капкан, поставленный для пятиклассника, пусть даже за миллион или полтора миллиона евро? Что такое миллион евро в год для человека, который был канцлером крупной европейской страны? На кого этой суммой хотят произвести впечатление – на нашего журналиста из второсортной газеты? Значит, он не за деньги туда лезет!

А при чем тут Матиус Варниг (или, как у нас любят его называть, Митя Варниг)? Если уже посадили Шредера на крупную «компанию будущего», где первые швы на трубе еще только-только сварили, то зачем рядом с ним сажать официального агента «Штази»? Официального агента, бывшего офицера! Значит, надо топить «друга Шредера» не только тем, что его на это место официально посадили, надо еще «для полноты впечатления» рядом с ним посадить Митю Варнига, чтобы всем и каждую минуту было «все ясно». Чтобы было ясно, как на плакате Кукрыниксов, а не как на картине Шишкина «Утро в сосновом лесу»! Маяковский называл такой стиль «шершавым языком плаката».

Шредер что, этого не понимает? Он почему-то не знает, что «Митя» – пас «Дрезднер-банк» от «Штази» и должен был добывать оттуда информацию? Хорошо, это было вполне почетное занятие в ГДР эпохи 1980 года. Потом все закончилось. Почему же «Митя», который воровал секреты «Дрезднер-банка», вдруг оказался в этом самом «Дрезднер-банке» на весьма высокой и почетной должности? Между прочим, многие его коллеги по «Штази» находятся под люстрациями и канавы копают ...

Так почему же Варниг оказался в «Дрезднер-банке»? И какие такие особые услуги он этому «Дрезднер-банку» оказывал и оказывает?

А все из здесь собравшихся знают, как именно Шредер «топил» «ЮКОС»? Что если бы не личные усилия г-на Шредера, то «разбираться» с «ЮКОСом» было бы гораздо сложнее?.. Значит, там еще существует какой-то крупный конфликт и крупный интерес.

Далее, при чем здесь Украина? Что происходит с этим самым «газовым конфликтом», вы мне можете объяснить? И в чем такая особая прелесть для России этого нового газопровода, на котором будут сидеть «Митя» и Шредер? Выгоду Германии я понимаю: она хочет гарантированно получать очень важный для нее российский газ.

Америка использует Восточную Европу как кордон, чтобы ресурсы из России (в том числе российский газ) не прошли в Большую Европу. Тогда гениальная рука проводит трассу по морю – и русский газ по новому газопроводу пойдет в Германию. И что?



Во-первых, он неизвестно, когда пойдет, да и пойдет ли – еще вопрос.

Во-вторых, ну и что, что он пойдет: он все равно куда-нибудь пойдет, мы его все равно будем кому-то продавать!

В-третьих, «у нас село не газифицировано», как справедливо сказал мой президент. Почему бы село этим газом не газифицировать?

В-четвертых, новый газопровод, в лучшем случае, по двум своим ниткам возьмет на себя к 2013 году 25% российского газового экспорта. Нам бы еще дожидаться до 2013 года в единой России; я имею в виду не партию, в которой не состою, а страну!

Что это за «химия»-то? У нас ведь с Украиной по газу – договор, а это международные обязательства. И вопрос цены в них – вообще-то, небеспорный. То есть не факт, что что-то путное для России из этого конфликта (даже по чисто юридическим основаниям) выйдет. Но если и выйдет, то одной раскачки темы с Мукачево, где стоит радиолокационная станция, обеспечивающая российскую систему ПРО, хватит, чтобы нас поставить на уши. Если мы еще страна.

А на Украине таких «заготовок» много! Например, оставшиеся у нас на вооружении стратегические ракеты СС-18, которые мы без обслуживания производителя – завода «Южмаш» – в боеготовом состоянии держать не можем. Мы же сами способны ставить на боевое дежурство в РВСН по три–пять несчастных «Тополей» в год, что никак не покрывает выбытия СС-18.

Так зачем все это сделано с Украиной? Зачем вся эта композиция? Может быть, она нужна затем, чтобы Ющенко все-таки выиграл предстоящие парламентские выборы, поскольку сам по себе он их никак не выигрывает?

Иначе – в чем смысл? Ведь весь относительно «пророссийский» северо-восток Украины, где сейчас уверенно лидирует «партия Януковича», уже «встает на уши» оттого, что дорогой российский газ остановит у них почти всю промышленность. То есть «газовый конфликт» играет на руку Ющенко и только Ющенко!

Но если выиграет Ющенко – что тогда практически будет на Украине, с точки зрения интересов России? И какое значение для нас имеет разница в цене на газ при сегодняшнем состоянии российских финансов? У нас в Стабилизационном фонде и золотовалютных резервах сотни миллиардов долларов. Допустим, мы еще 2–3 млрд. долларов возьмем с Украины – что принципиально изменится от этих миллиардов, что мы приобретем? А что при этом стратегически потеряем?

## **XXIX. Симптоматика переигровки**

Что означает вся эта система проблематизаций? Что смысл надо искать не там, где его ищут, а где-то еще. Где же?

В любой большой игре есть запреты. И есть специальные периоды, когда запреты специальным образом нарушаются. Я вспоминаю эпоху дела «Мабетекс». И, что еще важнее, эпоху дела «Бэнк оф Нью-Йорк». Думаете, просто начать такие штуки? Ох, как непросто! Потому что противник всегда может ответить. Потому что такие засветки нарушают правила. Негласные правила, действующие в элите. А такое нарушение не может быть асимметричным.

Началась ли снова переигровка? Я считаю, что началась.

Действия Шредера, назначение Варнига – это все объясняется не корыстными интересами и не оперативными предвзятостями. А той тектоникой, которая смещает целые слои общемирового процесса.

Из этой же обоймы индикаторов – нынешняя охота на Тимченко. Я, например, жил себе спокойно и не знал, кто такой Тимченко! А теперь пресса как с цепи сорвалась. Я читаю газеты и вижу, что дело нешуточное.

Что, по сути, все опять вползает в то «серое» состояние, которое было характерно для эпохи «Бэнк оф Нью-Йорк». Все не может так просто в это «серое» состояние вползать. Для этого страшные силы надо привести в действие.

А охота за «Альфой»? Это что, наш внутренний «террариум» дергается? Ой ли! Убежден, что это, как минимум, не совсем так.

Перечисление индикаторов можно было бы продолжить. Но нас-то интересует дешифровка. К ней пора переходить. Без нее все эти фиксации – гроша ломаного не стоят.

## **XXX. Герменевтика переигровки**

Что такое сегодняшняя Восточная Европа? Весь этот пояс, от Прибалтики до Молдавии и Румынии? Это (я использую образность советского периода) «американский ответ немецкому Чемберлену».

За Украину воюют не Россия и США! Это бред! Это мания величия! За Украину и за каждый клочок восточноевропейского пояса воюют Германия и США. Объединенная

Европа – это фуфло. А вот расширяющаяся Германия – это серьезно. И американцы прекрасно понимают цену вопроса.

Если немецкая промышленность (и завоеванная немцами европейская промышленность) соединится с сырьевыми потоками из России, то... То, в двух словах, евро убьет доллар. Американцы не могут этого позволить! Америка – это сверхдержава с неустойчивой экономикой. Если противоречия между сверхдержавной надстройкой и экономическим базисом перейдут некие рубежи, то сверхдержавная надстройка не спасет экономический базис. И Америка не просто откатится на приемлемые позиции. Она рухнет. А раз так, то она будет драться за то, чтобы этого не произошло.

А Германия будет драться за то, чтобы это произошло. Шредер ли, Меркель ли... Шредеры приходят и уходят, а «Дрезднер Банк» остается. И «Дойче Банк» остается. И... Вот, в Италии Берлускони... И, надо же, тоже хочет что-то такое, «газпромское»... И с «Дойче Банком» там тоже нечто происходит, причем совсем не локальное.

Позиции занимаются, позиции! На карте будущих (холодных, а возможно, и горячих) мировых войн. И не мы там воюем, а Антанта с Тройственным союзом. И нам здесь уготована та или иная «пристязная» роль.

Какая именно?

Мы понимаем, что на Украине Тимошенко – это Германия, а Ющенко – это США. И что нас там нет.

Мы понимаем также, что трубопровод по морю – это ход в германской игре. Ибо такой трубопровод труднее перекрыть, нежели трубопровод по любой восточноевропейской территории, где американцы хотят хозяйничать. Мы понимаем, что нас тем самым включают в некую игру на «большой немецкой стороне». И мы не понимаем, чем это кончится. И в чем тут национальный интерес? Национальный, а не «газпромский»! Если бы Германия была совокупным спонсором нашей большой модернизации... Но ей это нужно еще меньше, чем США. Мы для нее – сырьевая колония. Американцы хотят, чтобы мы были не германской сырьевой колонией. А немцы хотят, чтобы германской.

Мы здесь где? Где здесь наша модернизация? Пусть немцы за газ отдадут нам не деньги, а ключевые пакеты акций в предприятиях высокотехнологического комплекса, которые нам надо подключать к собственному модернизационному контуру. Они их нам отдадут? Англичане футбольную команду Абрамовичу отдали с трудом. Футбольную команду, а не хайтек! Немцы и этого не отдадут.

Мы в этой игре – субъект со своим Проектом? Или объект? Вот что является для меня решающим обстоятельством. А для вас?

Американцы строят из Восточной Европы блокирующий пояс между Россией и Большой Европой, а немцы проводят трассу газопровода мимо этого пояса. Через блокирующий пояс газ прорывается на украинском направлении, прорывается на турецком и где-то еще. Идет игра вокруг остановки газовых потоков в Белоруссии. Идет игра на Украине. Повсюду. Высокопоставленные поляки называют газопровод по дну моря «пактом Путин – Шредер» (прямая аллюзия на «пакт Молотов – Риббентроп»). Мы ко всему этому готовы? Мы знаем, что хотим получить как фигуранты большой игры?

И знаем, что можем потерять? Мы просчитали все «про» и «контра»? Пока что вся эта игра-война – вокруг того, получит ли наш газ Германия, а совсем не вокруг того, что получим мы, Россия! Ведь с точки зрения российской «петрономики» совершенно безразлично, пойдет ли поток газа в сжиженном виде на терминалы в Северной Америке, или по трубе на германские заводы, или еще куда-нибудь. Повторяю: если германские и другие европейские заводы будут принадлежать нам и мы оттуда получим высокие технологии для российской модернизации – это понятно, и пусть газ идет туда! Но тогда назовите мне хоть один такой завод!

### **XXXI. От большой игры – к региональным сюжетам**

Теперь давайте взглянем в то, что происходит на нашем Кавказе (рис. 5).

Нечто абсолютно мрачное началось в Южной Осетии. Это что, снова наш вариант патриотизма, когда мы всех союзников сдаем? Ну, пусть, мы их сдадим, хотя это не лучшим образом отразится на репутации Москвы в других местах. Но мы же все знаем, что этим дело не закончится! Как только мы сдадим Южную Осетию, конфликт двинется в Северную Осетию (видимо, Беслана было недостаточно...). Но тогда почти наверняка загорается Ингушетия. Это все понимают?

А у нас уже «горит» в Нальчике! Вы фотографии с пытками арестованных видели, которые пошли в СМИ? Это кто же пытать без фотографий не может? Это же не шутка! Это же не мелочь! Это на Запад пошло по всем каналам!

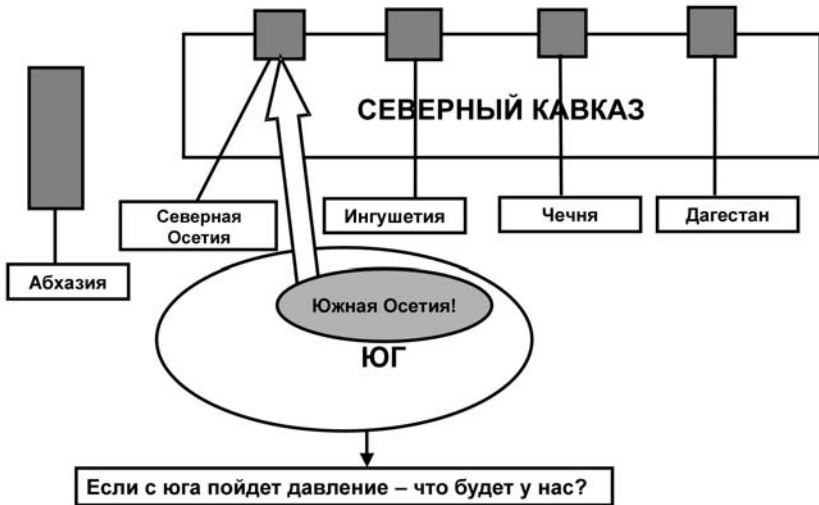


Рис. 5

И это же живые люди! Я же помню Карабах... это для нас в Москве «где-то там в каком-то селе...». А для них – это дети, племянники, родственники... Вы понимаете, что там разгорается?

Кто может и кто меня слышит и понимает: убирайте Козака с Кавказа! Убирайте его оттуда, быстро! И вопрос не в том, хорош он или нет. Он, может быть, гениальный менеджер и умнейший человек, – так повышайте его! Только уберите с Кавказа!

Объясняю, почему это надо сделать. Считается, что Дмитрий Козак – один из кандидатов в президенты России «от демократического блока США», курируемый Чубайсом. А наша любимая российская «силовая игра» состоит в том, что «хоть диван спалю – лишь бы клопов вывести!» Сейчас, чтобы Козака «подпалить», свои же конкурирующие «силовики» будут поджигать весь Северный Кавказ! Вы же видите, как они это уже делают!

Козак (душка, милашка, юрист) объявляет, что сейчас он всем «покажет». А местные силовики, которые контролируются соответствующими «московскими» силовиками, говорят: «Ничего ты не сделаешь!» И это практически доказывают...

Может быть, в каких-то дремучих углах России еще остались люди, достаточно наивные для того, чтобы не видеть игровой подоплеку происходящего. Но таких надо поискать. А те, кто занимается процессом и

должен отслеживать индикаторы, просто не могут не знать, что в какой-то игре, которая ведется между двумя суперэлитными группами в США, одной из этих групп (скажем так, группе господина Саммерса – для тех, кто понимает, вполне достаточный индекс) вдруг предложили Д.Козака в виде российского преемника Путина. Да еще вдобавок сказали, что этот преемник «зачистит» здешних силовиков. Республиканцы (другая группа, скажем так, анти-Саммерс) тут же мобилизовали свои возможности против Козака. Не потому, что их Козак не устраивает, а потому, что их Саммерс не устраивает. Это, надеюсь, понятно?

А дальше начинается разверстка по интересам. Республиканцам не нужен Саммерс. А у нас много кому не нужен Козак, тем более в совокупности с очередными «гвоздями» в очередной «гроб коммунизма» (иначе – в гроб очередных коржаковых и барсуковых). В нашей элитной политической культуре нет запрета на ослабление позиции боярина через подрыв вверенного ему территориального удела. Что потом будет с уделом (он же – Северный Кавказ) и куда все поволочется – никого не интересует. Как не интересовало во времена первой чеченской войны или преступных Хасавюртовских соглашений.

То есть? То есть Козака будут «подставлять» раз за разом. И чем хуже будет его положение на Северном Кавказе, тем больше будут говорить: «О, слава богу! Этот человек уже никогда не станет президентом!»

Еще раз спрашиваю: нам нужна такая игра? Мы готовы допустить очередной проигрыш ради того, чтобы один боярин хорошо подставил другого? Мы готовы смотреть на то, как из-за этих «подставок» все будет на Кавказе гореть?

Если готовы, то нас, как элиты, нет. Какая тогда модернизация? Какие «веры»? Какие «церкви»? Шваль, пыль под ногами любого завоевателя.

«Подставки», о которых я говорю, как могут выглядеть? И как уже выглядят?

Чечня – горит, не надо иллюзий. И, что хуже всего, она политически мутирует изнутри. Дагестан – горит. Если к конфликту в Южной Осетии «друг Саакашвили» добавит удар по Абхазии – загорится и в Северной Осетии (реакция на неприятности в Южной Осетии), и в Аджарии с Карачаево-Черкесией (реакция на неприятности в Абхазии). Дальше – Волга.

Что на этом фоне происходит в Москве? Нам демонстрируют непрерывные «касыяновские сюжеты». Выходит Касьянов и говорит что-то бессвязное. Телевидение (которое, казалось бы, известно кем и в чьих интересах управляемо) комментирует: «В словах Касьянова звучала

угроза. Хотя он это отрицает, угроза связана с тем, что вокруг него объединяются мощные силы! А сейчас мы покажем Хакамаду, которая говорит: "Мы все готовы встать сбоку!"» То есть государственное телевидение «фактор Касьянова» «накачивает»!

Но одновременно в политическую игру вводят и так называемую «русскую карту». Есть 20 скинхедов или кого-то еще, которые говорят: «Хайль Гитлер!» За поимку каждого из них якобы объявлена на Лубянке премия. Но при этом все 20 подонков, возглавляемых каким-то полусумасшедшим пацаном, должны регулярно «засвечиваться» по центральному телеканалам! Нам больше делать нечего, как самим на себя писать всему миру донос о разгуле «русского фашизма»? И в этом же сюжете появляется Дима Рогозин... Скажем так, у меня бывают содержательные политические сны... Лежу – сплю, и что-то вижу и слышу... Моя собака залает – просыпаюсь... И снова сон, и новые политические кадры...

Так вот, в одном сне политические кадры были примерно такие.

Рогозину говорят: «Становись русским фашистом! Мы тебе приказываем!» Он: «Не хочу русским фашистом!» Ему: «Ты должен стать русским фашистом! Бабки дадим!» Он: «Вы сначала дадите, а потом отберете!» Ему: «Да мы тебя потом отпустим!» Он: «Нет, вы меня не отпустите!» Ему: «Становись русским фашистом, трам-тарарам!» Он: «Нет, трам-тарарам! Не буду русским фашистом! Хочу – социал-демократом! А лучше – рядом с "Единой Россией". И без денег...»

Тогда Рогозину взяли и показали: «Ах, ты не хочешь? Тогда – вон с московских выборов! В последний день!» Вы его лицо после этого видели?

Итак, Рогозина изо всех сил запикивают в «фашистские маргиналы». И уже Проханов в своей газете пишет примерно так: «Героическая "Родина" ответит на террористический вызов власти! Оглобля, которая в руках у Рогозина (этого русского мужика с большой бородой!) будет выглядеть как атомное оружие! И, когда он замахнется этим атомным оружием, то сокрушенные демократы побегут в нору и будут там копошиться, как саранча! И один другого будут есть – Хакамада Чубайса и все прочие друг друга! Рогозин! Прииди с оглоблей!»

Рогозин опять говорит: «Не хочу с оглоблей!»

– Ну, подожди, голубь, сейчас мы еще пришлем комиссию по исследованию правильности финансирования предвыборной кампании! Побежишь с оглоблей, побежишь, и заорешь! Мышцы и голос тренируй, пока не поздно!

Это все что означает? Это означает, что кому-то очень надо срочно демонизировать «русскую тему». Мало было допустить в центр России толпы мигрантов без хотя бы элементарного знания русского языка, нужно еще под предстоящие выборы до предела демонизировать «русскую тему»...

И это все называется «стабильность»? Где и кто делает такую «стабильность»?

А история с новым названием города Грозного! Приехал туда наш президент и сказал, что любит ислам. Сказал: «Братство, любовь, договоренности...». Потом уехал. А ему вдогонку мессидж шлют: «Смени название города Грозного, пусть будет "Ахмад-кала"! А то как-то... не ласкает слух!» Это – стабильность?

И тут же на центральное телевидение (вы понимаете, как контролируют телевидение?) выходит Гейдар Джемаль. И говорит, что с герба России надо убрать кресты. Если на гербе нарисовать полумесяц вместо креста, то будет красиво. Но полумесяц надо рисовать не в эту сторону, а в другую. А ему отвечают: «Нет! Не надо полумесяц! Только крест! Между прочим, крест – это не христианская символика, это древнейший знак человечества». А потом еще кто-то следующий приводит свой аргумент: «У нас тетради в клеточку – там тоже кресты на пересечениях линий...»

Как вам такая «дискуссия»? Вот на таком языке и таком уровне сегодня разговаривает страна. Это – страна Модерна?

Но есть в контексте нынешней «стабильности» и другие «фокусы». Некий Силантьев издал книгу тиражом в 500 экземпляров (уж что только у нас не издают тиражом 500 экземпляров!). И он там написал, что соотечественников-мусульман (которых я уважаю) в России не 20 млн., а всего 14,5 млн. А также что кто-то из их духовных лидеров брал «бабки» (равно как и соседние православные деятели). И по этому поводу пятый день визг стоит во всех СМИ!

Нам больше нечем заняться? Города сейчас начнут замерзать. Социальные программы выполнять надо. А тут – пятый день визг.

Что это значит (рис. б)?

Есть две возможности трактовки происходящего.

Первая. В обществе нарастает конфликт между исламским и, скажем так, «неисламским» (в чем-то антиисламским) сегментами. И этот конфликт отображается в СМИ, включая электронные. То есть СМИ выполняют свою общественную функцию. И это все – часть «социальной ограники».



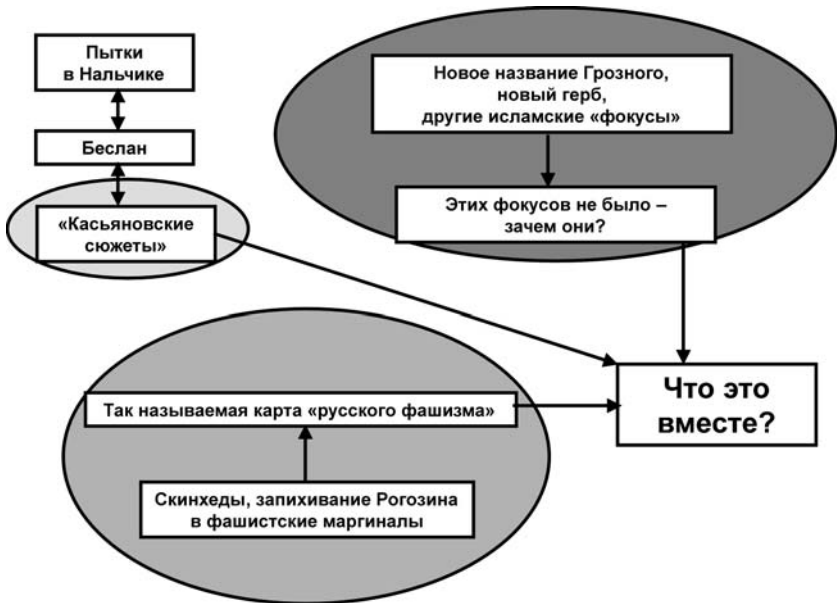


Рис. 6

Вторая. Никакого органического нарастания указанного опаснейшего конфликта нет. В обществе вызревает иная повестка дня, его беспокоят совсем другие проблемы. Эти проблемы вообще не получают отражения в СМИ. Тем более – электронных. То есть указанный конфликт не отражается СМИ, а **моделируется** ими.

Вам решать, какая из возможностей реализуется в рассматриваемой мною истории. Какая и в какой степени. Я считаю, что управляемость (и директивная, и иная, специальная) наших сегодняшних СМИ очень велика. И тем не менее в разных освещаемых СМИ «историях» эта управляемость имеет разный характер. Я вообще не апологет «теории заговора». Но, как мне кажется, за многие годы работы научился отличать органику (выполнение функции освещения происходящего) от моделирования. Потому что без отделения этих двух функций ничего нельзя понять в современности, которая как раз и характеризуется нарастанием роли телевизионных и иных артефактов в управлении обществом.

Итак, исламско-антиисламский конфликт **моделируется**. Социокультурно – через акцентировку сюжетов, в которых лицам с малой весомостью (Силантьев, Джемаль и прочие) придается другая весо-

мость, резко бóльшая. А лица эти раскачивают конфликт, в том числе и атакуя символы (исламисты – символы государственности, Силантьев – символы ислама).

От социокультурного моделирования нить тянется к моделированию социально-психологическому. Причем с участием тех же СМИ. Конечно, есть право на объективное освещение происходящего. Но как и где (во всем мире) это право соотносится с табу на разжигание межнациональных конфликтов? И главное – с табу на «шоковый показ» (пытки «on line», например).

Можно сказать: это нынешняя журналистская мода, страсть к сенсациям. Наверное, в чем-то это так. Но только в чем-то. Можно сказать – это гражданская незрелость журналистов или заказ иностранных спецслужб.

Но что тогда получается? Иностранная агентура – в ключевых электронных и иных СМИ под бдительным оком наших спецслужб и при грифеле за кадровой политикой на телевидении?

Очень странно, согласитесь.

Что же тогда? В чем золотая середина между так называемой органикой и теорией заговора? О чем я говорю, что имею в виду? Я, как всегда, имею в виду «конфликт элит». Кто-то (и не только из-за рубежа) организует «напряженность», хаос, деструкцию с теми или иными частными (хотя и крупными) целями.

В нашей элите (прежде всего, элите спецслужб) нет **табу** на подобное.

Не было его в эпоху первой чеченской войны, когда необходимость подорвать позиции Грачева вытесняла у элитных групп чувство ответственности за судьбу Северного Кавказа. Нет этого и сейчас, когда **фактически** (особенно по мере приближения к 2008 году) начинает воспроизводиться нечто аналогичное.

Я не на журналистов наезжаю, бог с ними, что есть, то есть. Я адресуясь к чувству элитной ответственности. К чрезвычайной необходимости ввести все в рамки, поставив во главу угла хотя бы императив государственной целостности.

Нашим элитам кажется, что они-то только и играют. А это не так.

Есть понятие «среда деструкции» (среда хаоса) и инфраструктура деструкции (инфраструктура хаоса).

Инфраструктура не будет эффективной без перегретой среды. Моделирование, о котором я говорю, подогревает среду. Северный Кавказ – традиционное общество. Показ ужасов, их утрировка не только

подрывает позиции тех или иных фигур на Северном Кавказе. Нельзя повторять эпоху Березовского и Гусинского и показывать ужасы всему населению для того, чтобы донести компру на одно лицо до другого лица. Население-то не московское! Одно дело, когда в Москве покажут, как пытаются мальчика. Возможно, семьяотреагирует ничуть не менее остро, чем в Чечне или Черкесии. А возможно, и нет. Не будем тешить себя комплиментарностью. Она так же здесь неуместна, как и самоумаление (мол, они умеют восставать, а мы – рабы). Истина где-то посередине. Но, в любом случае, – что такое московская семья? Папа, мама, бабушка с бабушкой. Это городская нуклеарная семья.

Другое дело – семья на Северном Кавказе. Там у такого замученного мальчика, кроме отца и матери, есть род, тейп, клан – разветвленная система родственников (в Москве троюродный брат – почти ничто, а на Кавказе – это не только чувства, но система обязательств и прочего). Плюс – все же признаем очевидное – другие нормы реагирования на экссессы, задевающие семейные чувства. Что есть, то есть.

Это все – закипает.

Есть среда – возникают инфраструктуры. Подпольные группы, каналы поставок оружия и чего угодно еще. Это будет проконтролировано нашей спецэлитой?

Ерунда! В это врзлет сразу несколько разных групп с транснациональными выходами. И «управляемый дозированный хаос» превратится в беса, сорвавшегося со всех возможных цепей. Наших – в первую очередь.

Но и это не все. Как это накладывается на мировой процесс? И нет ли на рассматриваемых мною «микро» отпечатка какого-то «макро»?

### **XXXII. Какой-то вариант «сборки»**

Постараемся собрать воедино предложенную аналитическую мозаику. Для этого вернемся к главному сюжету, который соединяет философскую и политико-стратегическую части доклада (рис. 7).

Иранский лидер откровенно провоцирует израильтян и американцев.

Слишком откровенно. Если его цели совпадают с декларируемыми, то это глупо. Но лидер далеко не глуп. Значит, он двусмыслен.



Рис. 7

Такая двусмысленность (связка с Западом, прежде всего, с правыми республиканцами США) уже, повторяю, имела место. И называлась (в эпоху Рейгана) «Иран-контрас». Для кого-то это законченный частный эпизод. Я же считаю, что это длящаяся крупная история (точнее игра). Иранский лидер молод. Но поскольку кадры для этой игры «воспроизводятся», то я допускаю, что он (вне зависимости от того, сознает это или нет) фигура этой игры. То есть по сути элемент «двугорбого верблюда» под названием «правые республиканцы США» и «иранские радикалы».

Параллельно валом идет фиктивная (а ну как не фиктивная?) информация о том, что у Ирана уже есть ядерное оружие. А Иран – не Ирак. Там совокупный потенциал существенно побольше, и эмбарго всерьез не было, так что угроза, если она реальна, гораздо опасней!

У Шарона в Израиле на носу – выборы, а у Омри, его сына, – уголовное дело. А Омри, между прочим, это не сыночек 15 лет, который сбил тетю (что уже нехорошо для политика), а один из ключевых финансистов партии. И уголовное дело Омри сразу переходит в несколько крупных «политических» дел. И в тот момент, когда этот скандал достигает пика, Тегеран, например, заявит о своей готовности начать ракетно-ядерную войну.

В этой ситуации у израильтян может появиться искушение нанести удар по Ирану. Пиаровское мышление будет давать подобному позыву совсем примитивную трактовку: «из-за желания выиграть выборы». Я от такой трактовки отказываюсь. Я вообще в это мало верю. Но если это

и возможно, то за счет других «машин влияния на происходящее». А есть ли такие «машины» и достаточно ли они мощны? Будущее покажет. Я лично сделаю все возможное, чтобы этого не допустить. Прекрасно осознавая, что возможности мои не соответствуют масштабу политического цунами. Но тут дело не в трезвом взвешивании возможностей. А в том, кто внутренне в чем считает себя ответственным. И считает ли себя кто-то ответственным хоть за что-то. Или мы входим в эпоху, когда ко всем применима ирония Маяковского: «Нравимся своей жене и то довольны донельзя».

Если бы это было так, то это бы означало не крах Модерна, а крах Истории. А я лично (и тут всегда вопрос именно личный) такой констатации принять не могу.

Но неприятности нарастают и в США у Чейни. Иранский лидер должен тогда нанести ответный удар по Израилю или где-нибудь (скажем, в Ираке или Афганистане) по войскам США. В Америке пойдет новая волна антиисламского патриотизма, США нанесут удар по Ирану, и при этом уйдут «в тень» главные неприятности «команды Буша–Чейни».

В результате возникнет частичное разрешение или даже «обнуление» ряда мелких (но важных, поскольку конкретных) властно-политических неприятностей у ряда ключевых «игроков».

А заодно – на Большом Юге – бурлящий котел войны и конфликтов от Бейрута до Дели, при кипении которого весь макрорегион будет неуклонно погружаться в архаику.

А заодно, видимо, цены на нефть взлетят под \$150 за баррель, резко затормозив экономическое развитие ключевых американских конкурентов, включая Большую Европу, Китай, Индию.

Напрасно кто-то думает, что в этом процессе мы останемся в выигрыше или в стороне. Нас в этот котел обязательно втянут.

Конфликтный Большой Юг будет очень мощно давить на Россию снизу и дестабилизировать страну через уже созданные кавказские (и не только кавказские) «горячие точки». Европа и Китай будут на нас давить всеми возможными «инструментами» из-за катастрофической ситуации с энергоносителями. А в самой России, включая Москву, как я показал выше, уже всю готовится собственная инфраструктура «управляемых конфликтов» и политической дестабилизации. И готовится она вовсе не к «выборному» 2008 году!

Коллеги, вы умеете считать время? Вы знаете, за сколько месяцев до выборов должен появиться новый претендент, если кто-то играет сценарий «преемник»? Больше чем за шесть, ну, восемь–девять месяцев, –

нельзя! А у нас сейчас какой год? 2005-й! Но тогда при чем тут Козак, Дмитрий Медведев, Сергей Иванов и прочие «преемники»?

А если ситуацию – и с преемником, и с дестабилизацией – так накачивают уже сейчас, значит, все и решиться должно не в 2008, а в 2006 году!

Но – как решиться? У нас этот хаос Медведев, что ли, будет «железным сапогом» утюжить? И вообще, кто-нибудь хочет устанавливать на российской территории хоть какой-то порядок? Или, наоборот, здесь должно произойти соединение сил, которые будут сметать любой порядок и усиливать хаос? Россия – это одна из «стабилизационных площадок» или же «помойка», на которую намечено сливать все шлаки и всю энергию хаоса?

Уже звучат высказывания о том, что Россия слаба, русские – старая бессильная нация и нас должен обновить ислам. Подоплека этих высказываний мне ясна. Вне зависимости от того, что об этом думают авторы. По сути, все это льет на одну мельницу. На мельницу тех, кто хотел бы слить на эту территорию максимально возможную «энергию хаоса». Куда-то ведь ее сливать надо! Всюду – в Европе, в США – для хаоса, в том числе для мигрантов, барьерчики разного рода выставляются! А энергия-то идет и наращивается! И если в Россию ее, в Россию, – чем не «разгрузочка» для кого-то?

Но тогда – какая стабильность?

### **XXXIII. Хоть какие-то выводы**

Первое, что можно и нужно у нас сделать, – срочно укреплять реальную стабильность Северного Кавказа.

Это предполагает, что там должен быть новый полпред. Я снова говорю: сделайте Козака кем хотите – начальником кремлевской администрации, премьер-министром, только уберите его с Кавказа! И вообще уберите его с любого направления, откуда его будут «выковыривать». Или же полностью дезавуируйте его претензии на высший пост. Меня не интересует он лично: для меня все одинаковы, и у меня нет любимых и нелюбимых. Но этого «раздражителя» в такой опасной зоне, как Северный Кавказ, быть не должно.

Любой ценой надо прекратить превращение Северного Кавказа в место незатухающей свары силовых кланов. Следует опираться на наиболее авторитетные части местных элит и гасить радикализм. Все провокационные истерии – с переименованиями столиц, изменением гербов и т.п. – надо придушить на корню. В пять дней. Исламскими же руками.

Надо четко «мониторить» всю радикальную «инфраструктуру дестабилизации», которая строится в стране. И мы предупреждаем, что, если в момент взрыва на юге эта инфраструктура захочет отреагировать мятежом на нашей территории – в любом месте, – ее обязательно будут жестоко и решительно подавлять. Поэтому лучше не надо! Лучше самим игрокам ее аккуратно убрать!

Нужно выдвинуть новые внятные ориентиры внешней политики! Как минимум, прекратить клоунату и не оказаться в очередной ловушке на этом направлении. Пусть кто угодно туда попадает, только не мы. Потому что наше втягивание в игру (на любой стороне – вот что главное) строго равносильно автоматическому включению на нашей территории тех или иных механизмов «спецмятежа».

Тут очень важно понимать, что такое этот «спецмятеж»? Кто и как его планирует и разруливает на, так сказать, «штабном» уровне? Кто наверху (нашем и международном) готов поиграть в «управляемую революцию»? И не в Киргизии, а в Москве. У нас в России уже был когда-то один, который такими штучками занимался, полковник Зубатов его звали. Он, не помню, потом на своих подтяжках в камере висел или застрелился?

Я призываю к тому, чтобы определенный международный консорциум и его российские участники перестали играть в игры с «управлением через хаос»! Я понимаю, что перестать играть иногда еще опаснее, чем продолжать. Но я одновременно знаю, что все, кто будет играть в эти игры, будут не просто прокляты судом истории, – они сами также в итоге лягут трупами в ров, который копали для других.

Что касается самой серьезной проблемы, проблемы Проекта, без пояснения которой ничего в стратегической перспективе не может быть, то я с нее начал. А продолжать разговор на эту тему надо в других форматах.

### **ЗАКЛЮЧЕНИЕ**

И вновь я возвращаюсь к смыслу слова, взятого мною в заглавие. К смыслу слова, имеющего и очень нужные, благородные, и совсем другие обертона. Я говорил уже о каких-то обертонах. О необходимости бодрствовать. Хочу в конце сказать о связи этой необходимости и любви. Антифашист Юлиус Фучик когда-то сказал: «Люди, я любил вас! Будьте бдительны!»

Почему он связал с бдительностью любовь? Потому что, если мы любим страну и народ, мы не заснем тогда, когда надо бодрствовать. А если заснем, то, **значит**, недостаточно любим. И тогда уж ничего тут не сделаешь. Но да не будет так!

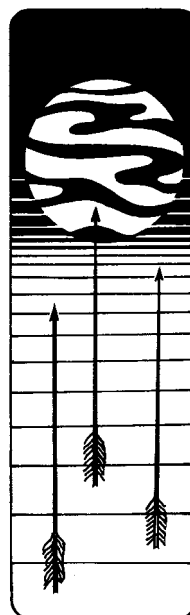
Нельзя удовлетвориться приведением выхваченных из общей связи отдельных выражений. Надо попытаться войти в круг мыслей средневекового человека, проделать вместе с ним его умственные операции; тогда и только тогда слова приобретут для нас их настоящий смысл и мы услышим подлинную средневековую речь.

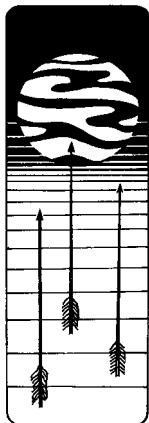
*П.М. Бицилли*



Притупился инстинкт, потеряно было органическое чувство жизни. Поэтому так нужен стал обряд, образец, пример, некая внешняя скрепа и мерило. <...> Это был век потерянного равновесия, век неожиданностей и непостоянства, век небывалых и неслыханных событий. <...> Кажущийся застой XVII века не был летаргией или анабиозом. Это было скорее лихорадочное забытье, с кошмарами и видениями. Не спячка, скорее оторопь... Все сорвано, сдвинуто с мест. И самая душа сместилась. <...> Совсем неверно говорить о московской замкнутости в XVII веке. Напротив, это был век встреч и столкновений с Западом и Востоком.

*Георгий Флоровский*





Андрей Каравашкин

**БИБЛЕЙСКИЕ  
ТЕМАТИЧЕСКИЕ  
КЛЮЧИ:  
ПРЕДЕЛЫ  
ВЕРИФИКАЦИИ**

ПУТИ ДУХОВНЫХ ИСКАНИИ

*The article deals with two strategies of interpretation of medieval sources. The author does not subscribe to the theory put forward by Ricardo Picchio, the Italian Slavist who studies so called «Biblical thematic key» of the ancient Russian texts. According to Picchio, the original context of hidden quotations from the Holy Scripture allows prompt and precise defining of a work's idea and deciphering its author's implicit intention. However such methodology does not bring about the genuine verification of a study's conclusion and is based on an interpreter's abused discretion. The only way to reconstruct a medieval scribe's thought is to analyze his text as the unity of expressive and meaningful components. The article provides readers with examples of such interpretation.*

## 1. Скрытые смысловые уровни

**1.1.** Концепция библейских тематических ключей, обоснованная итальянским славистом Рикардо Пиккио, давно вошла в научный обиход. Суть ее, если говорить кратко, сводится к тому, что в памятниках словесности, принадлежащих к особой православной культурной общности, ее Пиккио называет *Slavia Orthodoxa*, отдельные высказывания, имеющие, как правило, нравственно-религиозное содержание и отсылки к соответствующим богословским текстам, образуют ряды сквозных семантических мотивов. Последние и организуют все произведение, определяя собой актуальное для соответствующей исторической эпохи содержание. В правильном использовании принципа «ключей» состоит, по мнению итальянского исследователя, возможность верификации смысла, то есть опытного подтверждения интерпретации, которая из гипотезы, гадательного толкования превращается в реконструкцию, в надежно обоснованный научный факт. «Опираясь на толкование текста, подсказанное *тематическим ключом*, – замечает Пиккио, – мы освободимся от риска субъективных (а значит, возможно, произвольных) интерпретаций. Нам не нужно строить предположений. Ответ на наши вопросы об интерпретации содержится в самом тексте. Верно применяя правила этой семантической игры, мы не совершим ошибок»<sup>1</sup>.

**1.2.** Идея Пиккио относится к базовым элементам его культурологической теории о единстве и наднациональном характере *Slavia Orthodoxa*. Ученый последовательно обнаруживает инвариантные признаки общеславянской литературной системы в том виде, как она сложилась в лоне православной традиции. Литературовед мыслит не жанровыми или историко-литературными категориями (метод, стиль, направление), а категориями, относящимися, по его мнению, к самой природе изучаемых явлений, предлагая особый универсальный, синтезирующий подход к славянской литературе. Конечно, для того, чтобы судить об отличиях отдельных родственных традиций, необходимо определить их мировоззренческую общность, в изменчивом обнаружить неизменное.

По мысли автора концепции, библейские тематические ключи позволяют выявить, кроме буквального исторического смысла средневекового текста, его сокровенное экзегетическое содержание, а оно, в

---

<sup>1</sup> Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa: Литература и язык. М., 2003. С.486.*

соответствии с воззрениями итальянского исследователя, было родственным у православных славян. Экзегеза как разъяснение духовного смысла библейских первоисточников основывалась, утверждает Пиккио, на догматах и предании Восточной Церкви. По мнению исследователя, эти базовые объяснительные конструкции были едиными у всех представителей культурной общности *Slavia Orthodoxa*. На примере отдельных памятников русской средневековой книжности Пиккио пытался подтвердить продуктивность своей теории.

**1.3.** Следует заметить, что перед нами постулируемый идеальный тип<sup>2</sup> средневековой православной культуры, особая модель, построенная на внутренне присущих текстам (имманентных) кодах<sup>3</sup>, ключ к расшифровке которых содержится в самих памятниках книжности. Сосредоточившись на внутренних особенностях текста, можно представить себе древнерусского автора, который каждый раз, прежде чем приступить к созданию очередного произведения, руководствовался собственным замыслом, но реализация последнего не была своевольной; составителю приходилось выбирать из множества уже готовых словесных формул необходимый «строительный материал». Стихия мышления средневекового творца, считает Пиккио, предопределялась набором

---

<sup>2</sup> Согласно Максу Веберу, идеальный тип представляет собой исследовательскую модель, которая может никогда не воплотиться на практике целиком, но в то же время обеспечивает определенный угол зрения на совокупность эмпирических фактов. Единственным признаком научности того или иного идеального типа является его продуктивность, возможность выстраивать исследование частных явлений культуры в зависимости от конкретной сверхзадачи. «Идеально-типическое понятие представляет собою усиление известных черт данной совокупности культурных явлений до степени утопичности. При этом отыскиваются именно те ее черты, которые являются наиболее характерными и существенными для нее и в то же время в различной мере свойственны и другим культурным явлениям. Именно по этой последней причине идеальный тип и является типом» (Неусыхин А.И. «Эмпирическая социология» Макса Вебера и логика исторической науки // Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994. С.641).

<sup>3</sup> Код в семиотике – совокупность правил и ограничений, обеспечивающих коммуникацию в пределах естественного языка или любой знаковой системы. Коды должны быть понятны всем участникам коммуникативного процесса. Коды общеприняты, конвенциональны в пределах той или иной культуры, книжной традиции (Структурализм: «За» и «Против». Сборник статей. М., 1975. С.457). В Древней Руси система кодов формировалась стихийно имманентным образом, внутри самой литературы. Коды применялись на практике и не описывались в специальных сочинениях.

литературных средств выражения: «Как и любой специальный язык, язык древнерусской литературы состоял из семантически маркированных слов и фраз, грамматико-синтаксических и сверхлинейных моделей. Смысл, сообщаемый каждым текстом, зависел от воздействия семантических маркеров на принятые обществом наборы вербальных знаков. С другой стороны, воздействие семантических маркеров зависело от большей или меньшей живучести культурных схем, образовательной практики и языковых обычаев внутри общностей и социальных групп. Не зная "правил игры", невозможно полностью понять смысл текстов, созданных умелыми "литературными игроками" в соответствии с особыми кодами выражения»<sup>4</sup>.

**1.4.** Пиккио не намеревается разгадывать смысл произведения, обращаясь к внетекстовой и внеязыковой реальности, а намеренно исключает всякую отнесенность герменевтической процедуры к недостоверным, сомнительным объектам. Ведь историческая эпоха, культура, традиция (зачастую даже присущие времени автора интерпретации образцовых текстов), реалии быта, биографическая личность книжника и, тем более, его сознание не обладают для истолкователя статусом очевидного опыта, они не даны непосредственно; все, что мы знаем о них, – лишь конструкции, гипотетические построения, опирающиеся в значительной мере на все те же письменные источники.

С подобной методологической установкой трудно не согласиться. Даже если целью герменевтического прочтения является авторский замысел, мы не имеем возможности воссоздать его в полной мере; как правило, мы не в состоянии исчерпывающе сравнить намерение автора, его подлинные, живые смысловые интенции и результат воплощения этих интенций. Автор и принадлежащий ему душевный мир, а также процесс творчества остались вне текста, а само произведение – лишь зафиксированное внешнее выражение духа, доступное непосредственному наблюдению и независимое от познающего. О замысле мы судим, основываясь на источниковой реальности, учитывая прежде всего *опыт прямых высказываний* и последовательно проводя аналитику этого опыта. С определенного момента никто не может распоряжаться по собственному произволу стабильной и суверенной действительностью источника (он необратим<sup>5</sup>); в противном случае – корректное истолкование теряет всякий научный смысл и становится невозможным.

<sup>4</sup> Пиккио Р. Указ. соч. С.477.

<sup>5</sup> Принцип необратимости предусматривает невозможность вернуться во внутреннее

Авторское присутствие в средневековой книжности предполагает зафиксированные непосредственно целевые мотивы литературного памятника; ведущим в этом смысле будет центральный принцип телеологии текста. Этот реализованный проект, содержащий сверхзадачу (зачем написано произведение) и несущий свою информацию (о чем говорится в произведении), доступен в особом слое субъективности, в объяснительных конструкциях источника. Выраженное явно обладает собственной достоверностью, общезначимо и не должно проверяться гипотезами и всевозможными предположениями о внетекстовой реальности.

**1.5.** Особый акцент Пиккио делает на «библейских отсылках»<sup>6</sup> древнерусского автора, который мог свободно сочетать два способа объяснения действительности, *реально-исторический (буквальный) и богословский (экзегетический)*, насыщая текст сакральными мотивами и образами, изречениями и притчами. Подобная двойственная стратегия была традиционным способом организации повестей и поучений, летописей и агиографии, эпистолярных и гомилетических проповедей, сочетавших рассказ о событиях настоящего или недавнего прошлого с их комментированием, основанным на библейских парафразах и цитатах. Однако «семантическое взаимодействие»<sup>7</sup> различных смысловых уровней надежно опознается лишь тогда, когда сам средневековый автор расставил необходимые пометы, сконцентрировав внимание читателя на правильном варианте интерпретации. Ученый подтверждает эту мысль на примере «Сказания о Борисе и Глебе»: «В этом агиографическом повествовании духовный смысл каждого события прямо объясняется автором, так что читателю почти не приходится заполнять смысловую лауну. Библейские цитаты вводятся в ткань повествования и составляют его непосредственный экзегетический комментарий. Таким образом оба "текста" – духовный и исторический – становятся составными частями общего контекста. Благодаря контекстуальному объяснению сама "история" в ее земном значении становится теологической истиной, буквальной аллегорией своего библейского образца. Агиограф излагает события и толкует их как символы, так что они приобретают ясность откровения. Борис и Глеб осознают "высший" смысл земной истории, в которой они являются основными действующими лицами. Именно соз-

---

время автора, для того чтобы что-то исправить, изменить исходную интенцию.

<sup>6</sup> Пиккио Р. Указ. соч. С.444.

<sup>7</sup> Там же. С.446.

вание того, что их страдание принадлежит к "неподлинному" плану человеческой жизни, доказывает на протяжении всего агиографического повествования их святость»<sup>8</sup>.

## 2. Способы верификации

**2.1.** Тем не менее в работах Пиккио содержится ряд недостаточно артикулированных утверждений, которые в некоторых случаях приводят ученого к произвольным выводам и потому требуют специальной проверки. В первую очередь это относится к предложенным способам верификации библейских смысловых уровней. Славист не проявляет строгой последовательности в тех случаях, когда ему нужно во что бы то ни стало подтвердить свою теорию, а необходимый опыт прямых высказываний не позволяет этого сделать. Пиккио нередко прибегает к следующей герменевтической процедуре: он намеренно реконструирует смысл древнерусского источника, обращаясь к контекстам библейских цитат, и уже из них выводит понятийное содержание древнерусского памятника.

Подобный способ верификации стал в наше время распространенным и даже модным. Любые типологические связи, незначительное сходство библейского и русского средневекового источников, приблизительные, отдаленные параллели и совпадения – все это оказывается достаточным для того, чтобы воссоздавать основную идею произведения, хотя исследуемый автор мог иначе понимать смысл своего образца, вкладывать в него иное содержание, оперировать иным смысловым уровнем прочтения библейских текстов. И здесь мало ритуальных ссылок на традиционализм средневекового мышления. Традиция сама по себе не постулируется наукой, но обнаруживается в результате медленного изучения обширного корпуса текстов<sup>9</sup>.

---

<sup>8</sup> Там же.

<sup>9</sup> Следует прислушаться к Полю Зюмтору, который, определяя сущность традиции, поставил ее абстрактный континуум в зависимость от изученности письменных источников: «Для нас, современных людей, традиция, то есть виртуальный связный текст, на фоне которого выделяются конкретные тексты и который прочитывается во всех них вместе взятых, на практике совпадает с устойчивыми характерными чертами средневекового корпуса текстов или по крайней мере обширных его разделов. Текст лишь частично актуализирует возможности, предоставляемые традицией; зато он обладает присущей только ему целостностью. Толкуя только его, мы исходим из этой целостности и выясняем, что именно получило в нем реализацию, и не более. Напротив, составляя

Необходимо помнить и о том, что Библия в средневековой восточнохристианской книжности не являлась объектом непосредственной рецепции. Между библейскими (в первую очередь ветхозаветными) книгами и средневековым автором существовало множество посредников. Экзегеза опиралась не только на авторитет Писания, но и на усвоенные нормы толкования сакральных текстов, определенных церковным Преданием. Истина слишком банальна, но о ней приходится напоминать. На это обстоятельство исследователи не обращают должного внимания, и здесь кроется узел многих противоречий.

Наконец, чрезмерная увлеченность поиском библейских цитат напроць заслоняет другую не менее важную проблему – как эти цитаты соединены и какой логике подчиняется их взаимосвязь. Медиевисты с легкостью забывают о том, что древнерусский книжник не был бездумным компилятором. Таким образом, на первом плане оказывается композиция произведения, которая служит наиболее достоверным верифицирующим фактором наряду с подтверждающими ее логику прямыми высказываниями. Само по себе «генетическое досье» текста не обеспечивает преодоления герменевтической ситуации.

Со всей очевидностью исследование текста требует его феноменологии. Необходимо понять произведение со всеми внутренне присущими ему композиционными особенностями, не упуская даже мельчайших деталей<sup>10</sup>. Все собранное средневековым книжником могло в той или иной степени заимствоваться у предшественников, но идея целого не сводится к рецепции; она с неизбежностью проистекает из множества осознанных волеизъявлений, обусловлена целеполаганием автора. На эту закономерность обращал внимание Ю.М.Лотман, описывая генезис неповторимого и непредсказуемого в искусстве: «Идея не содержится в

---

*перечень возможностей, содержащихся в самой традиции, и разрабатывая их, чтобы сформулировать порождающие законы того рода или вида, к которому принадлежит текст, мы неизбежно пренебрегаем его единством. Две эти операции пересекаются очень редко. Изучение средневековой поэзии требует их сочетания, поскольку иначе мы упускаем из виду главный ее фактор: тот, на котором основана сопричастность автора и слушателей текста к его имманентному поэтическому миру» (Зюлтор П. Опыт построения средневековой поэтики. СПб., 2003. С.147).*

<sup>10</sup> *Опыт подобного исследования древнерусских литературных памятников одним из первых предпринимал Н.С.Трубецкой (См.: Трубецкой Н.С. «Хождение за три моря» Афанасия Никитина как литературный памятник // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С.Степанов. М., 2001. С.496–524).*



каких-либо, даже удачно подобранных цитатах, а выражается во всей художественной структуре. Исследователь, не понимающий этого и ищущий идею в отдельных цитатах, похож на человека, который, узнав, что дом имеет свой план, начал бы ломать стены в поисках места, где этот план замурован. План не замурован в стену, а реализован в пропорциях здания. План – идея архитектора, структура здания – ее реализация»<sup>11</sup>.

**2.2.** Рассмотрим на конкретном примере принципы анализа библейских цитат, предложенные Пиккио. В качестве экзегетического ключа в «Слове о житии и преставлении Дмитрия Ивановича, царя русского» медиевист избирает реминисценцию «... яко кедръ в Ливанѣ умножися и яко финиксъ въ древе се процвѣте» («... словно кедр в Ливане вознесся и словно финиковая пальма расцвел» – Пс. 91(92): 13)<sup>12</sup>.

По мнению литературоведа, читатель мог воспринять небуквальный, сокровенный смысл агиобиографии князя Дмитрия, зная первичное окружение тематического ключа. Для реконструкции скрытого смыслового уровня Пиккио предлагает понять цитату в ее изначальном контексте, то есть через голову средневекового автора обратиться к словам, которые якобы только подразумевались, но не присутствовали в произведении явно. Тематический ключ расширяется, таким образом, за счет стихов 6–12. В 91 псалме могут быть обнаружены следующие мотивы: «Внегда прозябоша грѣшницы яко трава, и проникоша вси дѣлающии беззаконие»; «врази твои погибнуть, и разыдутся вси дѣлающии беззаконие»; «воззрѣ око мое на враги моя, и востающыя на мя лукавнующыя услышитъ ухо мое». Нетрудно заметить, что все эти изречения основаны на антитезе врага и праведника, характерной не только для этого примера, но и для Псалтыри в целом. Поскольку в роли благочестивого «разрушителя языческой гордости» выступает Дмитрий Иванович Донской, то, как думает Пиккио, этот московский князь изображен в «Слове» «новым псалмопевцем»: «Как глаза псалмопевца, глаза князя

<sup>11</sup> Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С.87.

<sup>12</sup> Этот стих Псалтыри привлек внимание исследовательницы Борисоглебского цикла Дж.Ревелли. По ее мнению, цитата относится к числу редких и встречается еще только в «Житии Сергия Радонежского», в котором о человеке, боящемся Бога, сказано: «въ дворѣхъ дому Бога нашего процвѣт и яко кедръ иже в Ливанѣ умножится» (Ревелли Дж. Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского // Русское подвижничество. М., 1996. С.146).

видят его врагов, и уши его слышат злодея Мамая, восстающего на его народ. Как и псалмопевец, князь уповает на глубокие божьи помыслы и знает, что язычники и совершающие беззаконие будут истреблены навеки... А праведный князь "процветет" подобно пальмовому дереву. Он возвысится как ливанский кедр»<sup>13</sup>.

**2.3.** Истокование Пиккио не предполагает тем не менее надежного подтверждения, которое отвечало бы строгому принципу верифицируемости гипотезы. Рассуждениям медиевиста мы можем лишь поверить, но можем и усомниться в их истинности, хотя бы потому, что Дмитрий Иванович лишь однажды сравнивается в «Слове» с царем-псалмопевцем Давидом<sup>14</sup>, а «новым псалмопевцем» московский князь прямо не назван ни разу.

Первоначальный контекст библейского тематического ключа, обнаруженный Пиккио, содержит лишь слабый намек на то, что средневековый книжник выражает явно, постоянно комментируя изображаемые события. Станным образом в поисках глубинных смысловых уровней медиевист уходит от прямых высказываний автора, недооценивая эту важнейшую составляющую древнерусского источника. Любая библейская цитата – лишь частный элемент объяснительной конструкции произведения, позволяющей реализовать **новый** замысел. Для воссоздания семантического содержания «Слова о житии...» следовало, видимо, внимательнее изучить древнерусский контекст библейской цитаты, которому свойственна собственная имманентная логика. Впрочем, предоставим слово автору похвального жития: *«И примию ему (Дмитрию. – А.К.) скипетръ дръжавы земля Рускыа, настолование земнаго царства, отчину свою – великое княжение, по данѣи ему благодати от Бога, чести и славы, еще же млад сый възрастомъ, но духовных прилежаши дѣлесех, пустошных бесѣд не творяши, и срамных глаголѣ не любяши, а злонравных человѣкъ отвращаешися, а съ благыми всегда бесѣдоваши. И Божественных писаний всегда съ умилениемъ послушаши, о церквах*

<sup>13</sup> Пиккио Р. Указ. соч. С.465.

<sup>14</sup> «Обычай же имяше князь: яко Давидъ богоотець Сауловы дѣти миловаше, а сий повинныа любяши, повинныа же пращцаши» (Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М., 1981. С.212. – Далее ссылки на это издание даются в тексте только с указанием номера страницы). Это сравнение находится в ряду многочисленных библейских аналогий. Дмитрий в «Слове» сравнивается с Сифом, Енохом, Ноем, Евером, Авраамом, Исааком, Иосифом, Моисеем, а также с апостолами Петром и Павлом, Иоанном, Фомой, Иаковом, Андреем.

*Божших велми печашеся. А стражбу земли Русской мужествомъ дрѣжаше, злобою отроча обрѣташеся, а умомъ всегда съврѣшенъ бываше. Ратнымъ же всегда въ бранехъ страшенъ бываше, и многы врагы, вѣстающая на нь побѣди. И славный градъ Москву стѣнами чудно огради. И въ семь мирѣ славенъ бысть – яко кедръ в Ливанѣ умножися и яко финиксъ в древеси процвѣте» (208).*

Даже если предположить, что все характеристики Дмитрия не являются в приведенном отрывке результатом индивидуального творчества, представляя собой скрытые заимствования из других не выявленных еще источников, а такую возможность никогда нельзя исключать, авторское целеполагание от этого нисколько не изменится. Ведь конструкция из чужого материала не может не отвечать проекту, который воплощается в любом высказывании. Примечательно, что этот пассаж начинается с мысли о Божественном происхождении «чести и славы» князя и завершается формулой «в семь мирѣ славенъ бысть». Контекст для истолкования библейской цитаты определен самим древнерусским книжником. Следовательно, не изначальное окружение цитаты диктует семантическое содержание средневекового памятника, а само произведение образует причинно-следственные связи, способные переосмыслить цитату. Последняя, хотя и приобрела по мере своего бытования надъисторический, внеситуативный характер, каждый раз может обогащаться дополнительными коннотациями.

### 3. Опыт реконструкции

**3.1.** Похвальное житие Дмитрия интересно последовательностью в реализации устойчивых семантических мотивов, которые образуют сходение и противопоставление отдельных аспектов содержания памятника. Одним из ключевых и повторяющихся структурных элементов произведения является *мотив княжеской славы*. На протяжении всего похвального жития только он заявляет о себе постоянно, будучи тесно связан с идеей Божественного покровительства, избранности княжеского рода, защиты Русской земли от поганых и будущей посмертной участи правителя.

«Слово» состоит из нескольких смысловых частей: *княжеской родословной*, играющей роль вступления и предыстории агиобиографии, собственно *жития*, *рассказа о кончине князя* и *заключительной по-*

*хвалы* Дмитрию Ивановичу, произносимой от лица автора-повествователя<sup>15</sup>.

Эта структура, включающая отдельные тематические фрагменты, прошита множеством связующих смысловых скреп, которые помогают сосредоточить внимание воспринимающего на важнейших, опорных, ключевых семантических доминантах. Так образуются причинно-следственные связи объяснительной процедуры автора, который является в произведении носителем смысловых интенций, постоянно комментируя изображаемое. Роль прямых высказываний, призванных направить читателя по нужному пути, чрезвычайно велика. Но эти явные указания могут быть изоморфны и соразмерны композиции произведения, могут самым наглядным образом соответствовать *способам выражения* авторской мысли<sup>16</sup>.

**3.2.** Уже во вступлении намечается главенствующая линия повествования. Книжник сообщает, что великий князь *«въспитан же бысть въ благочестыи и въ славѣ, съ всяцѣмъ наказаниемъ духовнымъ, и от самѣхъ пеленъ Бога възлюбилъ»* (209). Как станет ясно в дальнейшем, слава князя ассоциируется с земным царством и в то же время с ожиданием грядущих небесных благ. Вообще эта слава «в мире сем» (ее, видимо, нужно отличать от «славы мира сего», получающей в древнерусской книжно-

---

<sup>15</sup> *Сходное членение текста предложено в работе Дж.Ревелли: «... "Слово о житии..." состоит из трех частей, в свою очередь разделенных на три раздела: вступление, описание события, похвальный конец, В первой части, кроме короткого вступительного слова о семье великого князя, излагается повествование о Куликовской битве, главное деяние жизни великого князя, во второй помещается рассказ о его преставлении и изливается плач княгини Овдошии, в третьей – похвальное слово князю. Эти части произведения являются сочинениями, почти независимыми друг от друга, потому что в каждой из них повторяются те же самые агиографические мотивы, меняется только упоминание события» (Ревелли Дж. Указ. соч. С.137).*

<sup>16</sup> *Проблема изоморфизма содержательной и формальной сторон произведения предполагает не только точное совпадение способов выражения и самой идеи, но и возможное их расхождение, о чем говорил Я.Мукаржовский: «...подлинный структурный анализ художественного произведения носит семантический характер, причем семантический разбор затрагивает все компоненты произведения, как "содержательные", так и "формальные". Нельзя обращать внимание только на тенденцию к объединению отдельных элементов произведения в общем значении; нужно видеть и противоположную тенденцию, ведущую к нарушению смыслового единства произведения» (Мукаржовский Я. Преднамеренное и непреднамеренное в искусстве // Структурализм... С.192).*

сти отрицательную коннотацию<sup>17</sup>) не принадлежит человеку и может быть получена лишь вследствие исполнения Божьих заповедей<sup>18</sup>. Говоря о браке Дмитрия с княжной Евдокией, автор подчеркивает, что новобрачные «въ чистѣи съвѣсти, крѣпостию разума предръжа земное царство и к небесному присягаа, и плотиугодия не творяху, по брацѣ ѿбломудрено живяста, яко златоперсистый голубь и сладкоглаголива ластовица, съ умилением смотряху своего спасения» (210).

Антитеза земного и небесного станет затем варьироваться в «Слове» на протяжении всего повествования. Одна из характеристик Дмитрия, предваряющая непосредственно рассказ о его кончине (во время болезни князь готовится к встрече с Богом), вся пронизана оппозициями земного и небесного: Дмитрий возлюбил Бога с юности и, не владея искусством книжника, «духовныя книги въ сердци своемъ имяше»; очи свои князь опускал к земле, от которой и был взят, «душою же и умъ простираше к небеси», где и подобало ему пребывать; победитель Мамая правил царски, а жил в посте и молитве по-ангельски, «в бернѣм телеси бесплотных житие съвършаше»; правя Русской землей, он помышлял о житии монаха, «царскую багряницу и вѣнецъ ношаше, а в чернечьскыя ризы по вся дни облещися желаше»; наконец, «честь и славу от всего мира приимаше, а крестъ Христовъ на раму ношаше». Итог этой риторической амплификации подводится в диалектической формулировке, которая становится универсальным синтезом всех антитез: «поистинѣ явися земный ангель, небесный человекъ» (214)<sup>19</sup>. Как видим, концепт славы князя связан в «Слове» со сверхъестественным источником всякого земного могущества и преуспевания. Князь Дмитрий и княгиня Евдокия, как подчеркивает автор, «обѣма едина дуия ... к будущей славѣ взирающее очима на высоту» (224).

<sup>17</sup> Первоначально в княжеских житиях жертвенность и святость объяснены не только как подражание Христу, но и как отступление от норм «мира сего», как иррациональное деяние, противоречащее логике повседневности.

<sup>18</sup> Судя по всему, перед нами одно из общих мест книжной традиции XIV–XV вв. Так, в «Слове похвальном преподобному отцу нашему Сергию» отмечено, что слава святого – дар Бога, прославившего подвижника за те подвиги, которыми Сергий прежде прославлял Творца: «Он Бога прослави, и Бог на земли прослави его» (Об этом см.: Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т.2. М., 1998. С.646–647).

<sup>19</sup> В данном случае мы встречаемся с традиционным агиографическим топосом *imitatio angelii* (Об этом см.: Руди Т.Р. Типика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография. Исследования. Публикации. Polemica. СПб., 2005. С. 93–94).

Вообще для агиобиографии Дмитрия характерна нарочитая антиномичность, двойственность, построенная на столкновении двух планов реальности. Так, все повествование четко разделяется на фрагменты, рассказывающие о событиях, и здесь господствует бесстрастная констатация фактов, и фрагменты, которые содержат комментарий, раскрывающий духовный смысл этих же событий; автор склонен к эмоциональным отступлениям, и тогда на смену летописному лаконизму приходит многословие, торжественная риторика, отмеченная повышенным интересом к абстрагированию вещей и понятий. Например, о кончине Дмитрия автор сообщает, используя две, казалось бы, взаимоисключающие тональности. С одной стороны, обстоятельства смерти князя, связанные с земным историческим планом повествования, передаются чисто деловым, холодным и отстраненным тоном: *«И раздавал же (Дмитрий. – А.К.) есть коемуджо своимъ сыномъ: и грады своя въ отчину имъ предать по части, и жребий княжения их, на чемъ им княжити и жити, и по жребью раздѣли имъ землю»* (218); *«И тако утвердив златопечатною грамотою, и лобызав княгиню и дѣти своя, и бояре своя конечнымъ лобзаниемъ, и благослови их, и пригнувъ руцѣ к персемъ, и тако предать святую свою и непорочную душу в руцѣ истиннаго Бога майа въ 19, на память святого мученика Патрекиа, на 5-й недели по Пасѣ въ среду, въ 2 часъ ночи»* (Там же); *«И принесие его в церковь святого архаггела Михаила, идѣже есть гробъ отца его, и дѣда, и прадѣда, и пѣвшие над нимъ обычное надгробное пѣние, положиши его в гробъ месяца майа въ 20 день, на память святого мученика Фалелиа»* (220). С другой, – они оказываются поводом для бурного и несдержанного выражения чувств героев и самого повествователя: *«Егда же преставися благовѣрный и христоролюбивый, благородный князь Дмитрий Иванович всея Руси, и просвѣтися лице его, яко ангелу. Видѣв же его княгиня мрътва на постели лежаша, въсплакася горкымъ гласом, огньныя слезы от очю испуцающы, утробою распаяющы, в перси своя руками бьющее»* (218); *«О страшное чудо, братие, дива исплънено, о трепетно видѣние! Ужасъ одръжаше вся! Слыши, небо, внуши земле!»* (222).

По праву эту манеру можно было бы назвать поэтикой непрерывных контрастов, в которой оксюмороны и смысловые оппозиции постоянно наслаиваются друг на друга.

**3.3.** В то же время центральная антитеза небесной и земной славы преодолевается, снимается. Поскольку речь идет не только о различении этих планов реальности, но и о поглощении одного другим: в ко-

нечном счете, слава небесная включает в себя и земную, поскольку и первая, и вторая имеют одно происхождение, один источник. Слава земная является символом небесной, предвосхищает загробную судьбу Дмитрия. Вспомним, что говорится об этом в начале авторской похвалы: *«Также князь Дмитрий знаменит в родѣх бысть; нѣсть убо лѣпо инѣмь родителемъ таково чядо родити, ниже убо достойно такому пречюдному чаду от инѣх родитель родитися, аще не бы смотрениемъ всѣхъ съдѣтеля бога»* (222). Как видим, читатель подготовлен заранее, он уже знает развязку. Итоговый панегирик оказывается лишь окончательной констатацией небесного прославления князя, его перехода в райские обители, где он занимает почетное место наряду со святителями и всем избранным народом Божиим.

В биографии Дмитрия промыслительный ход событий обозначен нарочито и явно. Автору важно подчеркнуть, что князь следует Божественным заповедям как пророк и кормчий, направляющий свой корабль по воле Промысла: *«Аки кормчий крѣпокъ противу вѣтромъ минуя, направляемъ вышняго промышлениемъ, и яко пророкъ на стражи божия смотрения, тако сматряше своего царствия»* (210).

**3.4.** Верность Богу предполагает праведные деяния. Поэтому Дмитрий противопоставляется тем государям, которые соответствовали высокому предназначению монарха лишь по имени, а не по своим делам. Выясняется, что московский князь превосходит многих ветхозаветных царей, в том числе Иеровоама и Саула. Недаром книжник сравнивает князя с зеркалом, отразившим заповеди Священного Писания (222). Истинное послушание, в свою очередь, становится причиной Божьей милости. Поэтому в своем предсмертном поучении детям Дмитрий настойчиво призывает их к покорному исполнению заповедей и родительских наставлений: *«Вы же сынове мои... Бога боитесь... Обязайте собѣ заповедь мою на шию свою, и вложите словеса моя в сердце ваше. Аще ли не послушаете родитель своихъ, помянѣте писаное: «Клятва отца домъ чядомъ раздрушит, и матернее въздыхание до конца искоренитъ». Аще ли послушаете – долготѣни будете на земли и в благыхъ пребудет душа ваша, (далее подчеркнуто мной. – А.К.) и умножится слава дому вашего, врази ваши падут под ногами вашими, и иноплеменици побгнут от лица вашего...»* (216).

Очевидна связь последнего утверждения с воинской тематикой «Слова о житии...». Именно слава благочестивого князя вызвала зависть неверных, которые «навадиша» на Дмитрия нечестивому Мамаю: *«Дмитрий, великий князь, себе именует Русской земли царя, и паче*

честнѣйша тебе славою, супротивно стоит твоему царствию» (210). Так намечается антитеза славы праведника и самовосхваления грешника; как библейский нечестивец, Мамай «похвалися на кивот завѣта господня, иже в Силомѣ; сице похвалився, сам погыбе» (210). Смирение Дмитрия, который в момент смертельной опасности готов пострадать за веру и за Русскую землю, противопоставляется суетной похвальбе Мамай. «И бестудный Мамай срама испльнися, в похвалы мѣсто безчестие прииде ему. И поиде самъ на Русскую землю, похвалився на Дмитриа, испльни сердце свое злаго безакония» (210). Накануне решающей схватки с Мамаем Дмитрий молитвенно обращается к Богородице, решаясь пожертвовать земной славой во имя Иисуса Христа: «О, пресвятая Госпоже Богородице-дево, заступнице и помощнице миру, моли Сына своего за мя грѣшнаго, да достоинъ буду славу<sup>20</sup> и живот свой положити за имя Сына твоего...» (210–212). Отказ от временного величия и даже жизни знаменует собой господство высших ценностей, которые присутствуют не в повседневном опыте, а раскрываются лишь посредством богооткровения, вопреки обычной житейской логике; это метафизические принципы, принятые в качестве руководства к действию. В жертвенности заключается главное качество правителя, который отвечает не только за себя, но и за души своих подданных. Последние должны быть готовы к такому же мученическому самоотвержению, что и князь. Дмитрий и его бояре уподоблены в «Слове о житии...» мученикам за веру: об этом автор сообщает, вкладывая в уста русских вельмож следующие слова: «Господине русский царю! Ркли есмя, тобѣ служба, живот свой положити, а нынѣ тебе дѣля кровь свою прольемъ, и свою кровью второе крещение примемъ» (210–212). Эта тема получит, возможно, развитие в итоговом прославлении московского государя, где он будет поставлен в один ряд с апостолами и князем Владимиром, крестителем Руси<sup>21</sup>.

<sup>20</sup> Следует, однако, отметить, что одно из разночтений существенно меняет смысл молитвы: вместо сочетания «славу и живот» обнаруживаем тавтологичное «главу и живот». В первом случае князь отказывается сразу от мирской славы и жизни, во втором – только от жизни (Полное собрание русских летописей /далее – ПСРЛ/. Т.IV. Ч.1. М., 2000. С.353).

<sup>21</sup> Впрочем, эту трактовку странного пассажа, в котором Дмитрий сравнивается с апостолами, нельзя считать строгой и вполне подтверждаемой опытом прямых высказываний. Нам ближе то понимание фрагмента, которое предложила В.Л.Адрианова-Перетц. По ее мнению, герой «Слова» уподобляется просветителям «лишь по признаку



**3.5.** Заключительная часть «Слова о житии...» представляет собой пространный авторский монолог, который содержит не только торжественный панегирик князю, но и обширное, развернутое рассуждение на тему похвалы. Перед нами образец своеобразной риторической рефлексии, чрезвычайно важной для реконструкции идейного содержания памятника.

На стыке последней повествовательной части, описывающей кончину Дмитрия, и пространного лирического отступления, субъектом которого выступает грешный и «худоумный» ветия, находится эмоциональный пассаж, посвященный невыразимому горю в связи со смертью князя. Печаль эта представлена как всеобщая, как явление поистине космического масштаба: *«Что нареку день той – день скръби и тугы, день тмы и мрака, день бѣды и печали, день въпля и слез, день сѣтованіа и жалости, день поношеніа и страсти, день захлипаніа и кричаніа, недоумѣю реци – яко день погібели!»* (223).

По контрасту с этим экспрессивным описанием вселенского плача весьма рассудочным и уравновешенным выглядит авторский монолог, построенный на антитезе величия подвига святого и неискренности в «сложении речи» самого книжника. Выясняется, что слава Дмитрия обладает некоей субстанциональной природой, существует независимо от авторской похвалы, являясь ее причиной, а не следствием. Похвала сама по себе может быть и неадекватна славе, представляя собой ее несовершенное отражение. Слава – море, которое остается полноводным и без текущих в него рек: *«Кое ли приложение славѣ его сдѣлаю, ибо немѣримо есть яко ни море в него текущихъ рѣкъ, есть бо и бес того полно»* (222).

Напротив, рвение, понуждаемое мыслями о величии московского князя, может исполниться «благоизволения и славы» (224). Автор заявляет о том, что похвала должна быть достойна славы, и потому не скрывает своего желания последовать Варнаве, который вместе с апостолом Павлом устремился проповедовать. Приготовившись к «похвалению предоброго господина», следует отречься от осуждения и суетных помыслов. В день торжества необходимо забыть про зло и помнить лишь добро, ведь право выносить окончательный приговор принадлежит только бесстрастному Богу. Человеку, легко порицающему ближнего,

---

*всеобщего в данной стране прославления» (Адрианова-Перетц В.П. Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского // Труды отдела древнерусской литературы /далее – ТОДРЛ/. М.; Л., 1947. Т.5. С.89).*

лучше смиренно молчать. Проповедь украшает только похвала. Она душеспасительна, поскольку является продолжением Божественной любви, истинной, а не ложной: *«Богъ бо любви есть, яко научахомся божественныхъ писанихъ. Отколѣ познавается правая любви? ... Аще любимъ любящая ны, по Господьскому слову, мытари и грѣшници то же творять, заимное дѣство сдѣюще; мы же не заимною любовию любим тебе, но истинною»*<sup>22</sup>. Здесь намечена любопытная антитеза заинтересованной любви, которая требует обязательной предпосылки, являясь ответом на расположение другого, и любви иррациональной, жертвенной, не ищущей воздаяния. Надежда на ответное чувство («*заимное дѣство*») отвергнута, как небескорыстная и ущербная. Подлинная любовь, а значит, и подлинное рвение в делах божественных предполагают смирение, несмотря на возможное зло, недовольство, «досаду», которые нужно претерпеть от возлюбленного.

Смысл отвлеченных рассуждений, неуместных, казалось бы, в панегирике, тем не менее вполне понятен. Торжественное славословие в честь московского князя содержит традиционный агиографический топос кающегося автора. Сентенция книжника замкнута на субъекте высказывания. Составитель «Слова о житии...» сталкивает бескорыстие подлинной святости и сопряженной с ней славы с мирской строптивостью и суетными помыслами грешника, который недостойн писать о подвижнической жизни: *«Но житие мое строптиво есть, не даст ми бесѣдовати с тобою, якоже хочется; оуподобихся сѣмени еваггельскому, еже впаде в тернии и подавится и не могло плода створити»*<sup>23</sup>. На этот раз выход из противоречия не найден и не может быть найден, поскольку оно задается вполне осознанно, являясь обязательным для всей последующей «драматургии» «Слова о житии...».

**3.6.** Рассуждения автора завершаются очередной антитезой: монахи и сохранившие благочестие в законном христианском браке противо-

<sup>22</sup> Это рассуждение относится к фрагменту, исключенному составителями антологии Памятники литературы Древней Руси из текста «Слова», публиковавшегося по списку Новгородской Карамзинской летописи, и цитируется по Новгородской четвертой летописи (ПСРЛ. Т.IV. Ч.1. С.364). По мнению Г.М.Прохорова, самоуничижение автора адресовано неизвестному заказчику «Слова» и представляет часть послания, включенного в итоговую похвалу (Прохоров Г.М. Непонятный текст и письмо к заказчику в «Слове о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Рускаго» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т.XL. С.229–247).

<sup>23</sup> Там же.

поставлены тем, кто духовно умер при жизни, скончался «прежде смерти». Так подготовлена почва для итогового панегирика, который должен поднять московского князя на необычайную высоту. Греховность автора лишь оттеняет величие героя. Он сравнивается с солнцем, лучи которого распространяются по всему миру. Безмерна и слава Дмитрия: *«Не сумняся рещи о немъ, яко въ всю землю изыде слава его, и в конца вселенныа – величество его»* (226).

Риторическая природа похвалы Дмитрию с полной силой раскрывается в периоде, пронизанном многочисленными сравнениями, каждое из которых оборачивается новой антитезой: *«Кому уподоблю великаго сего князя, рускаго царя? Приидѣте любимици, церковнии друзи, к похвалению словесе – по достоанию похвалити держателя земли! Аггела ли ты нареку? Но в плоти суца аггелскы пожиль еси. Человѣка ли? Но выше человѣчьскаго суцѣства дѣло совершилъ еси. Пръвозданнаго ли ты нареку? Но той, приимъ заповѣдь сдѣтеля, преступи, ты же обѣты своа по святомъ крещении чисто съхрани»* (226).

**3.7.** Композиция «Слова о житии...» отмечена той внутренней логикой, которая вполне соответствует опыту прямых высказываний и одновременно обеспечивает их взаимодействие, оформляет объяснительную конструкцию текста. Примечательно, что все отвлеченные рассуждения, связанные с авторской рефлексией, сосредоточиваются в основном во второй половине произведения. По мере того, как ослабевает наррация, нарастает рассуждение, а вместе с ним становится заметнее лирическая составляющая. Стиль становится более эмоциональным, все ощутимее авторский пафос, связанный с гиперболизацией, с неумеренным прославлением героя. В произведении достаточно четко разведены историческая повествовательная основа и духовный комментарий автора. Характерно, что данный путь развития авторской мысли совпадает с общим движением текста от истории к вечности, которая ассоциируется с будущим блаженством и выступает в качестве эсхатологической финальной цели. Однако это движение не самовольно, но обладает в глазах автора изначальной целесообразностью, поскольку задано промыслом. В исторической части биографии Дмитрия все телеологично: сквозь план земного существования как бы просвечивает высший смысл потусторонней жизни. Одна из центральных антитез «Слова о житии...» – противопоставление земного и небесного – диалектически реализуется не только на уровне семантической оппозиции славы «в мире сем» и «будущей славы», но и на композиционном уровне, охватывая всю структуру произведения.

## 4. Автор и традиция

**4.1.** В заключение отметим, что внутренняя логика, обусловившая взаимосвязь прямых высказываний «Слова о житии», подчас оставляла равнодушными исследователей этого памятника. На протяжении нескольких десятилетий медиевисты реконструировали круг вероятных источников произведения<sup>24</sup> и обсуждали историю текста, проблему авторства<sup>25</sup>, возможность соединения в одном ансамбле нескольких произведений, принадлежавших разным книжникам<sup>26</sup>, проблемы жанра и стиля<sup>27</sup>, но только не внутренние связи, те самые имманентные коды, без которых произведение в своей уникальной смысловой непредсказуемости и в то же время целостности так и не могло бы состояться.

Традиционная объяснительная логика ставит на первый план генезис текста, пренебрегая его интенциями, тем смыслоположением, которое не тождественно истории произведения, а сосредоточено в каждом его варианте, в каждой редакции. Компилятивный и вторичный характер отдельного источника не отменяет телеологии проекта, которую подразумевал составитель на любом этапе бытования текста. Конечно, средневековый книжник не стремился к оригинальности, но это вовсе не означает, что на практике он не был самобытен и оригинален. Любая переделка и редакторская правка преследуют свою сверхзадачу, которая не открывается сразу, а требует реконструкции. Только реконструкция эта должна быть соприродна исследуемому материалу и должна отвечать его смысловой непредсказуемости.

**4.2.** Все новое в средневековой книжности было обусловлено отбором традиционных эталонов и формул. Строительный материал книжности предполагал использование формообразующих моделей и топов. Формообразующие модели представляли собой наследуемые принципы организации того или иного контекста (например, выявленные

---

<sup>24</sup> Адрианова-Перетц В.П. Указ. соч. С.73–96.

<sup>25</sup> Соловьев А.В. Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича Донского, царя русского» // ТОДРЛ. Л.; М., 1961. Т.17. С.85–106; Прохоров Г.М. Непонятное место в «Слове о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского» // Памятники переводной и русской литературы XIV–XV вв. Л., 1987. С.98–123.

<sup>26</sup> Ревелли Дж. Указ. соч. С.144.

<sup>27</sup> Антонова М.Ф. Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского (Вопросы атрибуции и жанра) // ТОДРЛ. Л., 1973. Т.28. С.140–154.

Пиккио изоколические структуры древнерусских памятников<sup>28</sup>; феномен «монументальной фразы»<sup>29</sup> и т.д.). Топосы были завершенными словесными «клише», переносимыми из текста в текст (некоторые распространенные исторические аналогии, цитаты, образные сравнения, устойчивые случаи применения отдельных тропов и символов, афоризмы, притчи, излюбленные риторические пассажи, сохраняющие застывшую словесную форму). Точность воспроизведения топосов относительна; они сравнительно легко варьировались, но при этом даже в сильно видоизмененных топосных структурах присутствовали стабильные семантические мотивы и образы.

Рассматривая подобного рода «трансплантации» книжных оборотов, нельзя, видимо, ограничиваться контекстуальностью, полагая, что вне контекста не существует никакого смысла. Топосы бытовали, находясь в свободном наджанровом и надысторическом состоянии, и могли применяться по случаю, там, где это было оправдано конкретной потребностью их воспроизведения. Относительная независимость от любого контекста (в том числе и от исходного) – важнейшая примета топосных фигур<sup>30</sup>. Известно, что вычленяемые из речевого потока элементы сами по себе значимы и обладают надконтекстуальным и надысторическим содержанием<sup>31</sup>. Они свободны от первоначальной ситуации произнесения. Говорить на языке – значит пользоваться уже готовым, не своим только, но *общим*. В речи мы мало изобретаем.<sup>32</sup>

Изучение топосов позволяет очертить рубежи той литературной традиции, к которой они принадлежали. На этих аксиомах и была основана

<sup>28</sup> Пиккио Р. Указ. соч. С.543–592.

<sup>29</sup> Ферран М. Монументальная фраза древнерусских писателей. М., 1999.

<sup>30</sup> П.Зюмтор по этому поводу верно замечал: «Один и тот же тип может актуализовываться в контекстах самого разного содержания, полностью сохраняя присущий ему смысл. <...> Действительно, тип отсылает одновременно и к своей традиционной (систематической) референции, и к контекстуальному (синтагма-тическому) смыслу» (Зюмтор П. Указ. соч. С.96).

<sup>31</sup> Лотман Ю.М. Указ. соч. С.89.

<sup>32</sup> «Слово "отец" в предложениях "отец читает газету" и "отец русских городов", – замечал Ю.М.Лотман, – имеет некое общее значение, которое раскрывается в обоих случаях как одинаковое, т.е. не зависит от связи значения слова и последующих за ним. И если в изолированном слове "отец" реализуется семантика нейтрализованной "архисемы", то ближайший контекст позволяет определить и конкретные добавочные значения данного варианта» (Там же).

теория риторических фигур Э.Р.Курциуса, утверждавшего, что топосы существуют во вневременном и внепространственном континууме традиции. Позднее эта идея берется на вооружение медиевистом П.Зюмтором, который исследовал «типы» средневековой литературы с точки зрения их реализации в структуре поэтического произведения: «Традиция выступает конечной целью текста, предшествующей ему и определяющей его функционирование. Поэтому текст несет двоякую функцию: внутреннюю, поскольку он принадлежит поэзии, и внешнюю, в силу своей традиционности. В этом смысле он имеет высокую степень предсказуемости, однако никогда не предсказуем до конца»<sup>33</sup>. По мнению французского исследователя, традиционность топоса опознается даже в тех случаях, когда его *происхождение неизвестно*<sup>34</sup>.

**4.3.** Тем не менее если мы хотим понять смысл отдельного высказывания, то не должны ограничиваться описанием инвариантов. Тогда все наше внимание следует перенести на частный факт реализации универсальных структур<sup>35</sup>. Топосы устойчивы и сами по себе маловыразительны, а их обновление, их смысловые возможности раскрываются через новые внутренние связи, через устанавливаемые мышлением причинно-следственные отношения, основанные на опыте синтеза и различий. Для понимания говорящего мало знать только значение слов. Важнее улавливать «сцепления», производимые субъектом высказывания: «Речь – цепь сигналов, однонаправленных во временной последовательности, – соотносится с вне времени существующей системой языка (в том числе языка топосов и заимствований. – А.К.)»<sup>36</sup>.

**4.4.** «Генетическое досье» текста не предопределяет автоматически его понимания. Это лишь одна из процедур предварительного исследования памятника, позволяющая в лучшем случае избавиться от объективизма, от приписывания тексту примитивной функции зеркала, «верно» или «неверно» отражающего действительность как таковую<sup>37</sup>. Но всякое

<sup>33</sup> Зюмтор П. Указ. соч. С.81–83.

<sup>34</sup> Там же. С.83.

<sup>35</sup> По мысли Зюмтора, исследование текста предполагает одновременное взаимодействие общего и частного: «Универсальное – банальность; одна только констатация частного – тавтология. Всякая научная теория располагается где-то посередине между этими крайними точками» (Там же. С.148).

<sup>36</sup> Лотман Ю.М. Указ. соч. С.89.

<sup>37</sup> Например, И.Н.Данилевский предостерегает от буквального прочтения Слова и Моления Даниила Заточника, которые «практически полностью состоят из цитат» (Дани-

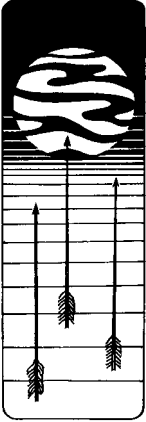
генетическое исследование имеет собственные пределы верификации; в случае с центонно-парафразовым подходом эти пределы слишком очевидны. Сторонник генетической критики рассматривает Библию как некий словарь традиции, с помощью которого хочет сразу же выявить и понять сокровенное содержание источника. Но чтение словаря не дает знания языка и способствует лишь заучиванию оторванных от потенциальных ситуативных контекстов словарных значений. Овладение языком средневековой культуры не сводится к единственному источнику смыслов. Идея универсального библейского тезауруса требует совершенствования самих методов изучения древнерусского текста в аспекте его смысловой непредсказуемости.

Если я исследовал происхождение явления, вовсе не значит, что я его понял. Я лишь выдвинул *версию его генезиса*, предложил *гипотезу*, которая целиком или в отдельных своих частях ставится под сомнение другой гипотезой. Генетическое исследование библейских тематических ключей ограничено именно потому, что несовершенно с точки зрения собственных приемов верификации (по сути дела принцип строгой доказательности здесь не действует, а эмпирические высказывания ученых не подлежат полной проверке). Смысл не складывается механически из суммы отдельных заимствованных элементов. В любом случае сверхзадачей истолкователя должна быть *реконструкция*, позволяющая раскрыть целевые установки автора, обнаружить проект, лежащий в основе «*нового семантического содержания*»<sup>38</sup>. Генетический подход такого проекта не видит, поскольку возводит сложное к простому, игнорируя закономерности построения сложного. Перед нами пример механистического мышления, являющегося предпосылкой вульгарной индукции, с пережитками которой приходится иметь дело современной науке. Некогда надеялись, что с помощью усиленного собирательства можно превратить нагромождение частных фактов в целостную картину. Однако из фактов следуют только факты.

---

левский И.Н. Цитаты, которые мы изучаем // *Одиссей*. 2004. С.301).

<sup>38</sup> Лотман Ю.М. Указ. соч. С.88.



## ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СПОРЫ XVII ВЕКА: «ГРЕКОФИЛЫ» И «ЛАТЫНЩИКИ»

*In mid-17<sup>th</sup> century Czar Alexei Mikhailovich and his closest confidants found themselves at the crossroads. Medieval Russia turns out to be increasingly obsolete against achievements of the West. The church reform was conceived for «moral correction» of church affairs. Learned monks headed by Epiphanius Slavinetzki were invited to Moscow to carry out the conceived program. However the Czar was utterly dissatisfied with Greeks and in 1660s invited «Latinists», graduates of Kievo-Bratski college. Simeon Polotzki was the leader of this group. The struggle for the spiritual predominance at the Czar's court between two trends («Greek» and «Latin» ones) gradually transformed into the struggle for the future cultural position of Russia. The author investigates epistemological aspect of the confrontation. According to the author, two discourses are revealed in texts and documents of that epoch. One discourse is predominantly allegoric while the other one is syllogistic. The first discourse was embedded in the Russian medieval church and popular tradition. The other discourse was brought in by the «Latinists» and represented «new thinking» of a sort. The power which desperately needed church people and officials who were able to think clearly gradually leaned towards the second discourse. This discourse allowed Russian intellectuals in the next, 18<sup>th</sup> century to fall into dialogue with Enlightenment and to implement the basic reception of the European philosophy of the Modern time.*



**XVII** век назван историками «бунташным». В большей степени, чем крестьянские восстания и городские бунты, такое название оправдывают три глубинных конфликта, которые пронизали начало столетия, его середину и последнюю треть. Это Великая смута, церковный раскол и борьба «партий» за определение культурной позиции России, с которой она войдет в следующую эпоху. В статье рассматривается последняя из названных конфронтаций, в которой иностранное влияние на образ мысли русских интеллектуалов того времени оказалось решающим. В нее были вовлечены государственные чиновники, ближайшее царское окружение, сам самодержец, высшее духовенство, монахи, бояре, переводчики, приезжие писатели, книгоиздатели, миссионеры и просто грамотный московский люд. Центральной становится арена борьбы двух партий, «греческой» и «латинской». В *первой части* статьи представлена о внешенная история названных идейных столкновений; *во второй* – ее реконструкция, подводящая к пониманию происходящего как «эпистемологического порога», от которого берет отсчет формирование новых типов интеллектуальных дискурсов в России – светского, политического и впоследствии в XVIII в. философского.

## I.

**В** о второй половине XVII века три религиозные силы: афонско-греческая, римско-католическая и протестантская – оказывали внешнее идейное влияние на русское общество. Главную идейную альтернативу составляла борьба греческой и латинской учености, тогда как влияние протестантизма в тот период еще не было столь существенным.

Русская государственность, окончательно оформившаяся к середине XVI века, предполагала практически для любого важного решения его сакральное обоснование и поддержку. Собственно Московский царский двор не имел в своем распоряжении иного усвоенного опыта внутренних реформ. И когда Иван Грозный упрекал своего корреспондента Андрея Курбского в том, что тот своим поступком «предков убил», в нем говорило еще родовое сознание мифа, никакой модели времени не ведающее, кроме круговой. В таких условиях всякая сколько-нибудь значительная общественная перемена должна была начинаться с изменения сакральной подосновы.

Так и было в 40-е годы еще при патриархе Иосифе, когда заступил на царствие только что достигший совершеннолетия Алексей Михайлович. Исправление дел первоначально замысливалось в небольшом кружке «ревнителей благочестия», превратившемся к началу 50-х гг. во влиятельный духовный центр. Лидерами кружка были придворный духовник Стефан Вонифатьев и протопоп московского Казанского собора Иван Неронов. В дискуссиях «ревнителей» сблизилась идейная позиция молодого царя и Никона, тогда еще митрополита новгородского. Активное участие в них принимала и боярская знать. Поправление дел требовало ревностных служителей церкви, таких как Аввакум Петров, получивший первоначально поддержку от лидеров кружка и самого Алексея Михайловича.



Царь Алексей Михайлович. Гравюра К.Мейссена. 1670 г. (ГПБ)

По определению самих участников кружка, его задача представлялась как укрепление церкви и государства («исправление дел церковных и приходских») посредством нравственного их исправления. Решение этой задачи увязывалось с замыслом, еще более значимым, – исправление русской церкви в соответствии с церковью Вселенской. Масштабу такого замысла отвечал масштаб беспокойства правителей и высшего духовенства России того времени. Причин для такого беспокойства было предостаточно, и нарастали они по мере сближения России с Западом.

По прошествии ста лет померк идеал иосифлянского отношения церковной и светской властей. Да и в действительности эти отношения уже не были прежними. Треснул фундамент сакрального происхождения власти. Не столь убедительно, как в XVI в., теперь выглядела привнесённая Филофеем Псковским идея Москвы – третьего Рима. Существенно ослабел религиозно-этнический изоляционизм, а «бытовое исповедничество» (термин Г.П.Федотова) подтачивалось пусть и медленно повышающейся образованностью прихожан и служителей церкви<sup>1</sup>.

Изменения произошли и в области основных идейных приоритетов во внешней и внутренней политике власти. Эти приоритеты еще не стали другими, но в то же время уже не были прежними. Едва заметно, но вполне отчетливо стали проявляться симпатии к элементам государственной жизни на Западе. Тенденция интереса к Западу, его духовным и экономическим достижениям хоть и обозначилась, но не возростала линейно. Траектория была запутанной, с отступлениями, но при всем этом в результате она оказалась направленной в сторону новых, неизвестных до того на Руси интеллектуальных ориентиров.

Стало общим местом мнение, согласно которому иноземное влияние в России середины XVII века принималось враждебно. Действительно, дух иноземства по большей части отторгался – и не только простолюдинами, но и в среде самых образованных русских людей того времени. Типичный документ, отражающий отношение к иноземцам с Запада, – Кириллова книга. Неприятие «латинов» существовало, как известно, давно, но усилилось оно со времени образования Московского царства. Однако частично образцы западноевропейской учености

---

<sup>1</sup> О том, насколько «православный изоляционизм» возобладали в условиях господства «бытового исповедничества», можно судить по воспоминаниям иностранцев, побывавших в то время в России (см.: Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988; Любич-Романович В. Сказания иностранцев о России в XVI–XVII столетиях. СПб., 1843).

и культуры находили отклик в сердцах и умах москвитов. Влияние Запада осуществлялось по нескольким направлениям: увеличилось количество дипломатических контактов, немногочисленные библиотеки пополнялись духовной литературой из Малороссии и западноевропейских стран, все больше иностранцев стало поступать на русскую службу, расширились торговые связи, заметную роль в русской жизни стали играть иностранные поселения, такие как знаменитая Немецкая слобода в Москве.

Среди причин, заставивших правящие круги России того времени с интересом смотреть на Запад, следует назвать и полутороревковые плоды колониальной экспансии европейцев. Для русского правительства были очевидны результаты «успешной» колониальной политики западноевропейских стран. Таковые проявились в гигантском росте богатства правящих классов, непропорциональном собственному экономическому росту (превосходство собственно в экономическом развитии Запада станет очевидным гораздо позже, в первой половине XIX века). Европейская знать богатели на глазах: она уже обладала избыточным количеством серебра и золота, привезенных из копий и шахт Южной Америки, успешно торговала на Востоке, в Китае и Индии, посылала флоты для установления своего господства в других частях мира. Европа роскошествовала, строила города, дворцы, создавала новые университеты и королевские академии, экипировала армию и расставляла по всему миру своих колониальных управленцев. Таким образом, уже во второй половине XVII столетия на фоне колониального взлета западных стран (начала Испании и Португалии, позже, в XVIII веке, Великобритании, Голландии и Франции) властная элита русского общества постепенно стала приобретать болезненный синдром самоидентификации. И эта проблема самоидентификации России уже во второй половине XVII века была вплетена в общую канву догоняющей по отношению к Западу стратегии, которая по-разному проявлялась в действиях всех последующих властей в XVIII, XIX и XX столетиях. Вопрос самоидентификации правящей элиты России на фоне колониальной экспансии Запада является весьма важным для понимания той мотивации, которая была при создании всех ее больших и малых проектов, реализуемых в рамках самых различных типов государственного устройства. Однако даже фрагментарное освещение этой проблемы потребовало бы, по меньшей мере, отдельной статьи.

Особенное беспокойство вызывали миссионеры, проповедовавшие в России католицизм и протестантство. К этому следует добавить и то,

что в XVII веке значительная часть западных русских земель стала выпадать из сферы влияния русского правительства, так как была охвачена православно-католической унией.

После флорентийской унии (1439) и падения Константинополя (1453) авторитет греческой церкви был существенно подорван, а к концу XVI века после принятия ряда решений вселенских соборов он был утрачен еще больше: греки прямо обвинялись в схизме. Введение в 1589 году в русской православной церкви патриаршества, с одной стороны, организационно оформило идейные разногласия церквей, с другой, – придало дополнительный импульс процессу, конечный пункт которого усматривался в превращении русской церкви в единственную хранительницу истинного православия. Первоначальные действия «ревнителей» осуществлялись в русле этой стратегической задачи, а их реакция на возникшее беспокойство оформилась созданием самобытно-националистической программы «исправления дел». Но, несмотря на падение авторитета восточных церквей, их влияние нельзя было игнорировать полностью. Оно оставалось довольно значительным, во всяком случае настолько, чтобы продолжать попытки черпать оттуда «истинные» начала веры, пытаться умирять внутрицерковные разногласия, исправлять религиозную литературу и унифицировать правила богослужения.

Судя по всему, на остаточной вере в духовную силу восточных церквей и строилось в 1648 году решение активного участника кружка влиятельного боярина Федора Ртищева пригласить в Москву около тридцати монахов греческой ориентации из Афона и Киева. Именно из этой первой партии приезжих во главе с Епифанием Славинецким ученых письменников взошедший на патриарший престол в 1652 г. Никон составил группу для «справки» церковных книг и обрядов.

В дальнейшем судьба членов кружка разведет их по противоположным идейным направлениям, а самому царю придется подыскивать иные подходы к обновлению церковной идеологии. Но на первом этапе реформ ориентация Алексея Михайловича как и его протезе патриарха Никона оставалась чисто греческой.

Согласно планам «ревнителей», была предпринята реставрация первоначального сценариаума чина и безначальной правды Божьего слова. Посланники из Константинополя и Афона, а также их киевские последователи, казалось бы, принесли с собой столь ожидаемые ветры перемен. Но ожидания не оправдались. У греков не было ничего такого, чем они могли бы содержательно укрепить сакральную подоснову для реа-

лизации политических целей по-новому осознающей себя властной элиты. Сам Алексей Михайлович во второй половине своего царствования, ближе присмотревшись к прибывшим грекам, разочаровался в них. Еще дальше в этом направлении пошли его наследники – царь Федор Алексеевич и царевна Софья. При Петре I греческое влияние на царский двор прекратилось вовсе. Ученым монахам из Афона пришлось забыть прежде торную дорогу во дворец.

Но как, каким образом, грекофильство, которому следовало большинство иерархов русской церкви, могло быть умерено властью? Известно, что от времени оставления церковной кафедры Никоном (1658) до Собора 1666 года Алексей Михайлович остается единственным фактическим правителем русской церкви. Ожегшись на властолюбивом Никоне, он сознательно медлит с избранием нового патриарха, используя паузу церковного безвластия для выдвижения на высшие церковные должности «потаковников» – лично преданных ему людей. Алексей Михайлович проводил все свои планы в церковных делах систематически и настойчиво. Еще за два месяца до Собора он заставляет архиереев и настоятелей монастырей за собственноручной подписью дать ответы на вопросы о лояльности к реформе и отношении к мерам царского двора по ее проведению. Само собой, что охотников выказать свое несогласие с царем не нашлось. Михаил Ртищев, испытывая тогда еще Чудовского архимандрита Иоакима (позже он станет патриархом), какой тот держится веры, услышал в ответ: *«Аз де, государь, не знаю ни старья веры, ни новья, но что велят начальницы, то и готов творити и слушать их во всем»*<sup>2</sup>. По сути, церковные иерархи, связанные со старорусской традицией, с того времени уже не включались в число людей «влиятельных». Те же, кто подчинился реформе и даже ее проводил после низложения Никона, до уровня его влияния так никогда и не поднялись. Они уже были не в состоянии сколько-нибудь определять выбор того направления, которое предписывалось России решениями самой власти.

Состояние церковного безвластия было названо Г.Флоровским «московской растерянностью», когда *«овии к востоку зрят, овии к западу»*<sup>3</sup>.

---

<sup>2</sup> Цит. по: Кантерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т.2. Сергиев Посад, 1912. С.12–13.

<sup>3</sup> Г.Флоровский таким образом охарактеризовал положение духовенства в период с 1658 г. (низложение Никона) до 1667 г., используя для этого свидетельства дьяка Ивана Тимофеева (См.: Флоровский Г.В. Пути русского богословия / Изд. 3-е с предисло-

Именно в момент «растерянности» московского духовенства царь приглашает в Россию «латынщиков» – принявших православие выпускников иезуитских центров из Западной Европы и христианских коллегий из Малой и Белой Руси. М.Щербатов отмечал, что в середине столетия при дворе появилось «ста два человек» латынщиков, знающих «древнюю философию», которых «не можно бы было зрить прежде 60 лет»<sup>4</sup>.

Представление «латынщиков» о самой России, а также о том, какая деятельность в ней будет наиболее целесообразной, раскрывается в записке тогда еще молодого клирика Юрия Крижанича, составленной им до прибытия в Московию. Он полагал, что в Московском государстве не нужно начинать с борьбы против схизмы и ереси, в них якобы русские люди впали «по простоте душевной», а начинать нужно с распространения знания. «Увещевать их, – писал Крижанич, – к добродетелям, к наукам и искусствам, по введению каковых было бы уже более легким делом указать им заблуждение и обман»<sup>5</sup>. Со схожими представлениями о собственной миссии прибыла целая группа ученых монахов, тоже православных, но «иных», отличных от старомосковского духовенства, с иным образованием и иными представлениями об отношении светской и духовной властей.

Знаковым можно считать тот факт, что Симеон Полоцкий, лидер вновь прибывших «латынщиков», в скором времени назначается наставником царских детей. Приглашенные к царскому двору люди, несмотря на официальную их приверженность православию, вызвали умственное брожение в окружении самого царя, среди московитов-прихожан и самого духовного чина. Акция, предпринятая царем, воспринималась старомосковским духовенством как сущая напасть. Самих же непрошенных церковью гостей немедленно следует разоблачить в глазах самого правителя России. В свою очередь прибывшие «латынщики» демонстрировали решительное участие в исправлении церковных дел. Так, в соперничестве за влияние на царский двор сформировались два духовно-религиозных центра – греческий и латинский.

Наиболее последовательными защитниками «греческой линии» в русском православии были Иоаникий и Софроний Лихуды, Епифаний Славинецкий, Евфимий Чудовский, патриарх Иоаким. Центром «греко-

---

*виет прот. И.Мейендорфа. Paris: YMCA-PRESS, 1983. С.76, 77).*

<sup>4</sup> Щербатов М.М. Сочинения. Т.2. СПб., 1898. Стб.17.

<sup>5</sup> Белокуров С.А. Из духовной жизни Московского общества XVII в. Юрий Крижанич в России. М., 1903. Приложения: письма и документы. С.117.

фильства» служил Чудовский монастырь. Опору их знаний составляла византийская книжность, отсюда черпали они свои представления о государстве и мировом устройстве, а их ярые и молчаливые сторонники составляли тогда подавляющее большинство духовенства и боярской знати.

Рассаdnиками латинства были в основном выпускники Киево-Братской коллегии, в последующем названной Киево-Могилянской, по имени киевского митрополита Петра Могилы (1596–1647), великого организатора духовного просвещения в Малороссии. В Коллегии культивировалось ренессансное понимание Слова как «знания» и «добродетели» и, пусть и не явно, постулировался принцип десакрализации власти. Некоторые тексты «латынщиков» попали в Московию уже в начале никоновских реформ: это труды И.Кононовича-Горбацкого и И.Гизеля, а после присоединения малороссийских земель (1654) – «Ключ разума»(1659) Иоанникия Галытовского и «Меч духовный»(1666) Лазаря Барановича<sup>6</sup>.

Какими представляли «латынщики» перед москвитями? Чего они добивались? Прежде всего, монахи латинской учености не представляли собой какой-то группы единомышленников, объединенных общей целью. Это были «новые люди», по разным причинам и с разными намерениями прибывшие в Россию. Связывал их сам тип образованности, незримая принадлежность к интеллектуальному пространству тогдашнего Запада. К этому добавлялась необходимость сплочения перед лицом враждебного старомосковского духовенства. Самыми заметными среди «латынщиков» были выпускники Киево-Братской коллегии – это Симеон Полоцкий, Карион Истомин, Петр Артемьев, Ян Белобоцкий и др. Каждый из них представлял самого себя, но их совокупное влияние на узкий слой образованных русских людей с каждым годом становилось все более ощутимым.

В целом и общем они утверждали новые идеи и, как было сказано, демонстрировали латинскую образованность. Но что стояло за этой образованностью? На первый взгляд может показаться, что ответ на этот вопрос прост и не вызывает никакого исследовательского затруднения. Тексты, занесенные в Россию с Запада, говорят сами за себя. Но,

---

<sup>6</sup> Иоанникий Галытовский. Ключ разума. Киев, 1659; Лазарь Баранович. Меч духовный. Киево-Печерская лавра, 1666. См. также: Сумцов Н.Ф. Иоанникий Галытовский. К истории южно-русской литературы XVII в. Киев, 1884. С.10–14; Он же. Обзор содержания проповедей Иоанникия Галытовского. Харьков, 1913.



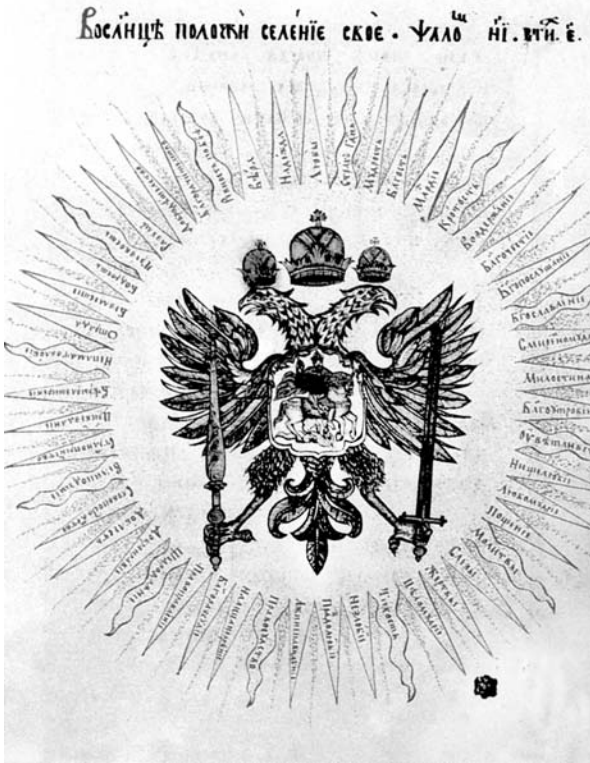
несмотря на, казалось бы, исчерпывающую изученность этого вопроса, прismoтpимся к нему повнимательней.



Лист из Букваря Кариона Истомина. Астрономы. 1689 г. (ГИМ)

Итак, знания латынщиков распространялась на широкий спектр европейских идей: наследие античных авторов, христианский неоплатонизм, западная схоластика, тексты Возрождения, Реформации и раннего Просвещения. На этой основе можно сделать вполне логичное заключение, что киево-могилянцы стремились раздвинуть рамки средневековой образованности, критически переосмыслить существующие авторитеты, догмы и традиции. В пользу неявного секуляризма «латынщиков» говорит тот факт, что они пишут и печатают книги *«такo мирская, такo же*

и святыя». «Мирские» книги в то время были особенной редкостью. Для этой цели Симеон Полоцкий разворачивает издательскую деятельность в Москве. В 1678 г. ему удается основать так называемую «типографию верхнюю», которая становится альтернативой типографии «нижней», находящейся в ведении патриарха.



Герб Российского государства в лучах добродетелей.

Миниатюра из рукописи «Орел российской» Симеона Полоцкого. Конец XVII в. БАН (С.-Петербург)

Конфронтации между двумя партиями проходят на нескольких уровнях: философском и богословском, межпартийном и межличностном, светском и религиозном. Спорят отдельные идеи и целые произведения. Противоборствующие силы участвуют в публичных дискуссиях, но они же включаются в игры тайной дипломатии, где цель каждой стороны склонить мнение царского окружения и самого царя в свою

пользу. Итог известен: активная просветительская деятельность «латынщиков» и их сближение с царским двором оказались в конечном итоге решающим фактором в культурном выборе, сделанном правящей московской элитой.

Подытоживая сказанное, восстановим в общих чертах цепь событий: выдвинутая «ревнителями благочестия» самобытно-национальная программа потребовала сверки с истоками восточного православия, что привело к первоначальной установке на поиск сакральной подосновы государственного управления в греческой ориентации русской церкви. Однако предпринятые московским духовенством меры привели к очевидному несоответствию их с представлениями правящей элиты о геополитическом положении русского государства и перспективах его строительства, что послужило причиной постепенного поворота руля государственного управления и всей культурной жизни России в сторону Запада. Особую роль в обозначенной духовной переориентации второй половины XVII века сыграла привнесенная с Запада латинская ученость.

Однако влияние учености, распространившейся усилиями «латынщиков», не ограничилось одним только сдвигом социально-политических и религиозно-духовных ориентаций в сторону Запада. Оно во многом определило внутренние условия тех процессов, которые привели к последующему слову средневековых институций власти и церкви. Полагаю, что без раскрытия *эпистемологической составляющей* этих «внутренних условий» остается существенно затемненным само «колорватное» движение русского Просвещения XVIII века с его специфическим приятием/отторжением европейской культуры и весьма оригинальной рецепцией европейской философии, политики и права. Прояснению данного эпистемологического аспекта влияния латинской учености отдана вторая часть настоящей статьи.

## II.

**Т** о, что «латынщики» по крохам привносили в русскую жизнь XVII в., мы сегодня назвали бы «новым мышлением». Впервые за всю средневековую историю Руси-России часть московской интеллектуальной среды не отторгла дискурсивные практики, привнесенные из латинского Запада. Но влияние латинской учености на русское общество XVII века не исчерпывается одними только видимыми на повержно-

сти истории событиями. «Латины» повлияли на образование новых эпистемологических оснований, новых дискурсивных практик, которые и позволили осуществить последующий диалог как с европейской культурой в целом, так и с европейским Просвещением в частности.

### ***Идейная платформа «грекофилов»***

Несправедливо было бы считать маразматиками и ретроградами всех, кто в то время симпатизировал «греческой» ориентации русской церкви. По формальным критериям деятельность сторонников греческой учености не уступала деятельности «латынщиков». Они вовсе не представляли собой какое-то иссыхающее интеллектуальное русло. Среди них, конечно же, были «мудроборцы», начетники и запретители, которых в России всегда с избытком. Но если рассмотреть первый ряд защитников предания и благочестия, то мы увидим там в подлинном смысле образованных людей своего времени. Особое место в этом ряду по праву принадлежало Епифанию Славинецкому, который был *«муж многоученный, не токмо грамматики и риторики, но и философии и самая феологии известный бысть испытатель, и опасный (осторожный, осмотрительный. – Е.И.) претолковник греческаго, латинскаго, славенскаго и польскаго языков»*<sup>7</sup>. Будучи выпускником той же Киево-Братской коллегии, Епифаний не оставил традицию древнерусского мышления, чуждого схоластическим приемам и рациональной регламентации. Известно, что Епифаний еще в юности поборол в себе увлечение «латинскими мудрованиями». По прибытии в Россию он переводит «Филологический лексикон», десятки гимнологических духовных песен и песен эпического характера, руководит рабочей группой по составлению Никоновой «Скрижали», а в последующем – по «исправлению» Библии (1663) и всего свода богослужебной литературы, имевшейся тогда в распоряжении высшего московского духовенства<sup>8</sup>. Кроме книг религиозного назначения, Епифаний переводит философские тексты – диалоги Платона, фрагменты из сочинений Ксенофонта, а также

---

<sup>7</sup> *Остен. Памятник русской духовной письменности XVII в. (Приложение к «Православному Собеседнику». 1865 г.). Казань, 1865. С.74.*

<sup>8</sup> *См.: Певницкий В. Епифаний Славинецкий // Труды Киевской духовной академии. Кн.8–10. Киев, 1861; Ротар И. Епифаний Славинецкий, один из главных деятелей русской духовной литературы в XVII в. // Киевская старина. 1900. №10. С.1–38; №11. С.189–217; №12. С.347–400.*

произведений Н.Макиавелли, Н.Коперника и Эразма Роттердамского<sup>9</sup>. В своих «Поучениях»<sup>10</sup> Епифаний следует средневековой концепции «великой цепи бытия», выдвинутой еще Максимом Исповедником<sup>11</sup>.

По сути, от «грекофилов» исходила тщательная сверка каждого шага церкви и власти с традицией отечественной культуры – знанием предания, чтением и заучиванием старинных текстов. Сами же вековые традиции русского православия допускали в основном книжную грамотность, тогда как к умствованиям относились подозрительно. Продолжать отстаивать такие принципы в новых условиях можно было опираясь на те силы, которые держались старинного русско-византийского уклада жизни и выступали прямо или косвенно за духовную изоляцию России от Запада.

### *Дискурсивная практика «латынщиков»*

Нельзя назвать идеи лидера «латынщиков» Симеона Полоцкого оригинальными. В основном они были представлены гомилетикой (искусством составления проповедей), духовными стихами «О слове Божьем» и педагогическими наставлениями. Полоцкий только перерабатывает известное ему по Киево-Братской коллегии письменное наследие в соответствии с определенным логическим планом: соединяет куски из разных проповедей и пишет к ним собственные предисловия, делая их, таким образом, стройными и доступными для умеющих читать москвитов. Автор берет их для «приклада» к своим нравственно-назидательным проповедям. Но в этой простоте просматриваются элементы системного мышления, направленные на решение задач учебного и методического плана. Только такая работа в тех условиях могла придать распространению в России латинской учености сколько-нибудь действенный характер. Но дух и структура деятельности такого рода определялись уже проповедническим опытом христианских конфессий Запада.

<sup>9</sup> См.: Алексеев М.П. Эразм Роттердамский в русском переводе XVII в. // Славянская филология. Сборник статей: IV Международный съезд славистов. Т.1. М., 1958. С.330.

<sup>10</sup> В настоящее время известно 48 поучений Епифания Славинецкого, но, по всей вероятности, их было больше (См.: История русской литературы. Т.2. Ч.2. М.; Л., 1948. С.365).

<sup>11</sup> См.: Живов В.М. «Мистагогия» Максима Исповедника и развитие византийской теории образа // Художественный язык средневековья. М., 1982. С.111.

В противовес учению о «двух мирах» Епифания Симеон Полоцкий в основу своей просветительской деятельности закладывает иную концепцию мира и человека, где развитие авторской мысли подчиняется теории «писаного разума». В альма-матер Полоцкого «книжный разум» рассматривался как гарантия обладания божественной истиной, а деятельность по его распространению сравнивалась с пророческой и апостольской. Эта склонность входит в явное противоречие с господствовавшими на Руси традиционными религиозными представлениями.

### ***Столкновение дискурсивных практик – эпистемологический порог***

Вспользуемся «оптикой», позволяющей глубже всмотреться в рассыпанные по полемическим текстам фрагменты.

Формально центр противоборства составлял спор о пресуществлении Святых Даров<sup>12</sup>. До конца не ясно, какой из сторон полемика была инициирована. Г.Флоровский полагал, что «спор начат был с латинствующей стороны»<sup>13</sup>, в другом источнике прямо указывается на то, что инициатива исходила от московского духовенства во главе с патриархом Иоакимом<sup>14</sup>. Известно, что ближайший ученик Епифания Славинецкого Евфимий, отличавшийся крайним «латинофобством», сумел подвинуть на борьбу с «латинами» все имеющиеся на тот момент интеллектуальные силы церкви, в том числе патриарха Иоакима и братьев Лихудов. Церковный обряд евхаристии был выбран в качестве предмета спора не случайно. Слишком свежи были воспоминания о начале никоновской реформы, когда исправление книг вызвало только недовольство, тогда как исправления в обрядах (введение троеперстия, новых правил иконописания, формы креста и др.) спровоцировали открытое неприятие и непримиримую борьбу. Еще в 1661 г. Юрий Крижанич, информируя в своей «Записке» Священную Конгрегацию о нравах московитов, обратил внимание на эту крепкую черту русской жизни. «Весьма тяжело пострадает тот, – писал он, – кто осмелится обличить русских в их обрядах»<sup>15</sup>. Таким образом, сторонники «греческого» пути

---

<sup>12</sup> См.: Микрович. *О времени пресуществления Св. Даров. Спор, бывший в Москве во второй половине XVII в. (Опыт исторического исследования)*. Вильна, 1886.

<sup>13</sup> Флоровский Г.В. *Указ. соч.* С.78.

<sup>14</sup> См.: *Остен*.

<sup>15</sup> *Документы о Ю.Крижаниче из архива Конгрегации пропаганды веры // Белокуров С.А. Указ. соч.* С.117.

уже до спора имели преимущество, так как, в глазах абсолютного большинства верующих, «латынщики» покушались именно на обряд.

Главными сочинениями, представляющими две стороны в полемике, были «Акос»(1687) братьев Лихудов и «Манна»(1687) Сильвестра Медведева<sup>16</sup>. По выражению И.Шляпкина, «Акос» и «Манна» были искрами, попавшими в пороховой погреб<sup>17</sup>. Собственно говоря, «греческой партией» спор был затеян не по вопросам догматики, а против атрибутов католичества: схоластики, латинского языка, философии, пиитики, риторики. Прибывшие малороссияне порицались за то, что больше уделяют внимание словам Иисуса Христа, чем молитвам. В свою очередь, со стороны «латинов», в адрес их оппонентов выдвигались упреки в «обрядоверии» и непонимании самой сути обрядовой практики. Но смысл полемики заключался в установлении господствующего способа осмысления, высказывания и описания одних и тех же предметов веры.

В 80–90-х гг. центр споров несколько смещается. Так, Евфимий Чудовский объектом своего нападения выбирает трактат Симеона Полоцкого «Венец веры кафолической», который он характеризует как сплетенную «из бодливого терния, возросшего на Земле новшества». В «Остене» (1691–1693), составленном Евфимием, подведен итог якобы имевшей место победы сторонников греческого направления над их противниками. Но победа на самом деле была, если о таковой вообще можно говорить, только формальной. Главный оппонент Евфимия, Сильвестр Медведев, хотя и соответствовал духу петровских преобразований, все же пал жертвой политической борьбы: был обвинен в организации стрелецкого заговора и казнен в 1691 г. Но в действительности верх взяли «латынщики» – «Остен» так и не был напечатан, а сам составитель, Евфимий, был отстранен от должности справщика.

Сильвестр Медведев – самый образованный и даровитый ученик Симеона Полоцкого, был приближен во время дискуссии ко двору царевны Софьи. Однако накал борьбы был таков, что даже высокое положение не спасало от бранных слов в его адрес. Евфимий в одной из глав «Остена» с красноречивым названием «О расстриге, бывшем монахе

<sup>16</sup> Тексты «Манн» Сильвестра Медведева и «Акоса» Лихудов опубликованы А.Прозоровским (См.: Прозоровский А. Сильвестр Медведев (Его жизнь и деятельность). Опыт церковно-исторического исследования. М., 1896. С.452–538, 538–577).

<sup>17</sup> Шляпкин И.А. Дмитрий Ростовский и его время (Магистерская диссертация). СПб., 1891. С.153; Он же. К истории полемики между московскими и малорусскими учеными в конце XVII в. // Журнал Министерства народного просвещения. 1885. Ч.241. С.210–252.

Сильвестре Медведеве, введившем ересь латинскую в великороссийский народ» сообщает: «Сенька Медведев... подобно Арию, знаковарен бо бе от юности возраста, и многоречив, и остроглаголив, и любоприв... язык же непримолчно бядуць»<sup>18</sup>. Сквернословить в древнерусской полемической литературе допускалось лишь в адрес чуждых людей, «чужих», нарушающих правила сакрального велеречия, установленного, как тогда полагали, «от века». Так поступал в XVI в. Иосиф Волоцкий, когда клеймил «жидовствующих», нестерпимо грамотных и наученных логическим приемам ведения спора. Схожим образом Иван Грозный обличал в переписке своего корреспондента Андрея Курбского, вобравшего в себя «бесерменство» и «елинское бядословие»<sup>19</sup>. Этим же приемом пользовался в своих обличительных письмах опальный Аввакум.

Итак, нарушители дозволенных границ практики говорения вычеркивались из списка людей «при-личных», то есть могущих занять место рядом с первым лицом, светским или духовным. Таким образом, лексика «латынщиков» приравнивалась к нецензурной брани, а значит по отношению к ней брань была дозволительна. Но тогда, как и в наше время, со словарем сквернослова были знакомы практически все носители языка. Правила же приличия во все времена обязывают не принимать этот словарь, что называется, на дух.

Иначе говоря, речь идет не столько о затруднениях в постижении нового, сколько о принципиальном его неприятии, подобном неприятию в приличном обществе развратной ненормативной лексики. «*Наши киевляне училися и учатся только по-латыни, книги читают только латинские... – гласит запись прения Епифания с Симеоном Полоцким. – Я же верую, мудрствую и исповедую, как верует и проповедует святая кафолическая восточная церковь... а силлогизмы, особливо латинские, хотя и знаю их, – не верую им... Силлогизмы, говорит Григорий Богослов, суть веры развращение и тайны истоцение*»<sup>20</sup>.

Из приведенных строк становится вполне понятной мотивация отказа Епифания от силлогистики «латин». Неприятие мотивировано традиционным для восточного православия отказом от доминирования запад-

<sup>18</sup> О расстриге, бывшем монахе Сильвестре Медведеве, введившем ересь латинскую в великороссийский народ// Остен. С.74–75.

<sup>19</sup> Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С.44–45.

<sup>20</sup> Цит. по: Никоненко В.С. Русская философия накануне Петровских преобразований. СПб., 1996. С.213.



ной силлогистики, как практики высказывания и размышления в целом. Силлогистическая логика с ее базовой имплицативной функцией – «**если... то**» – вовсе не отвергалась полностью даже древнерусскими книжниками. Она включалась в «приточное знание», которое, в отличие от «боговдохновенного», представлялось как результат движения по ступеням познания посредством умственного усилия. Ко времени описываемых событий силлогизм никак не доминировал в языковой практике даже самых образованных русских людей. Не силлогизм, а *аллегореза*, *символический параллелизм* – толкование заложенного в текст мнимого или действительного скрытого смысла – прослеживается в повествованиях всех русских писателей средневекового периода.

Символический параллелизм, развернутый в эпосе Гомера, представленный в текстах Платона и перенесенный в христианскую экзегетику Филоном Александрийским, нацеливал на уподобление и строился по типу: «**подобно тому, как**», «**так, как это... так то**». Это мышление по аналогии (ассоциативное), более свободное от жестких рамок, определяемых формальной логикой. Но все-таки оно не произвольное, как может показаться на первый взгляд. Библейские аллегории рассыпаны по всей русской средневековой литературе. Они легко узнавались читателями, так как кодировались эпистемологической структурой, коренящейся во всей церковной и фольклорной древней и средневековой русской традиции. Хорошо выверенная и узнаваемая аллегория служила залогом правдивости устной и письменной речи, ее неразрывной связи с единой «цепью бытия», сопричастностью говорящего и пишущего с являющейся во времени Священной историей.

Уже только самое общее сравнение двух типов дискурсивных практик, старой и новой, позволяет сложить представление о том, что собственно явили собой прибывшие в Москву выученики латинской мудрости. Обратимся к некоторым из таких сравнений.

Во-первых, аллегореза не критика, а всегда мифологизация объекта. В рамках процессов мифологизации дискурсивные практики (как возможности высказывания) представляются в виде круговых орбит, схожих по форме, пересекающихся, но не совпадающих друг с другом. В самом акте аллегорического построения размышления происходит перетасовка символических параллелей: включение одних, подразумевание других и вынесение за скобки третьих. Эти параллели в акте высказывания утончались или опрощались; нарождались заново; количество их употреблений возрастало или уменьшалось; они могли узнаваться всеми или только отдельными слоями общества; аллегории порождали

образы, находили отклик в сердцах людей, поднимали их на подвиг, на самопожертвование или же призывали к послушанию и покаянию. Все это проявляется и в современной литературе, художественной и политической, но следует помнить, что такой тип апелляции к читателю и слушателю был в тех условиях доминирующим.

Силлогистическая логика наделяет высказывание модусом универсальной значимости. Она, в отличие от аллегорезы, выполняет по отношению к объекту не мифологическую, а критическую функцию.

Во-вторых, способ аллегорического символизма таков, что его круговая траектория не способствует эволюции содержания мыслительного процесса в целом. Аллегореза не ведает движения как универсального прогресса мысли. Не способствуют аллегорически выстроенные дискурсивные практики и рациональному преодолению, снятию (если говорить языком Гегеля) задач и проблем интеллектуального свойства. Архаические дискурсы в таких условиях не изживаются, а перетасовываются с неперменным возвратом, вновь и вновь, к старым сюжетам на очередном историческом круге. Уместно предположить, что фактор ретардации в русской истории – постоянный возврат к одним и тем же повторяющимся сюжетам власти, политики, управления и т.д. – подпитывается сохраняющимися в дискурсивных практиках эпистемологическими рудиментами средневековья. Это происходит тогда, когда аллегорический параллелизм в осмыслении мира доминирует по отношению к рациональным логическим построениям.

Собственная русская духовная жизнь того времени – политика, экономика, правовые отношения, церковное служение – проговаривалась и описывалась через «высеченные» таким образом символично-смысловые значения. Во всем этом, конечно же, имел место какой-то прогресс, но он был не столь очевидным, как на Западе. Там рациональность в ее доминирующем силлогистическом статусе уже демонстрировала свои преимущества – развитие городов, торговли, ремесел, образования, науки и технических новшеств.

Следует, в-третьих, обратить внимание еще на одно сравнение двух типов построения дискурсивных практик. Высказывание, построенное на аллегорическом параллелизме, опирается на *внешний авторитет* – наследие святых отцов, древние тексты, церковные документы, положения соборов и т.д.

Дискурс же, построенный на силлогизме, предполагает перенос опоры в мышлении на самого субъекта, на внутреннюю интеллектуальную

убедительность осуществляющего высказывание, убеждающего, мыслящего. Иначе говоря, силлогистический тип размышления уже предполагает как предпосылку доверие к логической операции в самом ее носителе. В самом деле, всякий пускающий в ход силлогизм вряд ли посчитает разумным апеллировать для пушей убедительности к самому древнему из сохранившихся текстов Логики Аристотеля. Убедительность фигур логики открывается без привлечения внешнего авторитета. По сути, основная идея европейского Просвещения накрепко связана с окончательным установлением в своих правах силлогистических курсов. Не следует забывать, что эпоха Просвещения начинается с доверия к *собственному мышлению*. Кант, как известно, определил ее призывом: «Имей мужество пользоваться своим собственным умом».

Так, наиболее остро дефицит силлогистики ощущался при проведении проповедей в церковной службе, рационализации торгового дела и ведения хозяйства в целом.

Еще при Никоне введение проповеди во время службы сделало злободневными вопросы образованности духовенства, совершенствования переводов и реформы русского языка. Так, если окружение Алексея Михайловича воспринимало гомилетику как что-то новое и полезное для духовного кормления, то через 40 лет Петр уже придавал умению составлять проповеди и произносить публичные речи общегосударственное значение. За одно только это умение он мог выдвинуть самого оратора на высокий государственный пост, как это было со Стефаном Яворским. Красноречие, ясность мысли, ее логичность выгодно отличали Стефана Яворского от духовенства, следующего старомосковской традиции. Судьбу Стефана Яворского решило блестяще произнесенное в присутствии самого Петра I «Надгробное слово» на погребении фельдмаршала Шеина.

В России, даже в самых высших кругах ее правителей, существовал дефицит четкой и ясной мысли, твердого слова и логичной речи. И проблема состояла не только в недостатке европейски образованных людей, но и в самом бытовавшем тогда русском языке, его грамматике и синтаксисе. Известно, что именно языковые проблемы в немалой степени привели к проблемам самого целостного существования русской церкви. Страна остро нуждалась в реформе, которая позволила бы повысить культурный статус русского языка, сделать его удобным для *разъяснения духовных книг и для проповеди*. Но во всем Московском царстве в середине XVII века еще не было сообщества филологов. В определенной степени этой задаче служили усилия Ю.Крижанича по упорядоче-

нию славянской грамматики посредством освобождения ее от эллинизмов и полонизмов (от новолатин. *polonus* – польский).

Не менее важной и заметной для прибывших «латынщиков» чертой русской жизни являлся дефицит экономического мышления. Проще говоря, существовал острый недостаток не только в ремеслах, но и в людях, способных мыслить в категориях выгоды и пользы в торговле и ведении хозяйства в целом. Понятно, что такие интеллектуальные способности не получали должного развития в рамках традиционных для Руси-России способах получения образования и традиционных дискурсивных практиках. В этом смысле примечательна озабоченность Крижанича, проявленная после первого знакомства с положением дел в сфере торговли и промыслов. Так, дотошный «сербянин», с одной стороны, призывает правительство осуществить меры по практической организации торговли (организации банковского дела, кредита, справедливой конкуренции и организации торжищ), с другой, – от его взгляда не ускользает поразительная «неискусность и тупой разум» русских торговцев, «которые мыслят о ясаке, иных доходов не видят» и которых повсеместно обманывают иностранные купцы. Отсталость должна быть преодолена. Но какая отсталость? И в чем? – Во все той же способности располагать и использовать рациональные структуры мышления, не мифологизировать, а подвергать объект критическому (логическому) анализу. Для русского ума, сообщает Крижанич, «нужен точильный брус и острение, то есть учение»<sup>21</sup>. И, как бы отвечая этой задаче, он, находясь в Тобольске, пишет небольшое произведение «О китайском торгу» в помощь направленному в Китай российскому послу Николаю Спафарию. Той же цели – покрытию дефицита экономического рационального мышления – служил написанный уже в петровские времена Иваном Тимофеевичем Посошковым трактат «О скудости и богатстве», рукопись которого, к сожалению, была обнаружена и напечатана с более чем вековым опозданием, только в XIX веке.

Таким образом, более сложная «композиционная» структура российского общества и государства начала строиться на фундаменте тех идей, с которыми Россия вышла из последней трети XVII в. Из них вырастает весь петровский модернизационный сдвиг, породивший к середине следующего столетия один из имперских силовых центров в мировом концерте держав. Петровские преобразования вырастают не из кумулятивного развития всей предшествующей истории и не из прямого влия-

---

<sup>21</sup> Крижанич Юрий. *Политика. М., 1965. С.387.*

ния одних только западных идей. Эти преобразования были инициированы событиями эпохи, примыкающей к петровскому времени, в которой *идейные* конфронтации привели к слому прежних и образованию новых эпистемологических условий русской культуры. Именно в «греко-латинских» конфронтациях скрыто сформировались идейные приоритеты, позволившие через каких-то 30–40 лет открыть для России Петербургский период русского Просвещения XVIII века.

Последующая за конфронтационным сдвигом эпоха Петра обозначила поворот к такому типу развития, в котором уже нет прежнего выбора альтернатив. И, хотя развитие русской истории в последующем столетии, которое я называю «доминантным»<sup>22</sup>, также не лишено идейных конфронтаций, эта разноголосица уже режиссируется властью снизу доверху – Табель о рангах, коллегии, чин, чиновники. Именно при доминантном развитии власть впадает в соблазн всеобъемлющей мелочной регламентации поведения своих подданных. Выходят курьезные в глазах наших современников указы о том, как нужно говорить, одеваться, праздновать, какое «носить» выражение лица в присутствии начальственного чина и т.д. В XVIII в. власть открыто становится на почву секуляризма, а свое отношение к иностранному влиянию переводит в режим прямого, а иногда и бездумного заимствования.

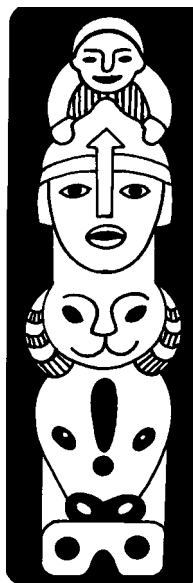
---

<sup>22</sup> *О порогово-доминантном развитии России см.: Ивахненко Е.Н. Россия на «порогах»: Идейные конфронтации и «пороги» в течениях русской религиозно-философской и политической мысли (XI – нач. XX в): Историко-философское исследование. СПб.: Изд. РГПУ им. А.И.Герцена, 1999.*

Теперь давайте представим, насколько это возможно, процесс, происходящий в человеческом разуме до того, как наименование неба смогло быть отделено от его материального объекта и использовано в качестве названия для чего-то, совершенно отличного от неба. В сердце человека с самого начала было чувство незаконченности, слабости, зависимости, как бы мы ни называли его на нашем абстрактном языке. <...>

Стоит ли после этого удивляться существованию политеизма и мифологии? Ясно, что они неизбежны. Они есть, коль вам угодно, детский лепет религии. Ведь мир переживал тогда свое детство, и, когда он был ребенком, он говорил как дитя, он понимал как дитя; и я снова повторяю: в том, что он говорил детским языком, была истина, та религия, в которую он верил, как ребенок, была истинной.

*Фридрих Макс Мюллер*



Ольга Белова, Владимир Петрухин



ЯРЛЫКИ И МИФЫ

## ИСТОРИЯ В СВЕТЕ «ФОЛЬКЛОРНОЙ» МИФОЛОГИИ: ОТ ЯЗЫЧЕСТВА К ХРИСТИАНСТВУ

*The article is written within the framework of «Slavic mythology: results and prospects of inter-disciplinary studies» research project. The project's aim is to detect archaic elements of the popular culture that survived in languages, historical and archeological sources, in folklore, rites and beliefs of Slavs and in a varying degree reflect complex of mythological notions specific to pre-Slavic epoch and to construe them from the viewpoint of the most recent discoveries achieved in Slavic studies. The «mythological» themes that reflect peculiarities of perception of history by bearers of traditional culture are of particular significance within the limits of this study. It is exactly because of this fact material contained in popular legends that to varying extent reflect the historical past of Rus and Russia has become so attractive for the authors. In the article authors consider plots connected with notions of Slavic deities, christening of Rus and selection of religion, foundation of Kiev and reflection of confessional polemics. Material from literary and oral sources demonstrates that this circle of themes is subject to «mythological» treatment in the sphere of Medieval book-learning as well as in folklore.*



Эта статья написана в рамках работы над исследовательским проектом «Славянская мифология: итоги и перспективы междисциплинарных исследований». Цель проекта – выявить и интерпретировать с точки зрения новейших достижений славистики архаические элементы народной культуры, которые сохранились в языках, исторических и археологических источниках, фольклоре, обрядах и верованиях славян и в той или иной степени отражают комплекс мифологических представлений праславянской эпохи. Мы поставили своей целью осуществить комплексный анализ основных концептов, мотивов и персонажей общеславянской мифологии «высшего» уровня (космологические, этиологические, эсхатологические сюжеты, связанные с мифопоэтическими персонажами – демиургами, культурными героями, мифологизированными историческими личностями). Особо значимой в рамках данного исследования представляется «мифологическая» тематика, отражающая особенности восприятия истории носителями традиционной культуры. Именно поэтому столь привлекательным для авторов стал материал народных легенд, так или иначе отразивших историческое прошлое Руси и России.

Коллективная народная память фиксирует исторические сведения не только в жанре топонимических преданий и эпических текстов, но связывает представления о конкретных событиях с представлениями о миротворении, вводит их в единый (часто неделимый) историко-мифологический нарратив, охватывающий события от библейской древности до современности.

Современная фольклорная традиция формирует свои представления о «славянском язычестве», часто привлекая в качестве источников популярные и псевдонаучные сюжеты. В этой области «фольклорной реконструкции» мы сталкиваемся с таким явлением, как вторичная мифологизация (или вторичная фольклоризация), когда изначально возникшие в народной среде представления адаптируются книжной культурой и впоследствии возвращаются в сферу народной культуры уже из книжной (литературной) традиции.

## ЯЗЫЧЕСТВО ДРЕВНЕЙ РУСИ

### *Пантеон*

Среди источников, содержащих сведения о славянских языческих божествах, видное место занимают средневековые письменные тексты: сочинения Прокопия Кесарийского (VI в.), описания арабскими авторами славянских земель, средневековые хроники и исторические сочинения X–XII вв., например, русская Начальная летопись «Повесть временных лет», хроники Титмара Мерзебургского, Адама Бременского и Гельмольда, сочинения Саксона Грамматика и др.

Хорошо известно описание в «Повести временных лет» «кумиров» языческих божеств, поставленных князем Владимиром в Киеве. Согласно летописи, в пантеон входили изображения богов Перуна, Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла и богини Мокошь. Эти персонажи на протяжении многих веков оставались притягательными объектами описания и комментариев книжников.

Поскольку и поучения против язычников, и «Повесть временных лет» были результатом «рецепции» византийских образцов – творений отцов церкви (прежде всего, Иоанна Златоуста и Григория Богослова) и византийских хроник (в первую очередь – Иоанна Малалы и Георгия Амартола), – постольку и собственно древнерусские фольклорные мотивы, имена языческих богов и т.п. оказывались включенными в византийский и библейский «литературный» контекст.

Это относится уже к описанию Владимирового пантеона. Утвердившись в Киеве в 980 г., Владимир «постави кумиры на холму вне двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а ус злат, и Хърса, Дажьбога и Стрибога и Симарьгла и Мокошь. И жряху им, наричюще я богы, и привожаху сыны своя и дъщери, и жряху бесом, и оскверняху землю требами своими. И осквернися кровьми земля Руска и холмоть»<sup>1</sup>. Описание идольских жертв в летописи – распространенная цитата из Псалтири, которую приводит и Иоанн Златоуст. Его, в свою очередь, цитирует в своей Хронике Георгий Амартол, неоднократно приводя и цитату о приносимых в жертву сыновьях и дочерях<sup>2</sup>. В псалме 105-м

<sup>1</sup> *Повесть временных лет. Изд. 2-е. СПб., 1996 (далее – ПВЛ). С.37.*

<sup>2</sup> *Истрин В.М. «Хроника Георгия Амартола» в древнем славяно-русском переводе. Т.1. Пг.,*

(35–38) избранный народ обличается в том, что смешался с язычниками в Ханаане и служил «истуканам их»; «и приносили сыновей своих и дочерей в жертву бесам» (ср. о почитании идолов на высотах – «холмах» – Пс. 77, 58). Уже это «общее место» существенно для изучения древнерусского язычества, ибо оно повторяется и в современных исследованиях. В том числе при интерпретации археологических находок как человеческих жертвоприношений, якобы практиковавшихся на Руси чуть ли не до середины XIII в.<sup>3</sup> Человеческие жертвоприношения на Руси известны по письменным и археологическим свидетельствам, но лишь в контексте погребального культа. Идолам, согласно знаменитой записке арабского автора X в. Ахмеда Ибн Фадлана, человеческих жертв не приносили (не приносили их громовержцу и древние славяне, судя по известию Прокопия Кесарийского).

При этом учрежденный Владимиром в Киеве пантеон едва ли мог представлять собой реальное средоточие религиозного культа, собрание богов с дифференцированными функциями. Судя по лингвистическим реконструкциям, основанным на значении теонимов, функции божеств этого синкретического пантеона дублировались и пересекались: Хорс (имя иранского происхождения) и Дажьбог воплощали солнце, Дажьбог и Стрибог давали и «простирали» благо. Симаргл, если сопоставлять его с иранским вестником богов Сэнмурвом, вообще выпадал из высшего «божественного» уровня, будучи химерическим существом, собакой с птичьими крыльями, вестником богов, но не персонажем одного с ними ранга. Показательно вместе с тем, что Симаргл замыкает список мужских «божеств», – далее следует единственный женский персонаж пантеона, Мокошь. Ее имя определенно связано с представлениями о плодородной влаге, «матери–сырой земле»; таким образом, находит себе объяснение и место Симаргла – посредника между небесными богами и богиней земли. Летописный список богов, очевидно, не был конструкцией древнерусского книжника, а воплощал древнерусскую языческую космологию; летописные списки имен (этнонимов, антропонимов) вообще отличались особой точностью передачи традиции и особой структурой, когда список начинался с главного (обобщающего) персонажа и т.д.

Список богов в «Повести временных лет» был единственным в древнерусской книжности описанием языческого пантеона: ригористическая

---

1920. С.274.

<sup>3</sup> Русанова И.П., Тимошук Б.А. *Языческие святилища древних славян. М., 1993.*

установка русских средневековых книжников-монахов не позволяла уделять внимание «бесам», каковыми считались языческие боги.

Широкое распространение в древнерусской книжной традиции получила статья «О кумирах» – перечисление культовых фигур «высшего» языческого славянского пантеона, составленная на основе сразу нескольких источников, таких как хроника М.Стрыйковского (1582), Густынская летопись (XVII в.), Синописис Иннокентия Гизеля (1674), но восходящая в конечном итоге к «Повести временных лет».

Приведем один из вариантов этой статьи из русского рукописного сборника XVII века из собрания Ярославского музея-заповедника.

«О кумирах. Прежде крещения были в Руси кумиры.

Первьй кумира јмянем *Перуна* јмяноваху быти бога грома молниям ј облаков дождевных.

Вторыј идол *Волос* богъ скотовъ.

Третьй *Подвиз* прозвищем *Похвистъ* нарицаху бога быти ветру воздуха ј ведрои ј непогоди ј ненасию.

Четвертыј идоль *Лада* а инь *Лелю Полелю*, мняху бога быти ко браком свадебным.

Пятыј идол *Купало* его же мняху быти плодов земных.

Шестыј идол *Коляда* бога мняху празничныј декабря кд (т.е. 24-го декабря. – *О.Б., В.П.*).

Ј иные многие идолы по имени *Оусядъ, Корша, Хорса, Дашъа, Стриба, Сима, Еггя, Макошь, Тура* и прочие»<sup>4</sup>.

Итак, перед нами предстают бог-громовник Перун, «бог скотов» Волос, «списанный» составителем этого и подобных списков с упоминаемого «Повестью» скотъего бога Волоса; бог ветра и погоды Подвиз/Похвист (в Густынской летописи – Позвизд), божества брака Ладо, Лель и Полель, а также Купало и Коляда. Пять последних персонажей представляют собой плод так называемой кабинетной мифологии, а их имена – трансформированные припевы народных песен или названия традиционных календарных обрядов<sup>5</sup>. Тенденция к расширению списка богов возникла у русских книжников не в силу неких новых источников по язычеству, а в силу воздействия польской мифологизирующей традиции. Равно как и потому, что для древнерусской книжности характер-

---

<sup>4</sup> Ярославский Музей-заповедник (далее – ЯМЗ). №15476. Л.111 об.

<sup>5</sup> Подробнее см.: Мансикка В.Й. Религия восточных славян. М., 2005. С.123–124, 310; Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т.1 (А–Г). М., 1995. С.211.

но было приравнивание фольклора – народной обрядности – идолослужению, поэтому припевы народных обрядовых песен и названия праздников превращались в «богов».

Что касается примыкающего к основным персонажам списка искаженных имен, то при сравнении с соответствующими фрагментами хроники Стрыйковского и Синописа мы можем опознать в них Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла (который оказался разделен на двух персонажей), Мокошь. Услад<sup>6</sup> и Тур (скандинавское имя, упоминаемое «Повестью»), Позвизд в поздних списках сыновей Владимира Святославича, вероятно, представляют собой вымышленные фигуры; нехристианские имена летописных персонажей позволяли превратить их в «богов». Эти продукты вторичной мифологизации, как правило, пополненные современной авторской фантазией и предрассудками, до сих пор наводняют многочисленные популярные справочники по «славянской мифологии», «русской мифологии» и т.п.

Кто же из языческих богов запечатлен в памятниках фольклора?

## **Перун**

Перун как персонаж известен в фольклорных нарративах, но не как бог – «пережиток язычества», а как обозначение (*перун* – «гром») и воплощение грома: поэтому он легко

заменялся в фольклоре небесными христианскими персонажами, которым приписывалось управление громом – Ильей Пророком или самим Богом. Архаическая славянская (белорусская) фольклорная традиция сохранила фрагменты древнего космогонического мифа, где Перун ударами грома очищает от нечистой силы все творение, включая человека, и загоняет нечисть в воду. Сходные сюжеты о борьбе небесного громовержца со змеевидным противником известны и другим индоевропейским мифологиям. Это позволяет реконструировать общий для индоевропейцев, в том числе славян и балтов, «основной миф» о борьбе громовника с хтоническим персонажем, воплощающим водную стихию и удерживающим воду (плодородие)<sup>7</sup>. В реконструкции этим персона-

<sup>6</sup> Он также упоминается у Стрыйковского и есть не что иное, как искаженное «ус злат» из описания внешности верховного бога Перуна (См.: Мансикка В.Й. Указ. соч. С.123, 130; ПВЛ. С.37).

<sup>7</sup> См.: Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.

жем оказывается Волос/Велес: в славянских нарративах он именуется чертом; в балтских традициях черт называется именем *велс*, созвучным древнерусскому «скотьему богу». Фольклору Волос неизвестен, о его древней божественной функции может напоминать разве что фольклорное имя *волосатик*, воплощение болезни скота.

Неизвестны и фольклорные записи мифов, в которых участвовали бы языческие боги. Пантеон, учрежденный в 980 г. Владимиром, оказался недолговечным.

Однако само низвержение кумиров в Начальной летописи содержит сюжет, вызывающий фольклорные ассоциации. Перед крещением киевлян в 988 г. князь «повеле кумиры испроврещи, овы исещи, а другие огневи предати». Здесь низвержение кумиров описано библейским языком (ср.: «И изрубил Аса истукан ее, и сжег у потока Кедрона», 3-я кн. Царств, 15, 13), но последующая акция представляется отражением некоего реального действия: «Перуна же [князь] повеле привязати коневу к хвосту и влещи с горы по Боричеву на Ручай, 12 мужа пристави тети (так в Новгородской летописи, Ипатьевская летопись дает вариант – *биту*) жезльемь. Се же не яко древу чююще, но на поруганье бесу <...> Влекуму же ему по Ручаю к Днепру, плакахуся его невернии людье, еще бо не бяху прияли святого крещенья». Владимир повелевает спустить Перуна вниз по Днепру и не давать идолу пристать к берегу, пока он не достигнет порогов – покинет пределы Русской земли. Сходным образом описывает низвержение Перуна, установленного в Новгороде, Новгородская летопись<sup>8</sup>: «И Перуна посече, и повеле влещи в Волхово: и поверзше ужи, влекаху его по калу, биюще жезлеем: и заповеда никому же нигде же не прияти». Далее рассказывается о жителе новгородского пригорода «пидьблянине», который оттолкнул Перуна, приплывшего к берегу, со словами: «Ты <...> Перушице, досыти еси пил и ял, а ныне попллови прочь».

Исследователи давно обратили внимание на то, что это действие напоминает уничтожение календарных чучел типа масленицы и костромы. Согласно этнографическим записям о чучеле масленицы говорили, что она «блинов обьелась, обожралась», что соответствует приведенной инвективе новгородца. В таком случае последние «погребальные» почести воздавались Перуну не как обрубку дерева, а как настоящему фетишу и даже божеству. Действительно, «пускать по воде» в фольк-

---

<sup>8</sup> Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С.160.

лорной традиции означало отправить на «тот свет», но едва ли плач «неверных» по Перуну можно сравнивать с карнавальным оплакиванием фольклорной масленицы, да и «пускание по воде» связано не столько с карнавальными чучелами, сколько с обветшавшими святынями (в том числе с иконами). О том, что Перун был пущен по воде, летописец знает из топонима у порогов – *Перунова рень*, отмель, на которую ветер «изверг» Перуна<sup>9</sup>.

Еще одно летописное действие, казалось бы, обнаруживает фольклорные истоки: в позднейших летописях, в частности, упомянут воинский обычай привязывать пленных к хвосту для поругания – так, согласно Никоновской летописи, поступил с пленной литвой Александр Невский. Однако книжные параллели известны и здесь, правда, в поздней латинской традиции, но эта традиция имеет очевидные античные истоки. В «Римских деяниях» осужденных на казнь привязывают к конским хвостам и так тащат к виселице.

В летописном же низвержении кумиров присутствует еще один книжный мотив. В популярных в Древней Руси «Словах» Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского говорится о мучителях христиан: «мужии же им 12 жезлем би»<sup>10</sup> (ср. др.-рус. *жезленикъ* – «палач»<sup>11</sup>). Однако «жезленики» упомянуты и в текстах, переводы которых послужили прямым источником «Повести временных лет», – в Хрониках Иоанна Малалы и Георгия Амартола. В Седьмой книге Хроники Малалы<sup>12</sup> приводится знаменитый эпизод римской истории, где виновник падения Рима некий узурпатор «болярин» Февралий (Февруарий) был схвачен стратигом Малием Капитолийским, спасшим Рим от галлов. Дни несчастливого месяца «сикистилия», когда пал Рим, были сокращены, и название месяца переименовано на «Февруарий». Февруарию же не «достойно» было жить в Риме, «но изгнаноу быти с бесчестием, и живот его да възмется от него [и] имя его, и да ся дасть на требоу преисподним богом... и абие снем с него [ризы], постави и нага и, обивыи

<sup>9</sup> ПВЛ. С.52. – Об этом характерном для летописи этимологическом мотиве см.: Петрухин В.Я. «Проводы Перуна»: древнерусский «фольклор» и византийская традиция // Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Н.И.Толстого. М., 2004.

<sup>10</sup> *Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.* Т. III. М., 1990. С.272.

<sup>11</sup> *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып.5. М., 1978. С.79.

<sup>12</sup> *Истрин В.М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе.* М., 1994. С.195.

рогозиною и обезав и оужием лычным... повелев гражаном свидовом жезлием бити, въпиюще: "излези, Февроуарис". И тако изгнан быв из града Роумска тои болярин, оумре, пожрът преисподним богом. Повеле жръцем сии Малиос творити требы в тои февруарии и повеле в коемъ-ждо граде Роумсце, тем образом в рогозиною ся облькше, по вся лета того месяца исходяша изгонити же февруаря месяца из града биема».

В 20-й главе Хроники<sup>13</sup> рассказ был сокращен: Малий, «связав врага своего Февроуалия... и нага обнажив, оде его в рогозиною... и оужием препоясав, и повеле жезльником бити» со словами: «изиди, Февруарье!» Узурпатор был изгнан и убит – короткий месяц февраль был назван в его память. Об языческих обрядах, связанных с богами преисподней, ничего не говорится.

Источники греческих хроник нуждаются в специальном исследовании. Сам Малала (VII, 12) рассказывает, что он почерпнул рассказ о Февруарии из книги римского хрониста Брунихия, которую он видел в Фессалониках. Эпизод о захвате Рима галлами переименован в хрониках до неузнаваемости. Полководцем, освободившим Рим, был не Малий, а Камилл (Манлий был героем, услышавшим на Капитолии крик гусей, которые спасли Рим). Камилл расправился «жезлием» не со своими политическими противниками, которые добились его изгнания, а с гнусным предателем, приведшим в римский лагерь детей из осажденного Камиллом города Фалерии. Возмущенный предательством полководец, по словам Плутарха (Камилл, 10), «приказал ликторам сорвать с негодея одежду и связать ему руки за спиной, а детям раздать прутья и плети, чтобы они стегали изменника, гоня его назад в город». Можно догадаться, почему безымянный изменник получил имя Февралий: виновником того, что Рим оказался захваченным галлами, были братья Фабии, сначала спровоцировавшие конфликт с галлами, а потом проигравшие битву с ними. Фабии были ответственны, в частности, и за проведение очистительных февральских обрядов – луперкалий.

Характерно, что в историзированной римской мифологии становление религиозных традиций было связано с деятельностью культурных героев, а не богов. Даже средоточие календарных обрядов превращалось в «исторического» персонажа. Февруи, очистительные обряды, проводившиеся в феврале, превратились, через посредство Фабиев, в Февралия (предполагают, что божеством очистительных обрядов был

---

<sup>13</sup> Истрин В.М. «Хроника Георгия Амартола» ... Т.1. Л.25 б–26 а.



Феврий – Februus, бог преисподней). Очевидно, впрочем, что это превращение произошло уже в христианскую эпоху. Римский папа Геласий обличал обычай луперкалий, относившийся к февруям и праздновавшийся в Риме еще в конце V в. Он и назвал Февруария (Februarius) «богом луперкалий», хотя сами луперкалии были посвящены Фавну. Луперки во время праздника стегали попадавших им на пути женщин ремнями из шкуры жертвенного козла, что должно было обеспечить чадородие, и били землю для очищения. В большей мере, однако, с описанием Малалы и образом Февруария соотносится другой февральский праздник – фералии, посвященный чествованию мертвых – «богов преисподней»<sup>14</sup>. Эта античная традиция оказала влияние на формирование карнавального цикла у европейских народов и масленицы у славян<sup>15</sup>.

Как уже говорилось, в христианской традиции, в том числе у Амартола, смысл языческих – «бесовских» – календарных действий был переименован, «историзирован». Ясно, почему в обряде, равно как и в казнях христиан, принимали участие «железники», а число их равнялось 12: таковым было число ликторов, носителей фасций, которые выметали зло во время февруй (Овидий, Фасты, II, 19–24) и обязаны были присутствовать во время казней. Ясно также и то, почему византийский хронист воспринял это историзированное описание: греческий монах не описывал здесь собственно языческих, бесовских обрядов, их происхождение связывалось у его предшественника Малалы со злополучными деяниями историзированного персонажа – Февруария. Летописец воспринял эпизод с «железами» как этикетный мотив, связанный с поруганием, и включил его в свое описание низвержения древнерусских кумиров. Этим он отделял князя Владимира от «неверных людей», оплакивавших Перуна, но не толковал, как и Амартол, бесовских обрядов (это толкование с точки зрения Амартола – «безаконьници блядьство»<sup>16</sup>).

Неясно при этом, насколько «проводы Перуна» и в русской летописи соотносились с неким календарным действием: лингвистические рекон-

<sup>14</sup> Эти праздники еще сохранились в эпоху составления Хроники Малалы (Петрухин В.Я. Указ. соч. С.253).

<sup>15</sup> Ср.: Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002. С.89 и сл.

<sup>16</sup> Истрин В.М. «Хроника Георгия Амартола» ... Т.1. С.388.

струкции, касающиеся пеперуды, додолы и т.п. у южных славян, увязывают этих календарных персонажей с Перуном<sup>17</sup>. В собственно русских и украинских легендах, основывавшихся на летописной традиции, подобных коннотаций нет. Позднейшие новгородские летописные легенды, повествующие о Перыни под Новгородом, как об обиталище *лютого чародея* Перуна, рассказывают, как над телом утопленного бесами в реке Перуна язычники насыпали высокую могилу, которая через три дня провалилась в ад<sup>18</sup>. Соответствие новгородскому преданию о «зверезмияке», жившем на месте Перюньского скита (Перыни), записал П.И.Якушкин от «старика рыболова» в 1859 г. Имеется в виду новгородское предание о змияке Перюне, что каждую ночь «ходил спать в Ильмень озеро с Волховскою коровницею». Затем змей перебрался в самый Новгород, но тут князь Владимир крестил Русь. «Новый-Город схватил змеяку Перюна, да и бросил в Волхов». «Черт», однако, поплыл не вниз по реке, а в гору – к Ильменю, к старому жилью, где выбрался было на берег, но князь велел срубить там церковь, которая и называется Перюньскою. Сам этот рассказ явно отражает книжное предание о чародее Волхове, который жил в реке в образе «лютого зверя крокодила». Тело крокодила, удушенного бесами, также чудесным образом плыло вверх по течению<sup>19</sup>. Интересно, однако, что в 1905 г. Д.Эварницкий записал в Екатеринославской губернии рассказ об острове Перуне, где говорится уже о каменном идоле Перуна с золотой головой, которого «князь Святославский» велел бросить в Днепр и тот доплыл до порогов. Перун нашел пещеру в скалистом острове и превратился там в семиголового змея. В той пещере были двери, сначала железные, потом золотые, а за ними столы – серебряные и золотые (вновь характерный фольклорный мотив), много всякого богатства, но внутри стонал змей. Он похищал красивых девушек, жил с ними, а потом пожирал несчастных, пока бог не послал туда богатыря, убившего змея<sup>20</sup>.

Этот явно «вторичный» фольклор, порождавший справедливый скептицизм у исследователей, нуждается тем не менее в специальном исследовании. Интересен мотив трансформации Перуна в змеевидное чудови-

<sup>17</sup> Иванов В.В., Топоров В.Н. *Исследования в области славянских древностей.*

<sup>18</sup> Ср.: Гиляров Ф. *Предания русской начальной летописи. М., 1878. С.15–33.*

<sup>19</sup> Ср.: Васильев М.А. *Язычество восточных славян накануне крещения Руси. М., 1999. С.310–313.*

<sup>20</sup> *Украинские сказки. В 2-х книгах. Кн.2: Чародейная криница. М., 1993. С.50–51.*

ще. Отражает ли он древнюю реакцию на низвержение кумиров и превращение языческих богов в бесов или является результатом вторичной мифологизации – введением мотива поединка богатыря со змеем?

Сохранилось и украинское топонимическое предание о Перуновом острове на Днепре (в Запорожье, ныне затоплен): некогда по небу летал страшный змей, которого боялись и которому поклонялись. Бог узнал о поклонении этой твари и оторвал у змея крылья; тот упал в Днепр и поплыл, идолопоклонцы же бежали вслед и кричали: «Перун, Перун, плыви к берегу!» Змей подплыл к острову и поселился там в глубокой норе<sup>21</sup>.

В этом тексте изложена книжная легенда Синописиса, отражающая летописный мотив. Книжная легенда объясняет происхождение названия киевского урочища Выдубичи тем, что идолопоклонцы кричали вслед плывущему по Днепру Перуну: «Выдыбай, боже!»

Отметим еще упоминание «Бога Парома» в чешской народной песне «О Пароме и Ратке». В долине недалеко от села Укровци, между двух потоков, есть скала, похожая на человека с руками, ногами, головой и глазами. Около скалы лежит камень, похожий на ребенка. В старые времена цыганка Ратка несла ребенка, который испражнился; она подтерла его куском хлеба и бросила этот кусок (традиционный этиологический мотив оскорбления неба). Бог *Паром* (Перун?) ударил с неба громом и молнией и превратил цыганку и ребенка в камень за то, что она осквернила Божий дар<sup>22</sup>.

## **Купала**

В славянской народной традиции представления о Купале связаны прежде всего с определенным праздником – днем летнего солнцеворота, Ивановым днем, или днем

Ивана Купалы (24 июня/7 июля), совпадающим с церковным праздником Рождества Иоанна Крестителя. Как показывают фольклорные материалы XIX–XX вв., слово *купала* (*купайло*) не соотносится в сознании носителей традиции с персонифицированным божеством, став в ряде мест названием обрядового костра, либо соотносясь с представлениями

<sup>21</sup> Там же. С.52.

<sup>22</sup> Стоилов А.П. *Защо е къс класът на житото? Фолклорен очерк. Б/м., Б/г. (отд. оттиск из издания «Общъ подем». Кн.17. Год I). С.4.*

о том, что в этот праздник обязательным является купание или обливание водой<sup>23</sup>. Народные верования относительно «водных процедур», приуроченных к Иванову дню, несут на себе явный след влияния христианской культуры. Календарная привязка «купалья» к Иванову дню позволяет увязать и само слово *Купало/Купала* с греческим обозначением Иоанна Крестителя, погружающего крещаемого в воду – *βαπτιστής*<sup>24</sup>. Поляки, например, считали, что начинать купаться можно только после Иванова дня, поскольку «святой Ян окрестил в этот день воду»<sup>25</sup>. В других регионах начало купального сезона связано с представлениями о евангельских событиях. В белорусском Полесье купаться разрешалось только после Ивана Купалы, потому что в этот праздник «Светы Ян Иисуса купаў», «Иван Купала Иисуса Хрыста купаў» – нельзя купаться вместе с Богом<sup>26</sup>.

Согласно еще одному полесскому поверью, праздник Ивана Купалы отмечается потому, что на этот день приходится «полугодие» Иисуса Христа: «Иван Купала – точнае паўгодзе Иисуса Христа, патаму и праздуецца»<sup>27</sup>.

*Купалой* также могут называть обрядовое чучело, которое уничтожается – сжигается, топится в воде – во время праздничных бесчинств<sup>28</sup>. Именно в этом элементе праздничного обряда некоторые исследователи славянских древностей склонны видеть реликты культа языческого божества.

На этом фоне курьезной редкостью выглядит следующее свидетельство, возможно, сформировавшееся у информанта под влиянием популярной литературы: «Купало – це не христианский бог, це другі боги булі. Купало – бог молока. Як весну зустріають, тоже старому богу кланяюца, не Ісусу Христу»<sup>29</sup>. Неофольклорные представления о «боге

<sup>23</sup> *Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т.2 (Д–К). М., 1999. С.363–365.*

<sup>24</sup> Мансикка В.Й. Указ. соч. С.308; Страхов А.Б. *Ночь перед Рождеством: народное христианство и рождественская обрядность на Западе и у славян. Cambridge, 2003 (Palaeoslavica. XI. Supplementum 1). С.30.*

<sup>25</sup> *Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т.2. С.365.*

<sup>26</sup> *Гортоль Ивацевичского р-на Брестской обл. (Полесский архив Института славяноведения РАН, Москва /далее – ПА/, 1987 г. Записали М.А.Хижняк, Е.А.Дмитриева).*

<sup>27</sup> *Бабичи Речицкого р-на Гомельской обл. (ПА, 1991 г. Записал В.В.Казначеев).*

<sup>28</sup> *Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т.2. С.367.*

<sup>29</sup> *Кишин Олевского р-на Житомирской обл. (ПА, 1984 г. Записала В.С.Карпаева).*

молока» перекликаются со средневековым книжным описанием Купалы как бога «плодов земных».

## ДОХРИСТИАНСКАЯ ИСТОРИЯ РУСИ

### *Основание Киева*

В украинской «этимологической» легенде о происхождении названия *Киев* этот топоним связывается с началом времен (и, таким образом, входит в круг «библейской» этиологии).

Когда Бог выгнал людей из рая, одни начали старательно трудиться, а другие отнимать у них добро. Бог отдал лень (*лєг*) работающим в вечную неволю, а чтобы было, чем ее пугать, дал палки (*кии*), срубленные в райском саду. Эти «кии» стали у людей, которые разбрелись по свету, вроде скипетров (*берла*), и вот от такого «кия» и произошло название Киев, а у людей появилась поговорка: «Язык до Киева и до кия доводит» (т.е. с помощью расспросов можно все узнать, но за лишние разговоры можно быть и битым. – *О.Б., В.П.*)<sup>30</sup>.

Из этой легенды не совсем ясно, как и почему название палки стало названием столяного града. Прояснить данный мотив помогает еще одна легенда об основании Киева, опубликованная по-польски в середине XIX в. Приводим эту легенду в русском переводе.

«Был на Руси один пан, который постоянно угнетал своих подданных; они не только должны были на него работать, но и весь достаток их пан отбирал. И не было в хате ничего – от коровки до яйца, – что бы люди могли назвать своим. Долго терпел бедный люд глумление и жадность своего пана, но терпению пришел конец. Пан собрал большое войско, но и народ восстал со всех сторон: старики, бабы, даже дети – вышли все кто с чем мог: с лопатами, с цепями, с палками. Не счесть было бедного люда, и, как ни защищался пан, погнажи они его через горы и реки, побивая и не давая передышки. И пришли, наконец, на место, где ныне Киев стоит, и увидели, что ни одного врага их не осталось в живых. Тогда побросали люди свои палки (*kije*) в одну кучу, которая была столь велика, что на ней можно было построить город. И город, построенный из палок (*z kijów*), Киевом и назвали»<sup>31</sup>. Удивитель-

<sup>30</sup> *Українські приказки, прислів'я та таке інше / Уклад М. Номис. Київ, 1993. С.625.*

<sup>31</sup> *Siemiński L. Podania i legendy polskie, ruskie, litewskie. Poznań, 1845. S.77–78.*

ным образом текст соотносится с приведенными летописными и античными легендами об изгнании из города вредоносного персонажа (Перуна-Феврария). Народная этимология имени *Киев* соответствует ученым реконструкциям, соотносящим летописного основателя города Кия с культурным героем, носящим «орудийное» имя палицы – *куй*.

Фольклорная традиция сохранила память о «языческом прошлом» Киева. Так, согласно украинской легенде (воедино связывающей, вероятно, языческую древность с представлениями о «языческом» турецком нашествии XVII в.), в незапамятные времена Украина принадлежала туркам. Потом польский король отогнал турка за Глухов и Дон. Киев же тогда был языческим городом и назывался Арахтель (*Arachtel*). Отвоевавший его у турок польский король вновь «должен был заложить его на имя Кий»<sup>32</sup>. В этой легенде особенно интересен мотив повторного основания города: чтобы Киев стал Киевом, город «перезакладывают» и дают ему новое имя подобно тому, как получает новое имя при крещении вступающий в лоно христианской церкви. Прежнее название Киева – *Арахтель* – может восприниматься как некая «гебраизированная» или «тюркизированной» форма (ср.: *tel* «гора», «холм»).

Знаменитая легенда об основании Киева, содержащаяся в «Повести временных лет», открывает первый собственно «исторический» сюжет русской истории и призвана ответить на один из заглавных вопросов летописи: «Кто в Киеве нача первее княжити». Это рассказ о трех братьях, предводителях полян, пришедших с Дуная – летописной славянской прародины – на Днепр. «И быша 3 брата: единому имя Кий, а другому Щек, а третьему Хорив, и сестра их Лыбедь. Седяше Кий на горе, где ныне увоз Боричев, а Щек седяше на горе, где же ныне зовется Щекавица, а Хорив на третьей горе, от него же прозвася Хоревица. И створиша град во имя брата своего старейшаго, и нарекоша имя ему Киев»<sup>33</sup>. До сего дня, продолжает летописец, в Киеве живут поляне. Казалось бы, перед нами типичное топонимическое предание: наименование киевских урочищ – трех гор и речки Лыбедь – превращены в имена культурных героев, первооселенцев. Более того, эти имена, по предположениям филологов, могут восходить к еще более глубокой мифологической архаике. Во всяком случае, имя *Куй* в общеславянской

<sup>32</sup> Rulikowski E. *Zapiski etnograficzne z Ukrainy // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. T.3. Kraków, 1879. S.62.*

<sup>33</sup> ПВЛ. С.9.

ретроспективе может означать культурного героя – земледельца, кузнеца и богатыря, вооруженного палицей-кием, и т.п.<sup>34</sup>

Однако сам летописец (как и все русские книжники) далек от языческой фольклорной архаики; зато, как историк, он не может обойти альтернативного предания о Кие. «Ини же, не сведуще, – пишет он, – рекоша, яко Кий есть перевозник был, у Киева бо бяше перевоз тогда со оной стороны Днепра, тем глаголаху: на перевоз на Киев». Разные варианты топонимических преданий легко уживаются в фольклоре, но летописца не устраивает образ Кия-перевозчика. «Аще бо бы перевозник Кий, то не бы ходил Царюгороду; но се Кий княжаше в роде своемъ, приходившу ему ко царю, якоже скажутъ, яко велику честь приял от царя, при котором приходив цари. Идущю же ему вспячь, приде к Дунаеви, и възлюби место, и срубил градок мал, и хотяше сести с родом своим, и не даша ему ту близъ живуции; еже и доньне наричаютъ дунайци городище Киевецъ. Киеви же пришедшу в свой град Киев, ту живот свой сконча; и брат его Щек и Хорив и сестра их Лыбедь ту скончашася»<sup>35</sup>.

Этот текст породил немало построений, относящихся уже к «научному» фольклору – восприятию Кия как исторического князя, празднованию 1500-летнего юбилея Киева и т.п. Из летописи очевидно лишь, что составитель ее ссылается на «фольклорный» источник («якоже скажутъ»), не сохранивший имени «царя», при котором ходил к Царюгороду Кий. Традиционной для фольклора этиологической «реалией», которая призвана подтвердить истинность похода Кия, является городище Киевец на Дунае. Можно предполагать определенную «тенденциозность» летописца, занимавшегося разысканием того, «кто в Киеве стал первее княжити», и сделавшего Кия первым киевским князем.

Характерно при этом, что рассказ о кончине киевских братьев отличается от летописных рассказов о смерти первых киевских князей – Аскольда, Дира, Олега и др., где непременно говорится об их могилах в Киеве, известных «до сего дня». Таким образом, остается в силе заключение А.А.Шахматова о том, что «возникновение [киевского] предания

<sup>34</sup> Иванов В.В., Топоров В.Н. Мифологические географические названия как источник для реконструкции этногенеза и древнейшей истории славян // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976. С.109–128.

<sup>35</sup> ПВЛ. С.9–10.

едва ли не обязано этимологии географических названий»<sup>36</sup> и имя культурного героя *Кий* оказывается производным от имени города Киев, как имя Щека восходит к имени горы Щекавица, а Хорива – к Хоревике.

Новый исторический комментарий к киевской легенде стал возможен после открытия американским гебраистом Н.Голбом древнейшего киевского документа: письма киевской еврейско-хазарской общины X века. Среди людей, подписавших этот документ, оказались носители «смешанных» славянских, тюркских и еврейских имен: это восприятие иноэтничных языковых традиций было свойственно еврейской диаспоре, переходившей на язык местного населения. В связи с этим открытием интересна гипотеза о происхождении имени *Хоревика*, высказанная еще в начале XX в. киевским любителем древностей Г.М. Барацем. Название киевской горы и одного из полянских братьев он считал производным от священной библейской горы на Синае, где Моисею были даны 10 заповедей. Это был не единственный киевской топоним, связанный с иудейской традицией. Так, согласно Константину Багрянородному, в середине X в. сама киевская крепость именовалась Самватас, что включало Киев в целую сеть поселений на окраинах диаспоры, носивших подобные имена. Имя *Самватас*, *Самбатсион* и т.п. означало легендарную «субботную» реку, за которой обитают потерянные колена Израилевы и которая течет на краю ойкумены.

Киев действительно был краем ойкумены для иудейской Хазарии: по летописи до второй половины IX в. хазары брали дань со славян Днепро-Днепровского Левобережья и с правобережных киевских полян, – Киев был за рекой Днепр, границей Хазарского каганата. С этой точки зрения вариант киевской легенды, отнесенный летописцем к «несведущим», приобретает как раз исторический смысл. Хазарам нужен был «перевоз» на другую сторону Днепра (славяне часто служили перевозчиками как по рекам Восточной Европы, так и через Дунай).

Проблема заключается в следующем. Почему русский книжник, работавший на рубеже XI–XII вв. и опиравшийся на библейскую традицию, не распознал в имени Хорив названия библейской горы? Дело, видимо, было не только в том, что Библия была ему известна лишь в извлечениях – паремийных текстах и тексте его предшественника Георгия Амартола. Для еврейско-хазарской общины, говорившей по-славянски и оставившей название горы Хоревика в микропонимии

<sup>36</sup> Шахматов А.А. *История русского летописания. Т.1. СПб., 2002. С.319.*



Киева, этот город лежал на краю ойкумены у реки Самбатион. Для летописца он был центром наиболее «смысленного» племени полян, стал матерью городов русских, столицей новой христианской Русской земли, новым Иерусалимом – горой Сионом (ср. *горы Сиянские* русского фольклора) и Царьградом.

### **Выбор веры и крещение Руси**

Сюжет о выборе веры – один из основополагающих сюжетов «национальной» истории, получивший широкое отражение в книжности – в хронографических и полемических памятниках.

Рассказ о крещении Руси включен в уже упоминавшуюся выше статью «О кумирах», источником которой послужили «Повесть временных лет» и византийские хронографы. В этом сочинении отмечается, что крещение происходило неоднократно.

Согласно одной версии, первым крестителем Руси был апостол Андрей, поставивший крест «на горах Киевских». Второй раз крещение имело место во время правления греческого царя Михаила; в третий раз – при патриархе Фотии. Четвертое крещение произошло в Царьграде при патриархе Феофилакте, а пятое совершил князь Владимир Всеславич (так!) в Херсоне<sup>37</sup>.

Русский книжник совместил здесь все благочестивые легенды и упоминания о крещении руси. Начиная с летописного предания о путешествии апостола Андрея по пути из варяг в греки (когда не было еще ни Киева, ни Руси как государства) и включая летописные известия о крещении руси после первого похода на Царьград при императоре Михаиле (860 г.), известного из посланий патриарха Фотия, вплоть до крещения при князе Владимире Святославиче, который назван Всеславичем (вспомним князя Святославского украинской легенды).

Фрагменты книжного сюжета фиксируются и в устных рассказах. Так, Матрена Афанасьевна Мартынова (1908 г.р., грамотная) из с. Грабовка Гомельского р-на Гомельской обл. в лаконичной форме изложила собирателю пространный фрагмент «Повести временных лет»: «Бог один, а веры все на разных языках гаворять. Раньше наша русская вера была язычники. Русская православная вера ўзялася з Гре-

<sup>37</sup> ЯМЗ. №15476. XVII в. Л.112–113.

ции. Князь Ёладзимир ўзал, было три сына, Михаил, да не помню, сестра Анна. Гэ тот князь хотел женицца, а ў Кieve тоже ж была языческая вера, тады ён решил перехрестицца» (1982, зап. Т.В.Рождественская). Рассказ отражает летописный сюжет о женитьбе Владимира, которому была дана сестра византийских царей Анна при условии, что князь примет крещение.

Иногда фольклорные рассказы о выборе веры окрашены местным колоритом. Согласно украинской легенде, христианскую веру привезли на Русь чумаки (торговцы солью): «Говорят, что и наша вера пошла от чумаков. Она-то была где-то, но только еще не у нас, а чумаки ездили по свету да эту веру и нашли». Чумаки рассказали князю «Ладымиру», который и сам раньше был богатым чумаком, что «там аж за морем в чужой земле есть такая вера, что если бы вы пошли в их церковь и послушали, вы бы и есть не захотели и не спали бы, а слушали и смотрели бы». «Ладымиру» понравился запах ладана, он попросил чумаков взять его с собой в следующую поездку, где сам «обошел все церкви, расспросил попов <...> покрестился, отговелся» и велел чумакам везти в Киев крестики и ладан. В Кieve «Ладымир рассыпал те крестики по многим хатам и задумал покрестить всех людей». Чудесным образом «из каждой хаты, где лежали кресты, сделалась церковь», и это так понравилось «Ладымиру», что «взял он и загнал в Днепр разом всех людей, кто хотел и кто не хотел, и там их всех вместе Ладымир покрестил, и всем давал крестики, и был для всех отцом крестным»<sup>38</sup>. Так бывший чумака «Ладымир» стал князем христианского города.

Здесь также отражен летописный сюжет об испытании вер Владимиром: правда, тот посылает за море не чумаков, а своих бояр, и те свидетельствуют о церковной красоте Царьграда.

Представления о «своей» вере, выбранной в давние времена или полученной в наследство от предков, становились чрезвычайно актуальны в ситуации межконфессионального противостояния, характерного на протяжении XVI–XVIII вв. для полиэтничных областей Великого Княжества Литовского, Царства Польского и Российской Империи.

В Архиве Виленского генерал-губернатора за 1864 г. был зафиксирован любопытный документ под названием «О начале веры католической в Пинском крае». Это переведенное на русский язык с польского обращение мещан местечка Лагишин, в котором жители отстаивали

---

<sup>38</sup> Карпова О.В. Чумаки и их иконы на сушеной камбале // Живая старина. 2002. №3. С.26.

свое право принадлежать к своей исконной «лагишинской вере» (т.е. к католицизму)<sup>39</sup>. Конфессиональная ситуация в этом местечке, находящемся в 20 верстах от Пинска, сложилась непростая. Исконно православное население в течение XVIII в. постепенно приняло римско-католическую и униатскую веру, однако в 1864 г. произошло массовое возвращение верующих в православие. Впрочем, среди жителей Лагишина остались «упорствующие», которые объявили католициство «лагишинской верой» и требовали восстановления латинского костела. Законность своих требований лагишинцы мотивировали древней легендой, якобы не одно поколение переходившей из уст в уста и объяснявшей приоритет католицизма над всеми другими конфессиями в Лагишине.

В легенде разворачиваются поистине вселенские перспективы – выбор веры в маленьком местечке оказывается обусловленным событиями мировой истории в ее «мифологической» редакции. Здесь и рассказ о мифических первопредках, живших на земле в начале времен, и представления о «библейском» этногенезе и культурных героях, и отражение миграционных процессов европейского средневековья.

«Предки нас – Лагишинских мещан – происходят не из рода православного, но римско-католического исповедания, принявшего христианскую веру прежде появления в здешних странах православной веры, еще с тех пор, как жиды нахлынули в сию страну из немецкой земли...»<sup>40</sup>. Каким же образом связаны в «устной истории» Лагишина католики и евреи? Оказывается, «*жидове Римского государства еще до Рождества Христова по гонениям повыходили в немецкие страны и чрез побывание в этих странах многих лет сделались настоящими немцами. Из них часть принявших римско-католическую христианскую веру называли нашу веру римско-католическую – Немецкою, и российские летописи иначе не называют ее вместо Римско-католической – верою Немецкою. От этой-то Немецкой веры сия Пинская страна имеет начало исповедания римско-католического*»<sup>41</sup>. Итак, лагишинцы – конфессиональные наследники евреев, принявших католициство. Однако из документа выясняется, что речь идет не только о духовном наследии, но и о

<sup>39</sup> Миловидов А. Историческая легенда пинчуков «о начале веры католической в Пинском крае» // Живая старина. 1908. Вып.4. С.430–433.

<sup>40</sup> Там же. С.430.

<sup>41</sup> Там же.

прямых этнокультурных контактах, обусловивших особенности ситуации в Пинском крае. Поскольку евреи, исповедывавшие «веру Ветхого завета», «негодовали на другую часть жидов, обитающих в Римском государстве за то, что уверовали в Спасителя нашего Иисуса Христа, постоянно одни других укоряли, бранили и производили в народе возмущение, то Кесарь Клавдий для установления в своей Римской империи спокойствия заблагорассудил в своем государстве выгнать вон всех жидов, как исповедывающих христианскую веру, так и неисповедывающих...»<sup>42</sup>. Так «оные жидове и из немецких земель и Гишпани и из Рима» вынуждены были искать себе пристанища «в менее населенных народом землях, каковые находились в здешних Пинских странах»<sup>43</sup>. Под натиском переселенцев обитавший в пинских землях «ляховский народ» (от имени правившего там князя Леха) вынужден был отступить: «Оные Жидове, овладев всею странюю, выгнали Лехова сына <...> под Новгород. С того времени здесь Немецкая римско-католическая вера распространилась в нашем местечке Лагишине»<sup>44</sup>. Далее из документа выясняется, что Лагишин был основан одним из переселенцев, неким «выходцем ишпанской христьянской веры», и стал столицей «пришедших сюда Римско-католических немецких жидов», которые, «жительствова с оставшимися славянами, приняли славянский язык», но остались верны своей католической вере<sup>45</sup>. Князь же пришельцев добавил к своему имени славянское прозвище «Лях» (поскольку поселился на «Ляховских областях») и стал зваться... Герцун-Лях Ширма! Именно этот князь, согласно лагишинскому преданию, узнав, что в Киеве Владимир Святославич задумался над выбором веры, интересовался у киевского князя, «не согласится ли принять эту немецкую римско-католическую веру, а впрочем хотя жидовскую, которая на основании Священного Писания сделалась и христианская»<sup>46</sup>.

«Настоящая истина» лагишинской легенды заключалась для ее поборников в том, что из всего вышесказанного «оказывается, что в Пинских странах римско-католическая немецкая вера осветила народ преж-

---

<sup>42</sup> Там же.

<sup>43</sup> Там же. С.430–431.

<sup>44</sup> Там же. С.431.

<sup>45</sup> Там же.

<sup>46</sup> Там же. С.431–432.

де времени появления здесь православной веры»<sup>47</sup>. Так, опираясь на «фольклорную реконструкцию» событий всемирной истории, жители польско-белорусского местечка пытались отстоять приоритет «своей» веры, возводя свои корни к библейскому народу – древним евреям, совершившим еще один Исход – в пинские болота. В основе этой реконструкции летописная традиция, дополненная новгородскими и польскими книжными легендами о Чехе, Ляхе и Росе, позднейшими школьными изложениями российской истории и т.п. По летописи, к Владимиру приходят миссионеры – «немцы от Рима», чтобы обратить его в христианство по латинскому обряду, а затем – «жидове козарьстии» (хазарские евреи). В последующей «речи Философа» еврейский «ветхий закон» противопоставляется христианству и рассказывается о рассеянии евреев, обвиненных в распятии мессии. Польская традиция обогатила эти мотивы сюжетом об изгнании евреев из Испании.

**Конфессиональное  
противостояние  
в народных легендах**

Безусловный интерес представляет рассказ из Западной Украины, отразивший особенности межконфессиональных отношений в этом регионе в XVIII столетии; речь идет о противостоянии православных Юго-Западной Руси католическому и униатскому влиянию. Рассказывали, что, когда евреи были арендаторами церкви, на «Великдень» (т.е. на православную Пасху) «не давали жидов'ята жидові так довго спокою, аж поки не приніс їм писанок (раскрашенных пасхальных яиц. – *О.Б., В.П.*)»<sup>48</sup>. Мотив аренды евреями у «панов» церковных зданий (наряду с корчмами) широко представлен в народных песнях и легендах, что заставляет некоторых фольклористов и этнографов принимать его всерьез. Однако данное фольклорное свидетельство не находит подтверждения в исторических документах, поэтому большинство историков относится к нему скептически<sup>49</sup>.

<sup>47</sup> Там же. С.432.

<sup>48</sup> Это и побудило арендатора-еврея после долгих проволочек все-таки открывать церковь для молящихся (Килимник С. Український рік у народніх звичаях в історичному освітленні. Кн.2. Київ, 1994. С.191).

<sup>49</sup> См., например: Галант И.В. Арендвали ли евреи православные церкви на Украине? // Еврейская старина. 1909. Вып.1. С.81–87.

Даже если признать, что перед нами «историческая мифологема», налицо тот факт, что представления о причастности евреев к христианской праздничной ритуалистике прочно укоренились в фольклоре и нашли отражение еще в одной легенде – о «Рахманском Великодне».

Повсеместно у восточных славян известен обычай бросать скорлупу от пасхальных яиц в проточную воду. Этот обычай часто комментируется легендой о рахманах – мифическом счастливом народе, живущем далеко за морем (ср. приведенную легенду о реке Самбатиион, рассказы о царстве пресвитера Иоанна и т.п.). Источником народных легенд о рахманах послужили памятники средневековой книжности – «Хождение Зосимы к рахманам» и «Слово о рахманех и о предивном их житии» инока Ефросина (XV в.). Согласно этим сочинениям, блаженный народ рахманов не знает железа, огня, серебра и золота; рахманы ходят нагие и спят в пещерах на листьях; они образуют семьи, но пара расстается после рождения двоих детей, чтобы в дальнейшем пребывать в чистоте; у рахманов нет летоисчисления, но, в отличие от обычных людей, праведным рахманам известно время их смерти.

Рахманы – христиане и празднуют свою Пасху – *Рахманський Великдень* в среду на четвертой неделе после православной Пасхи (в праздник Преполовения).

О причинах, по которым рахманы празднуют Пасху позже остальных христиан, рассказывает гуцульская легенда. Когда Христос воскрес, он устроил в Иерусалиме большой праздник и пригласил христиан со всего света. Рахманы жили очень далеко и добрались до Иерусалима, когда праздник уже кончился (через четыре недели после Воскресения). Но в знак признательности их благочестия Христос установил особый день специально для того, чтобы рахманы могли также праздновать Пасху<sup>50</sup>. Согласно другой гуцульской легенде, евреи провели Христа на муки через село, где жили рахманы, которые оплакивали Христа в течение трех недель. Когда наступила четвертая неделя, рахманы увидели, что по реке плывет яйцо; они выловили его и съели, и сразу печаль ушла из их сердец – «яйце вікігло тот жильє за Сусом від серцьи»; с тех пор они празднуют Пасху именно в этот день<sup>51</sup>.

---

<sup>50</sup> Онищук А. Народний календар у Зелениці, Надвірнянського пов. (на Гуцульщині) // Матеріали до українсько-руської етнології. Т.15. Львів, 1912. С.42.

<sup>51</sup> Там же. С.43.

По гуцульской легенде, скорлупа освященного на пасху яйца, брошенная в воду, доплывает до страны рахманов и вновь становится целым яйцом. Им и разговляются праведники-рахманы, которые в течение года замаливают людские грехи и только в день своей Пасхи угощаются одним яйцом, причем его хватает на 12 человек<sup>52</sup>.

Итак, рахманы узнают о Воскресении Христовом, только когда скорлупа пасхальных яиц доплывает до их заморской или подземной страны. Поэтому и пускают по воде «до рахманів» крашеные скорлупки, чтобы подать знак далеким единоверцам<sup>53</sup>. Украинцы Покутья верили, что рахманы живут под землей и питаются скорлупой пасхальных яиц, которую люди бросают в воду на Великдень<sup>54</sup>.

Помимо прочего легенда о «Рахманском Великодне» может отражать и былое этнокультурное соседство. Так, в Подолии был записан рассказ о том, что «во времена польские» православные церкви на Украине были арендованы неким евреем Рахманом, который так долго открывал их на пасхальные праздники, что иногда проходила целая неделя. Поэтому православная Пасха и стала опаздывать на неделю против католической и получила название *Рахманський Великдень*<sup>55</sup>.

Таким образом, легенда пытается подвергнуть «мифологический» мотив аренды евреями христианских храмов «историзации»: называется даже конкретный персонаж, выступающий в роли «зачинщика» традиции, имя которого удачно вписывается в контекст легенды.

Чаще, однако, в качестве культурных героев и преобразователей в народных легендах выступают мифологизированные исторические личности, приобретающие под воздействием законов фольклорного повествования фантастические качества. Но это уже тема отдельного исследования.

<sup>52</sup> Шухевич В. Гуцульщина. Ч.4 // Матеріали до українсько-руської етнології. Т.7. Львів, 1904. С.243.

<sup>53</sup> Воропай О. Звичаї нашого народу. Київ, 1993. С.328; Чубинський П. Мудрість віків. Кн.1. Київ, 1995. С.218; Rulikowski E. Op.cit. Т.3. S.125.

<sup>54</sup> Kolberg O. Dzieła wszystkie. Т.31. Pokucie. Cz.3. Wrocław; Poznań, 1963. S.105.

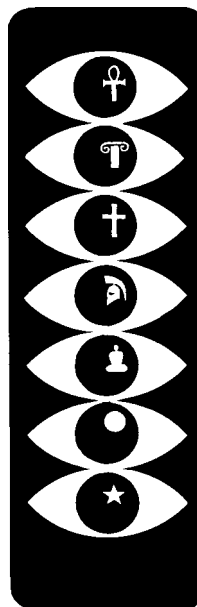
<sup>55</sup> Kolberg O. Op. cit. Т.31. Cz.1. Wrocław; Poznań, 1962. S.351. Напомним, что в православной традиции этим названием обозначается среда на четвертой неделе после Пасхи.

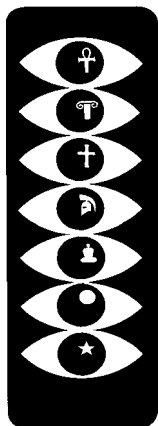
Войны, революции и другие события ... не рождаются по воле историка в лабораторных условиях, для того чтобы подвергнуться точному научному исследованию. Они даже и не наблюдаются историком в том смысле, в каком их наблюдает естествоиспытатель. Метеорологи и астрономы отправятся в трудное и дорогостоящее путешествие, чтобы самим наблюдать интересные их события, так как их нормы наблюдения таковы, что они не могут быть удовлетворены описаниями неопытных



очевидцев. Но историки не снаряжают экспедиций в страны, где происходят войны и революции. И они не делают этого не потому, что менее энергичны и смелы, чем естествоиспытатели, или же менее способны добывать деньги, которые потребовала бы такая экспедиция. Не делают они этого потому, что факты, которые можно было бы добыть с помощью экспедиции, равно как и факты, которые можно было бы получить путем преднамеренного разжигания войн и революций у себя дома, не научили бы историков ничему такому, что они хотят знать.

*Робин Джордж Коллингвуд*





Исаак Розенталь

## РАНО ИЛИ ПОЗДНО?

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ИЗВЕСТНЫХ  
СТРАНИЦ ИСТОРИИ

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

*The author clears up to what extent transformations that determined peculiarities of the Russian modernization of the 19<sup>th</sup> and early 20<sup>th</sup> centuries (abolition of serfdom and start of transition to constitutionalism) were well-timed. The author assesses capability of Russian rulers to meet challenge of the time, traces consequences of collision between «early» and «late» that occurred in their policy, finds out an extent of the society's readiness for reforming and role of other factors that affected behavior of politicians. In particular, the author characterizes attitude of Nicolas II toward the «constitution» he granted. Doing that the author takes into consideration the archaism of the last Czar's worldview. The author argues that delay with reforms and inconsistency in their implementation contributed to destabilization of the society. In conclusion the author collates historians' statements on validity and justification of search for alternatives of development in the past and on danger of intellectual speculations.*

Столетие первой в истории России революции современная Россия отметила скромно. Откликнулись ученые и немногие журналисты, постарались вообще не заметить круглой даты парламентарии, видимо, позабывшие, когда и при каких обстоятельствах появился первый российский парламент, но зато проявившие неожиданный и необычайно горячий интерес к эпохе Минина и Пожарского.

С учетом того, что революция – это не только события 1905–1907 гг., но также их причины и последствия, вопрос, вынесенный в название статьи, имеет к юбилею прямое отношение. Вопрос этот принадлежит к числу «вечных». Всякий раз, когда общество или власть, а чаще отдельные группы в обществе и в правящей элите начинают более или менее отчетливо осознавать необходимость перехода от консервации имеющихся социальных и политических институтов к их преобразованию, им приходится решать, настало ли время действовать. И если да, то как именно, каким темпом, каков «порядок шагов», что безнадежно устарело, что нет, с чем нужно поспешить, с чем можно подождать и т.д. Иначе говоря, это вопрос практической политики, далеко не безразличный обществу в целом.

Спрашивать обо всем этом естественно и историку, тем более если он, не довольствуясь простым описанием действий (или бездействия), захочет объяснить специфику ответов деятелей прошлого на вызовы времени и выяснить, уже зная неведомые им последствия, была их реакция своевременной, или, напротив, запоздалой, или же ее не было вообще. Понятно, что следует при этом, во-первых, считаться со всей совокупностью обстоятельств, влиявших на их – этих деятелей прошлого – выбор. И, во-вторых, держать в поле зрения другое значение понятия «выбор», ибо, кроме личного решения, хотя бы и важнейшего, это также итог взаимодействия общественных сил, воспринимаемый на значительном временном расстоянии как выбор данной страны<sup>1</sup>.

Поскольку есть немало специальных исследований по более узким сюжетам, далее приводятся лишь некоторые факты, необходимые для

---

<sup>1</sup> В концептуальном и конкретно-историческом плане проблема российских ответов на «вызовы времени» рассмотрена С.В.Тютюкиным (См.: Тютюкин С.В. Россия XIX – начала XX вв. и вызовы времени // Модели общественного переустройства России. XX век. М., 2004).

того, чтобы прочертить сквозные линии решения двух главных проблем истории модернизации России – преодоления крепостного права и абсолютизма. В том, что касается первой половины XIX в., современную историографическую ситуацию недавно, в ходе дискуссии «Власть и интеллект в императорской России», кратко охарактеризовал С.В.Тютюкин: «Историки-"оптимисты" утверждают, что Александр I и Николай I сделали ошибку, отложив назревшие преобразования, а "пессимисты" уверенно (особенно в последнее время) называют проекты Александра I – Сперанского – Новосильцева утопией и готовы благодарить обоих монархов за осторожность и благоразумие»<sup>2</sup>. Очевидно, что на взгляды второй группы историков, названных «пессимистами», оказывает чувствительное влияние действительность, в которой мы живем, а идеологически – нынешнее предпочтение консерватизма как гарантии желанной стабильности, в результате чего политика, согласно известному выражению, откровенно опрокидывается в прошлое.

«Оптимисты», надо думать, это историки, не сомневающиеся в том, что в тогдашней российской действительности имелась возможность более значительного благотворного продвижения вперед, имелись, по меньшей мере, отдельные оставшиеся неиспользованными предпосылки для более существенных преобразований, чем те, что были проведены.

Автору статьи, из которой взято процитированное историографическое обобщение, так же, как автору данной статьи, представляется более убедительной точка зрения «оптимистов». Справедливо вместе с тем, что в эпоху, когда правители не располагали результатами опросов общественного мнения, они должны были полагаться на собственное разумение относительно благоприятных и неблагоприятных факторов и вероятных последствий проведения реформ, прислушиваясь или не прислушиваясь к мнению своего окружения и интеллектуального слоя общества. В какой мере им это удавалось? Соответствовала ли степени готовности России к необходимому (что признавалось не всеми) реформированию их политика? – спорам историков насчет этого, по мнению С.В.Тютюкина, не будет конца<sup>3</sup>.

Незакрытость дискуссии как раз и побуждает вернуться к указанному вопросу, но в более широких хронологических рамках, разумеется,

---

<sup>2</sup> Тютюкин С.В. Десять лет в журнале «Отечественная история». М., 2005. С.291.

<sup>3</sup> Там же. С.290–292.

не претендуя на первооткрытие чего-либо и тем более без стремления подвести черту под дискуссией. Нужно также оговориться, что если проблемы крепостного права и конституционализма рассматриваются дальше раздельно, а не в едином блоке, как это чаще всего было в реальной истории вплоть до реформы 1861 г., то это делается единственно из соображений удобства.

Ради экономии места, говоря о XVIII столетии, последуем изложению событий в сатирической «Истории государства Российского» А.К.Толстого. Согласно версии поэта, «Вольтер и Дидерот», состоявшие, как известно, в переписке с Екатериной II, учтиво просили ее «скорее дать народу, которому Вы мать, скорее дать свободу, скорей свободу дать». Тогда-то, уверяли они, в России «на диво порядок расцветет». Просвещенная императрица отвечала им столь же учтиво: «Господа, вы слишком добры ко мне», однако же рассудила совсем иначе и вместо того, чтобы освободить крепостных, дополнительно «прикрепила украинцев к земле»<sup>4</sup>. Добавим, что, кроме того, она раздавала 800 тысяч душ казенных, дворцовых, монастырских крестьян (2 миллиона человек с семьями), перешедших в частные руки, и тем самым укрепила институт крепостного права. А в конце своего царствования распорядилась уничтожить переведенные на русский язык сочинения Вольтера.

С тех пор, как состоялся этот саркастически изображенный поэтом обмен любезностями, крепостное право просуществовало в России еще почти столетие. Кто же был прав – торопившие Екатерину II ее корреспонденты-философы или царица и правившие вслед за ней в первой половине XIX в. ее внуки Александр I и Николай I, способные признать (не во всеуслышание, конечно), что крепостное право – очевидное зло, но решившие все-таки, что прикоснуться к нему, как заявил в 1842 г. Государственному совету Николай I, «было бы злом еще более губительным»?

Вопрос «рано или поздно?» применительно к крепостному праву влечет за собой ряд других. Почему реформа, отменяющая крепостное право, казалась (или действительно была?) более губительной, чем бесконечное сохранение явно устаревшего фундамента экономического строя общества – права собственности на людей (при всех проводившихся

---

<sup>4</sup> Толстой А.К. Стихотворения. Царь Федор Иоаннович. Л., 1958. С.342–343.

частных поправках гуманитарного плана)? Ведь груз последствий такого сохранения неизбежно со временем возрастал. И есть ли разница между логикой Екатерины II и Николая I? Понятно, что благодарная, но прагматичная ученица французских просветителей, не имевшая легитимных прав на российский престол, не могла посягнуть на главную привилегию дворянства, не лишившись его поддержки. Но у Николая I таких комплексов не должно было быть. Перед смертью он самокритично сказал сыну, что оставляет ему Россию «не в полном порядке». Имел ли он в виду только проигранную к тому моменту Крымскую войну или осознал к концу своего правления коренную причину «неполного порядка» и военных неудач?

Для характеристики состояния умов в дворянской среде в годы николаевского царствования достаточно привести из множества фактов хотя бы два иллюстрирующих его примера. Вслед за заявлением Николая I о гибельности освобождения крестьян один типичный дворянин того времени согласился с этим, но добавил: «Правда, что крепостное право – зло, но зло чрезвычайно приятное»<sup>5</sup>. Звали этого дворянина Лев Толстой, и было в тот момент будущему «адвокату 100-миллионного земледельческого народа» 17 лет. Несколько позже, в 1848 г., осведомленный московский почт-директор А.Я.Булгаков записал в дневнике, фиксируя разнообразные события тревожного года новых революций в странах Западной Европы, что «весьма кстати затушили у нас слухи о предполагаемой эмансипации крестьян» и что «мало было у нас охотников до оной»<sup>6</sup>.

Итак, определяющее значение для правительства имела как будто позиция дворянства, сознание которого не было отягощено проблемой крепостного права. На протяжении столетия эта позиция оставалась в основном одной и той же и сводилась к тому, что привычное является нормальным. Были, правда, дворяне, думавшие иначе, они составляли незначительное, хотя и растущее, меньшинство. Дождавшиеся возвращения из Сибири при Александре II декабристы были уверены, что «царь-освободитель» осуществляет их же программу, но только с запозданием почти на сорок лет. Правильно ли поступили они, молодые

---

<sup>5</sup> Цит. по: Труайя А. Николай I. М., 2003. С. 150.

<sup>6</sup> Шумихин С.В. Пять фрагментов из записок А.Я.Булгакова // Тыняновский сборник. М., 1998. Вып.10. С.456–457.

тогда офицеры, когда вывели 14 декабря 1825 г. солдат на Сенатскую площадь, – в этом пункте те из них, кто дожил до «великих реформ», могли еще сомневаться, но никто из них не считал, что в своем стремлении освободить «рабов» они забежали вперед.

Когда после восшествия на престол Николая I А.С.Пушкин написал стихотворение «Стансы», брат декабриста Николая Тургенева Александр, в тайные общества никогда не входивший, возразил против проводимой в стихотворении параллели: Петр I – Николай I; стрельцы – декабристы. Не с той точки зрения, заслуживает ли новый царь лестного (или льстивого, как думали многие) пушкинского сравнения, ибо было понятно, что «хвала» и призыв быть подобным «пращуру» – не что иное, как своего рода аванс. Акцент в реплике-возражении А.И.Тургенева был поставлен иначе: верно ли отождествлять декабристов со стрельцами? Тургенев считал, что Пушкин исторически неточен, что сходство начал двух царствований чисто внешнее. «Стрельцы были запоздалые в веке Петра: эта ли черта отличает бунт Петербургский?» – задавал он риторический вопрос<sup>7</sup>. Иначе говоря, преобразовательные планы декабристов являлись и по его убеждению своевременными, вполне назревшими. К намерению упразднить крепостное право это относилось в первую очередь.

Доказывая после смерти Николая I консервативному большинству дворян, что пора, наконец, уничтожить «очевидное зло» сверху, Александр II избрал в качестве ключевого довода перспективу упразднения крепостного права «снизу». Более убедительного и психологически неотразимого для владельцев крепостных душ довода, казалось бы, нельзя было найти. Но, во-первых, он оказался не столь уж убедительным, все-таки «пугачевщина» случилась давным-давно (ленинское определение ситуации конца 1850-х – начала 1860-х годов как ситуации революционной противоречит фактам, в том числе масштабам крестьянского движения). Во-вторых, ведь и декабристы хотели предотвратить «русский бунт, бессмысленный и беспощадный», но только посредством военного переворота и действиями сверху после его успеха. «Мы более всего боялись народной революции», «вознамерились

---

<sup>7</sup> Гиллельсон М.И. *От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей*. Л., 1977. С.29.

меньшим злом отвратить большее», – показал на следствии Александр Бестужев<sup>8</sup>.

Такой вариативный подход к проблеме преобразований отчасти унаследовали преемники декабристов с более определенно выраженным радикализмом воззрений. Не только Герцен, но даже Бакунин под впечатлением реформаторского почина Александра II считал одно время, что превращение «петербургского императора» «в царя земского» является возможной и желательной альтернативой насильственному варианту перемен, «самозванцу Пугачеву или диктатору Пестелю»<sup>9</sup>. Получается, что преждевременное в глазах одних другими рассматривалось как способ опередить, предотвратить нежелательный вариант развития событий.

Высказывалось, правда, мнение, что, не будь восстания декабристов, правительство решилось бы отменить крепостное право раньше, и, следовательно, они-то и явились главными виновниками промедления. Но Александр I, знавший в конце царствования о тайных обществах и их преобразовательных планах, сделать это не решился. Больше того, колебания правительственного курса способствовали радикализации настроений членов тайных обществ, так что можно сказать, что выступление 14 декабря было не просто вызвано обстоятельством случайным – затянувшимся междуцарствием, но спровоцировано предшествующей политикой Александра I. «Чисто провокаторской» называл деятельность сменявших друг друга царей и правительств на протяжении всего XIX столетия, начиная с 1801 г., В.О.Ключевский. «Общественное недовольство, – отмечал он, – поддерживалось неполнотой реформ или недобросовестным, притворным их исполнением»<sup>10</sup> (иногда в этой мысли видят лишь проявление пессимизма историка, но это не так; на самом деле обобщение Ключевского базировалось на многочисленных фактах, улавливало определенную закономерность).

О либеральных намерениях Николая I перед тем, как он вступил на престол, претворению в жизнь которых якобы помешал «мятеж реформаторов» в Петербурге, ничего не известно. Так же, как об уверенности

---

<sup>8</sup> *Восстание декабристов. Т.1. М.; Л., 1925. С.458.*

<sup>9</sup> *Бакунин М.А. Избранные произведения. Т.3. М., 1920. С.89–90.*

<sup>10</sup> *Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. Т.IX. М., 1990. С.341–343. См. также: Кантор В.К. Насилие как провокация цивилизационных срывов в России // Вопросы философии. 1995. №5. С.39–47.*



нового царя в том, что он не встретит в этом случае сопротивления со стороны дворянского большинства. 1848 год прекратил и обсуждение крестьянского вопроса в учрежденных Николаем I секретных комитетах. Не приходится удивляться тому, что приступ правительства Александра II в конце 50-х годов к крестьянской реформе явился для большей части дворян неожиданностью.

В наши дни муссируется версия о якобы готовности дворянства принять реформу без всяких возражений. Реанимируется, например, вымысел Василия Розанова, запущенный к 50-летию юбилею отмены крепостного права в 1911 г. Об отношении помещиков к освобождению крестьян Розанов писал: «Собственники без горечи отошли от своих состояний, от своего богатства...». Что это утверждение не имеет ничего общего с действительностью, Розанов не мог не знать. Тем не менее оно преподносится сегодняшнему читателю как образцовый взгляд настоящего историка, каковым Розанов, как бы к нему ни относиться, никогда не был<sup>11</sup>.

Если же обратиться к фактам, то мало сказать, что помещики испытывали нерадостные чувства по поводу распада той цепи, которая ударила «одним концом по барину, другим по мужику». Дело не только в том, что их консерватизм был естественно эгоистическим, проистекавшим из их материальных интересов. Дворянству трудно было осознать, что эти интересы могут не совпадать с интересами государства. С другой стороны, невозможно было не почувствовать, что материальный ущерб чреват потерей привычного для многих дворянских поколений привилегированного сословного статуса.

Сама неподвижность мысли «первенствующего сословия», его неподготовленность к «несчастью» (как выразится позже, имея в виду 1861 год, чеховский Фирс), то есть к необходимости перестроить свое хозяйство и изменить образ жизни в новых условиях, явились еще одним показателем пагубности столь долгого существования крепостного права, запоздалости предпринятой, наконец, ликвидации этого института. Для многих она была равнозначна катастрофе. Даже после объявления манифеста 19 февраля далеко не все из помещиков сочли эту реформу свершившимся фактом.

---

<sup>11</sup> *Неизвестный Розанов. Заметки об исторических годовщинах // Историк и художник. 2004. №1. С.25.*

Момент «непонимания» дворянами происходящего отметил в числе других современников, описавших настроения дворянства в период реформы, князь В.Ф.Одоевский. Сам он был солидарен с проводившей реформу петербургской либеральной бюрократией. В ноябре 1862 г. он записал в дневнике: «Между помещиками ходит молва, что государь приехал в Москву, чтобы мириться с дворянами, как бы чувствуя себя перед ними виноватым». «Что за ослы! – с досадой комментировал «молву» Одоевский. – По-настоящему им бы надлежало просить прощения и у Бога, и у царя, и у народа за прошедшие свои гадости и за настоящее их непонимание всей великости нашей жизни»<sup>12</sup>.

В сфере политических преобразований коллизия между «рано» и «поздно» также возникала в истории России не раз. В начале XIX в. своевременность перехода от абсолютизма к конституционализму не отрицалась и в правящих кругах. Свидетельство тому – известные проекты, разрабатывавшиеся по поручению Александра I, но им же положенные под сукно. Недаром декабристы прочили в случае удачи переворота в состав нового правительства видных сановников, имевших репутацию свободомыслящих реформаторов, в том числе опального на протяжении нескольких лет М.М.Сперанского.

Как ни сложно оценивать состояние общественного мнения начала XIX в., но потенциальная опора реформ имелась и не сводилась к узкому кругу участников тайных обществ. Историки отмечают, что детально проработанный Сперанским план преобразований государственного аппарата при всей своей смелости отличался реалистичностью. У современников он не вызывал всеобщего отторжения. Далекому от декабризма консервативному писателю и историку Сергею Глинке проект Сперанского казался вполне осуществимым. Неподходящим был, по его мнению, только выбранный момент – канун нашествия Наполеона на Россию, нужно было просто «выждать счастливых обстоятельств». А те, кто выступал против Сперанского, вынудив Александра I, как выразился он, отсечь «свою правую руку», ошибочно предполагали «там злоумышление, где было одно заторопление»<sup>13</sup>.

---

<sup>12</sup> «Текущая хроника и особые происшествия». Дневник В.Ф.Одоевского 1859–1869 гг. // Литературное наследство. М., 1935. Т.22–24. С.161.

<sup>13</sup> Записки Сергея Николаевича Глинки. СПб., 1895. С.259–261.

Как можно понять из рассуждения С.Н.Глинки, он подразумевал такой интервал между поспешным и своевременным, который равнялся бы не десятилетиям, а лишь несколькими годам. Рассуждение тем более примечательное, что Н.М.Карамзин, в главном единомышленник Глинки, подверг проекты Сперанского резкой критике (голова Сперанского, писал он, «в Луне, а не в Земле Русской»<sup>14</sup>).

Единодушия на сей счет не было и в ближайшем окружении императора. В 1816 г., накануне путешествия великого князя Николая Павловича (тогда еще не подозревавшего, что он наследник) за границу с познавательной целью, для него была составлена памятная записка. Составил ее по просьбе императрицы-матери Марии Федоровны управляющий Министерством иностранных дел граф К.В.Нессельроде. Николаю Павловичу предстояло посетить между прочим Англию, и Нессельроде предостерегал 20-летнего великого князя от «распространенного заблуждения», будто конституционные учреждения, развивавшиеся в Англии «с поражающей медленностью» и в условиях изолированного, островного положения страны, можно привить другим народам и государствам<sup>15</sup>. Отвергались таким образом не только конституционные учреждения как таковые и введение их путем революций в континентальной Европе, но и преобразования вообще, хотя бы и с «поражающей медленностью»: поскольку опыт Англии уникален, он также не может служить примером для подражания.

Опасения за великого князя оказались напрасными, желания в чем-то подражать Англии он никак не проявил. А Нессельроде повторил сказанное Петром I о России в сравнении с Англией после ее посещения. Царь Петр тогда обошелся без излишней аргументации: «Англинская вольность здесь не у места, как к стене горох»<sup>16</sup>. Аргументация же Нессельроде снова и снова воспроизводилась впоследствии русскими консерваторами вплоть до Победоносцева. Последний во второй половине XIX в. признал представительную систему пригодной, кроме Англии, еще для нескольких стран (США, Голландии, Бельгии), но отрицал ее ограниченность и для России, и – что может показаться теперь совсем

---

<sup>14</sup> Карамзин Н.М. *Записка о древней и новой России*. М., 1991. С.90.

<sup>15</sup> Шильдер Н.К. *Император Николай Первый, его жизнь и царствование*. Кн.1. М., 1996. С.73–79.

<sup>16</sup> Майков Л.Н. *Рассказы Нартова о Петре Великом*. СПб., 1891. С.82.

удивительным – для подавляющего большинства европейских стран, в том числе для Франции, Италии, Испании, Австро-Венгрии<sup>17</sup>.

В начале XIX века противники самодержавия не думали, что они торопятся. В области переустройства существовавшей в России государственной системы декабристы, точно так же, как Сперанский и другие реформаторы-бюрократы, исходили из того, что нужно соответствовать «духу времени»<sup>18</sup>. Но не только из этого (что нередко трактуется в наши дни как проявление подражательного характера их конституционной программы). Участники декабристского движения мыслили категориями большого исторического времени и выводили необходимость конституционализма, помимо прочего, из русской истории.

Правда, прошлое было еще в недостаточной мере изучено и подвергалось невольной мифологизации. Декабристы и близкие им современники различали в истории Руси монархию (единовластие) и самодержавие (самовластие, деспотизм), последнее было, по их мнению, результатом «похищения» прав народа. Особое значение они придавали избранию в 1613 г. царем Михаила Романова; Земский собор и Боярская дума отождествлялись при этом с двумя палатами парламента. Позднее, в 1842 г., князь П.В.Долгоруков утверждал столь же убежденно, что первый Романов якобы присягал «конституции», которая не разрешала царю без предварительного обсуждения с «палатами» устанавливать новые налоги, заключать мир и приговаривать к смерти<sup>19</sup>. У сторонников республики из числа декабристов был еще один исторический образец, служивший вдохновляющим примером, – «вольный Новгород».

Можно, конечно, сказать, что случаев утилизации истории в политических целях великое множество как раньше, так и теперь. Но в построениях декабристов не было намеренного искажения фактов. А тра-

---

<sup>17</sup> См. подробнее: Репников А.В. Консервативная концепция российской государственности. М., 1999; Он же. Победоносцев К.П. // *Общественная мысль России XVIII – начала XX века. Энциклопедия.* М., 2005. С.409–411.

<sup>18</sup> В рецензии на первое издание книги Шильдера молодой тогда историк П.Е.Щеголев оспаривал его взгляд на выступление 14 декабря как на «минутный взрыв отчаяния». В основе движения декабристов, утверждал он, было «живое и острое сознание необходимости реформ» (Щеголев П.Е. Император Николай I // *Исторический вестник.* 1903. №7. С.140–142).

<sup>19</sup> Эйдельман Н.Я. Герцен против самодержавия. М., 1973. С.298–300; Он же. Пушкин. История и современность в художественном сознании поэта. М., 1984. С.320–322.

дияция представительных учреждений в истории России действительно имела, хотя она и не являлась непрерывной и не проступала с такой определенностью, как возобладавший процесс укрепления самодержавной власти царей<sup>20</sup>. Вместе с тем бесспорно, что определять масштаб и характер преобразований должны прежде всего и главным образом современные потребности, а не «воспоминания о прошлом». Историческая часть доводов первых сторонников упразднения или ограничения самодержавия занимала в их планах подчиненное место. Естественно, что гораздо чаще искали в прошлом опору консерваторы – традиционалисты.

В начале 1880-х годов М.Е.Салтыков-Щедрин, узнав, что его «Сказки» перевели на французский язык, выразил удивление: «Помилуйте, какой интерес я могу представлять для французской публики?.. Я писатель семнадцатого века, на их аршин. То, против чего я всю жизнь ратую, для них не имеет значения даже курьеза». Действительно, несколько раньше французским театральным критикам нравы, изображенные в поставленной на парижской сцене «Грозе» Островского, напомнили Францию средневековья<sup>21</sup>. Вряд ли сатира Щедрина устареет в обозримом будущем, пока этого незаметно. Но если остаться в пределах времени, когда жил писатель, то его самооценка была созвучна общим представлениям либеральной общественности, независимо от оттенков мысли, о стадиальном отставании России от Западной Европы и о том, что это отставание нужно стремиться преодолеть.

Кроме того, не будет натяжкой говорить об определенной близости таким представлениям (о тождестве речи нет) позиции, которую занимала в то время часть высшей бюрократии, считавшая необходимым продолжать начатые отменой крепостного права реформы. В 1879 г., накануне очередного зигзага в политике правительства, последовавшего вслед за убийством народолюбцами Александра II, военный министр Д.А.Милютин записал в дневнике: «Все наше государственное устройство требует коренной реформы, снизу доверху. Как устройство сельского самоуправления, земства, местной администрации, уездной и губернской, так и центральных и высших учреждений – все отжило свой

---

<sup>20</sup> См.: *Представительная власть в России: история и современность*. М., 2004.

<sup>21</sup> Боборыкин П.Д. *Воспоминания*. Т.2. М., 1965. С.414.

век, все должно было бы получить новые формы, согласованные с великими реформами, совершенными в 1860-х гг.»<sup>22</sup>.

Но то, что казалось очевидным Милютину и автору составленного тогда «конституционного» проекта М.Т.Лорис-Меликову, не захотели признать ни Александр III, ни Николай II, если рассматривать первое десятилетие его правления<sup>23</sup>. Мысль Ключевского, приведенная выше, о «неполноте» реформ и непоследовательности в их проведении как факторе дестабилизации общества, была им недоступна. Парадигма воззрений деятеля, ставшего идеологом нового царствования, К.П.Победоносцева, постулировала обратную зависимость: распространение «крамолы» вплоть до царевубийства есть следствие реформ 60-х – 70-х годов, ибо они были поспешными и чрезмерными. Эта оценка реформ отвечала главной особенности мировоззрения Победоносцева, на которую указывали и многие консерваторы, и даже Александр III: обер-прокурор Синода был по преимуществу критиком, отрицателем, разрушителем, но не творцом<sup>24</sup>. Тем не менее воздействие его взглядов на правительственный курс, остававшийся почти до 1905 года инерционным в сфере государственного устройства, сомнений не вызывает.

Труднее всего говорить о проблеме выбора решений и темпа их реализации в начале XX в., ввиду краткости и очевидной незавершенности периода, начавшегося в 1905 г. и прерванного в 1917 г. Впрочем, столетие, отделяющее нас от событий первой революции, – срок достаточный

---

<sup>22</sup> Милютин Д.А. *Дневник*. Т.3. М., 1950. С.139–140.

<sup>23</sup> Имеет смысл обратить внимание на один из фактов биографии Николая II, характеризующих его культурный кругозор и начитанность. Преувеличивать значение этого факта не приходится, но и неважным считать его тоже нельзя. Произведения Салтыкова-Щедрина Николай II впервые прочитал уже после падения монархии, обнаружив их в книжном шкафу инженера Ипатьева, хозяина дома в Екатеринбурге, где семья Романовых содержалась в заключении. Это были последние прочитанные бывшим царем книги. В дневнике он отметил, что «повести, рассказы и статьи» Щедрина ему «очень нравятся». Соотносил ли он как-то их содержание с судьбой монархии в России, мы никогда не узнаем, но несколько раньше в Тобольске он нашел «весьма современным чтением» книгу С.Нилуса с «Протоколами сионских мудрецов» и читал ее членам семьи вслух (См.: *Дневники императора Николая II*. М., 1991. С. 672, 680, 681, 683, 684). На оценку Николаем II «Протоколов», таким образом, нисколько не повлияло установление их подложности, о чем ему доложили еще в 1906 г. и с чем он тогда согласился.

<sup>24</sup> См.: Репников А.В. *Победоносцев К.П.* С.411.

для того, чтобы выделить то, что представляется бесспорным, несмотря на конъюнктурные поветрия и отдельные несогласия внутри цеха историков.

Начало нового царствования пришлось на канун нового столетия, но не обещало никаких перемен. Николай II заявил в первой же публичной своей речи, носившей программный характер, что высказанные в связи с вступлением его на престол пожелания некоторых земств, прежде всего Тверского (предоставить общественным учреждениям, в том числе земствам, право «выражать свое мнение по вопросам, их касающимся»), – это не что иное, как «бессмысленные мечтания», и он намерен так же твердо и неуклонно, как его родитель, «охранять начало Самодержавия».

Для современников разительным был контраст между чрезвычайной умеренностью пожеланий и тоном «злополучной речи-нахлобучки», на это обратили внимание даже в высших бюрократических кругах. По безусловно заслуживающему доверия свидетельству Победоносцева, критически отнеслись к речи некоторые министры и большинство членов Государственного совета<sup>25</sup>. Но еще десять лет спустя, буквально на пороге революции, царь подтвердил неизменность своих убеждений уходящему в отставку министру внутренних дел П.Д.Святополк-Мирскому: реформ хочет одна лишь интеллигенция, народу идея высших представительных учреждений чужда, поэтому просто следует «запретить собираться и говорить».

В основе такого подхода к проблеме, в противоречии с происходившими в стране социально-экономическими изменениями и вопреки растущему настроению в обществе и в правящей элите в пользу реформ, лежало убеждение царя в том, что самодержавная система правления – это «историческая власть», она не подлежит изменению, ввиду своей сакральной и патерналистской сущности, и с высшими представительными учреждениями в любой форме несовместима. Соображения и аргументы прагматического плана при таком подходе отодвигались

---

<sup>25</sup> *Распространенная версия приписывает авторство речи Победоносцеву. Прямых доказательств этого нет. Имеются данные о причастности к ее составлению министра внутренних дел И.Н.Дурново, назывались и другие возможные составители (См.: «Слышались голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями». Варианты речи Николая II 17 января 1895 г. / Публ. И.С.Розенталя // Исторический архив. 1999. №4. С.213–219).*

заранее как второстепенные, вопрос о своевременности реформ, об опережающем их характере оказывался вне поля зрения носителя верховной власти.

Учитывая этот индивидуально-мировоззренческий аспект, легче понять парадоксальное различие между правившими в начале и в конце рассматриваемого периода Александром I и Николаем II. И это при том, что оба были самодержцами (сходство существенное) и что современники последнего императора находили у них похожие черты характера (сходство не столь уж важное). Объем реформ, проведенных при Николае II, если отвлечься от завышенных, как правило, но небеспричинно, общественных ожиданий, не идет ни в какое сравнение с незначительным объемом выполненного столетием раньше. Как уже говорилось, от «дней александровых прекрасного начала» осталась по преимуществу гора проектов, своей масштабностью намного превосходивших то, что было осуществлено (указ о вольных хлебопашцах, освобождение крестьян в Остзейском крае, реформа Сената, учреждение министерств и некоторые другие преобразования).

Между тем именно Александр I был воспитан как либерал-реформатор, он лично инициировал разработку не осуществленных, опять же по его воле, проектов. Тогда как Николай II, получив иное воспитание в «школе» Победоносцева, видел смысл своей деятельности в том, чтобы передать наследнику в неизменном виде порядок, унаследованный от отца. Об Александре I можно сказать, что он был «с веком наравне». Николай II, напротив, искренне тяготел к временам допетровским.

Интересна не претендовавшая на научную строгость, но по существу верная характеристика Николая II в мемуарно-автобиографической книге писательницы-эмигрантки Нины Берберовой. Последний император, писала она, абсолютно серьезно полагал, что «он второй царь Алексей Михайлович» и что России «нужны помазанники, синоды и жандармы», в то время как ей «нужны были быстрые шаги сквозь парламентский строй и капитализм к планированию, новым налогам, свободному слову и технологии двадцатого века, к цивилизации для всех, к грамотности для всех, к человеческому достоинству для каждого». Он «не дал возможности кадетам и социалистам научиться ответственному



ремеслу государственной власти или хотя бы ремеслу оппозиции государственной власти»<sup>26</sup>.

Не перевешивает ли, однако, тот факт, что при Николае II монархия все-таки стала «думской», не говоря уже о несомненных экономических достижениях России в его царствование? Но фундаментальные устои мировоззрения царя остались непоколебленными, и этим определялось его отношение к «дарованным» им же свободам. Этим отношением можно было бы пренебречь, если бы речь шла о взглядах частного лица, но определение «самодержец» означало сохранение в его руках огромной власти.

Когда вскоре после подписания Манифеста 17 октября Николай II писал, что «свершилось неизбежное!», это вовсе не было осознанием исторической необходимости свершившегося. Текст нужно понимать буквально: имелась в виду невозможность в тот момент, в экстраординарной обстановке октября 1905 года, избежать уступок. Нельзя было, объяснял Николай II, во-первых, использовать войска. И во-вторых, среди его приближенных все меньше становилось таких, как он, принципиальных противников конституции («Немного нас было, которые боролись против нее. Всякий день от нас отворачивалось все большее количество людей...»). Признав, что данное им в Манифесте обязательство проводить законопроекты через Государственную думу и предоставить народу гражданские права – «это в сущности и есть конституция»<sup>27</sup>, в дальнейшем он это категорически отрицал.

«Сам царь болеет за этот манифест и хотел бы его отменить», – доверительно сообщил в марте 1908 г. дворцовый комендант В.А.Дедюлин своему собеседнику редактору черносотенной газеты «Гроза»

---

<sup>26</sup> Берберова Н. *Курсив мой. Автобиография*. М., 1996. С.110–111. – Естественно, среди эмигрантов первой волны, задумывавшихся над тем, «кто виноват», были в немалом количестве деятели, более расположенные или снисходительные к Николаю II, чем Берберова. Из всего многообразия оценок роли и потенциальных возможностей последнего императора наименее убедительной представляется точка зрения, согласно которой он «обладал нужными данными для конституционного монарха». Так думал, например, И.И.Тхоржевский, до революции видный чиновник, в эмиграции редактор газеты «Возрождение», винивший во всем императрицу, «тянувиую» мужа в самодержцы (Соблазнитель генералов / Публ. О.Будницкого // Родина. 1997. №12. С.61).

<sup>27</sup> Переписка Николая II с Марией Федоровной // Красный архив. 1927. Т.3 (22). С.167–168. См. также: *Представительная власть в России...* С.269–273.

Н.А.Жеденову. И все же добавил для вразумления обрадованного черносотенца: «Но манифест 17-го октября ведь дан. Основные законы существуют. Ну, как же теперь назад это взять?»<sup>28</sup>

Нельзя не согласиться с тем, что, как пишет Р.Ш.Ганелин, преобразования 1905–1906 гг., хотя их и не принято называть великими, носили все же «глубокий и труднообратимый характер»<sup>29</sup>. Оценка сформулирована так, что в ней отражена неоднозначность сложившейся в результате реформ ситуации. А именно: несомненная глубина этих реформ по сравнению со всем, что делалось когда-либо раньше в России в политической сфере (понятно, что они все равно не могли удовлетворить леворадикальные партии и их сторонников), но одновременно наличие в стране традиционалистских сил, желавших вернуться к «неограниченному самодержавию», то есть обратить историю вспять.

Взгляды монарха, не претерпевшие коренного изменения, не отличались от стремлений крайних правомонархических сил. В глазах Николая II осуществленное в конце 1905 – начале 1906 г. обновление государственного строя, в том числе устранение из Основных законов определения верховной власти как неограниченной, не было необратимым процессом. Он не исключал для себя, по крайней мере, частичного возвращения назад – к провозглашенному в августе 1905 г., но нереализованному законосовещательному варианту Государственной думы. О своем желании лишить Государственную думу законодательных прав, что было бы «в русском духе», он говорил приближенным неоднократно, почти до самого конца правления. Правда, готовность безоговорочно поддержать царя в этом стремлении обнаружил лишь один министр – Н.А.Маклаков, консерватизм других министров так далеко не простирался.

Строительство государственного здания на основе Манифеста 17 октября осталось незаконченным, что, однако, не может быть оправданием той путаницы, которая привносится в оценку этого документа по случаю его недавнего столетнего юбилея. Автор одного из откликов М.А.Колеров отдает Манифесту предпочтение перед программами всех без исключения политических партий того времени. Все действовавшие

---

<sup>28</sup> *Власть и крайние правые партии. Запись беседы дворцового коменданта В.А.Дедюлина (1908 г.)... / Публ. Ю.И.Кирьянова // Исторический архив. 2000. №1. С.90–91.*

<sup>29</sup> *Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С.536.*

тогда общественные силы, кроме авторов сборника «Вехи», объявляются равно безответственными. Вместе с тем признаётся, что пойти на создание основ конституционного строя заставила государство «многодесятилетняя борьба общества за свободу», что это был «продукт революционного кризиса», что такие администраторы, как Витте и Столыпин, часто были в меньшинстве внутри неоднородного правящего класса, а царь был человек «непоследовательный и на самом деле малоадекватный».

В свете всего этого как будто ясно, что беда не в недостаточности «властной вертикали» (она-то как раз имела, все губернаторы назначались из центра и ему подчинялись), но в архаичности самих основ государственного строя. При нем великим реформаторам всегда было суждено оставаться в истории трагическими фигурами, славными больше своими замыслами, чем их воплощением в жизнь (проводимая Колеровым параллель с генералом де Голлем здесь явно не работает, властные prerogatives президента Французской республики и премьера при самодержавном царе – далеко не одно и то же). Но, по мнению Колерова, дальше в России все бы и так произошло само собой. Обществу нужно было только благоразумно застыть в неподвижности вместо того, чтобы предаваться «утопическим эмоциям», чем занимались все социальные слои и политические партии<sup>30</sup>. Взгляд, сильно отдающий маниловщиной: хорошо бы, чтобы все было иначе... Причины же повально-го «неблагоразумия» в 1905 г. автора статьи не занимают.

---

<sup>30</sup> *Последующий текст обнаруживает элементарное невежество автора, прикрываемое ходовыми словечками и непрменной ссылкой на масонство. Читателям сообщается, что «глубокоуважаемые промышленники – Путилов, Гучков и прочие – воровали деньги и не исполняли военных заказов»; что «Февральскую революцию запланировал, стимулировал и совершил военно-олигархический заговор», в котором участвовали также «профсоюзные деятели», «ряд интеллигентных масонских кругов» и «даже часть социал-демократов»; что 100 тыс. офицеров царской армии «составили костяк революции» и «вступили в Красную армию» и т.д. (См.: Непрочитанный Манифест // Время новостей. 2005. 31 октября. С.6). Другой газетный отклик на столетие 1905 года – интервью с Ф.Разумовским (Московские новости. 2005. 28 октября – 3 ноября. С.20) – также сочетает вполне здравые суждения с квалификацией революции как «абсурда», чем автор, подобно Колерову, освобождает себя от профессиональной обязанности хоть что-то понять и объяснить.*

Представляются точно схватывающими суть одного из главных противоречий начала XX столетия в России выводы, к которым приходит В.В.Шелохаев. «Обновленный внутривластный курс авторитаризм пытался реализовать в системе координат и под флагом именно традиционной идеологии»; пореформенные монархи, правившие в конце и в начале века, в том числе Николай II, считали, что она «не нуждается в рационализации, способна выполнять консолидирующие функции и в современном мире». «Пойдя на известное обновление политической системы, царь так до конца и не осознал необходимости синхронизации данного процесса с назревшими изменениями в области идеологии». И «системные столыпинские реформы, в принципе отвечавшие потребностям новой эпохи, вектору мирового общественного развития, разрабатывались и реализовывались в рамках старой идеологической парадигмы, уже явно не соответствующей модернизирующемуся общественному сознанию», обостряя конфликт между обществом и властью<sup>31</sup>.

Следовательно, на отношение оппозиции к власти не могло не влиять, причем в сторону усиления левизны, отсутствие уверенности в прочности конституционного сдвига. Для сомнений, как мы видели, имелось достаточно оснований. Коснемся одной лишь темы. После того, как вопрос о представительной власти был решен в принципе и царь скрепя сердце примирился с фактом присутствия Государственной думы в системе центральных государственных учреждений, предметом дискуссий в рамках проблемы темпа государственного переустройства становится вопрос об избирательной системе и количестве допускаемых к участию в выборах лиц.

Оглядываясь назад, можно сказать, что значение этого вопроса современники преувеличивали: состав парламента не мог автоматически изменить основы государственного устройства и политический режим. Не занимал вопрос об избирательной системе (да и о самой Государственной думе) первого места и на народной шкале приоритетов. Это, между прочим, показала впоследствии судьба Учредительного собрания, избранного на основе самого демократического в мире избирательного закона. В сознании низов общества, составлявших его большинство, приоритетными были бесчисленные социальные проблемы, а связь между социальным и политическим улавливалась пока слабо (впрочем,

---

<sup>31</sup> *Модели общественного переустройства России. С.558–559.*

с тех пор что изменилось?). Немалая часть этого большинства не шла дальше традиционного противопоставления царя и чиновников. Но ход мысли консерваторов и либералов разных оттенков интересен уже потому, что они были сознательными участниками происходивших тогда дискуссий.

На выставке, проходившей несколько лет назад в московском Музее современной истории, демонстрировалась среди прочих экспонатов серия рисованных открыток под общим названием «Выборы». Изданные в 1906 г., когда в России избиралась I Государственная дума, рисунки могли показаться просто забавными, далекими от темы думских выборов и от всякой политики. Но в момент публикации они имели злободневный и достаточно прозрачный второй план. Бытовые сценки, изображенные неизвестным художником, должны были убедить в том, что российский обыватель вкладывает в слово «выборы» какой угодно смысл, но только не принятый в странах с продолжительным опытом функционирования высших представительных учреждений.

Что же было изображено? На одном рисунке нищий выбирал из мусорного ящика объедки, на другом – разнаряженная дама выбирала в ювелирном магазине бриллианты, на третьем – крестьянка старательно выбирала из волос сына насекомых, на четвертом – некий господин выбирал уличную проститутку и т.д. Напрашивался вывод в духе доминировавшей весь XIX век консервативной традиции: парламентские выборы и представительная система власти – не для России...

Незадолго до начала первой революции, до царского манифеста и появления в продаже этих открыток состоялся разговор между знаменитым ученым Максимом Ковалевским и приехавшим к нему за границу, в Париж, из Москвы адвокатом О.Б.Гольдовским. Знаток государственных систем и убежденный сторонник перехода России к конституционной монархии, Ковалевский, будучи умеренным либералом, высказался против предоставления избирательных прав всем российским гражданам. Его аргументация отчасти совпала (случайно, конечно) с сюжетом одного из упомянутых выше рисунков, хотя и была в целом сложнее и глубже. Ковалевский, разумеется, не отрицал принцип народного представительства и, стало быть, процедуру выборов. Но, отвечая собеседнику, который убеждал его, что за время отсутствия Ковалевского в России (с 1887 г.) там все кардинально изменилось («Вы не узнаете теперь Россию, М[аксим] [Максимович]. Это другая страна, другой

народ»), он возразил: «...Народы и страны так быстро не меняются. Вчера еще он пригоршнями в голове живой продукт ловил, а сегодня – пожалуйста "владеть нами". Ведь это только в сказках Иванушка-дурачок голыми руками Жар-птицу хватает...»<sup>32</sup>.

Риск всеобщих выборов Ковалевский оценивал путем уподобления народа призываемым из-за моря чужакам-варягам («пожалуйста "владеть нами"» – по-видимому, владеть, управлять «образованным обществом», то есть культурным меньшинством населения). Вместе с тем это было предостережение, хотя и неоригинальное. Речь шла снова о «русском бунте», но Ковалевский впервые связывал возможность разрушительной стихии социальной революции с всеобщим избирательным правом. Введение всеобщих выборов «в безграмотной, дикой, разноплеменной стране» грозило, по его мнению, «такой поножовщиной и пугачевщиной, что мы взвоем по самодержавию».

Свои взгляды на политическое переустройство России Ковалевский излагал не только в частных беседах. 21 февраля 1905 г. он выступил с докладом «Проект российской конституции и земство» на заседании масонской ложи «Космос» в Париже<sup>33</sup>. В ложу он был принят сразу по приезду во Францию, в 1888 г. После возобновления деятельности «Космоса» в 1898 г. в эту ложу приняли еще нескольких русских интеллектуалов. Все они были политическими единомышленниками Ковалевского, вместе с ним создававшими в России партию демократических реформ, и революцию как таковую никто из них не приветствовал.

14 декабря 1905 г. в письме А.И.Чупрову Ковалевский сравнивал Россию, охваченную революцией, с «домом умалишенных». Он критиковал левых либералов, в том числе либеральных земцев, то есть помещиков, за «либерально-демократическую комедию». Они боятся, писал он, «называть вещи по имени: бунт матросов – бунтом, а грабеж усадеб – грабежом» и «повторяют, как попугаи, взятую напрокат (у радикальных партий. – *И.Р.*) формулу "всеобщий, равный и тайный", не понимая или не желая понять, что при ней выбор обеспечен тем, кто посулит крестьянам землю даром»<sup>34</sup>. Таким образом, мнение Ковалевского оста-

---

<sup>32</sup> Хин-Гольдовская Р.М. Очарованье старых дневников. 1902–1905 // *Грани*. 1995. №177. С.195–196.

<sup>33</sup> Серков А.И. *История русского масонства. 1845–1945*. СПб., 1997. С.61.

<sup>34</sup> «Слушателей будет много...». *Русская высшая школа общественных наук в Париже по письмам М.М.Ковалевского. 1901–1905 гг.* / Публ. Ю.С.Воробьевой // *Исторический архив*.

валось прежним: умерить стихию революции мог бы отказ от всеобщего избирательного права, до которого народ еще не дорос, и в результате удалось бы не допустить преобладания в грядущем парламенте экстремистов.

Но новый парадокс: леволиберальные деятели, которых критиковал справа либерал-центрист Ковалевский, рассуждали примерно так же. Народных представителей, избранных всеми гражданами, без различия сословий, необходимо создать «пока не поздно», заявил в июне 1905 г. на приеме царем делегации земского съезда С.Н.Трубецкой. Всеобщее избирательное право оценивалось, как видим, и со знаком плюс, и со знаком минус, и как фактор разжигания революционной стихии, и как фактор стабилизации. В рядах либеральной оппозиции снова рельефно обозначилась проблема своевременности или преждевременности перемен.

Основав в конце 1905 г. партию демократических реформ, Ковалевский и его друзья обнародовали в январе 1906 г. главные документы партии – избирательную платформу и программу, более умеренную, чем программа кадетской партии, в том числе в вопросе о выборах. Но от категорического отрицания всеобщего избирательного права партия отказалась (кроме пункта о предоставлении избирательных прав женщинам, включенного в программу кадетов, но и на родине парламентаризма, в Англии, женщин допустили к выборам только в 1920 г.; были и другие изъятия из «всеобщности»). Правда, сама партия демократических реформ прекратила свое существование в том же 1906 году<sup>35</sup>. Ее лидеры и близкие им деятели продолжали поиски вариантов объединения оппозиции на умеренно либеральной, наиболее реалистичной, как они полагали, основе. Одним из таких вариантов и являлось пресловутое масонство. В то время это не более чем форма межпартийных связей, главным образом для взаимного информирования, не устранившая самостоятельности каждой партии<sup>36</sup>.

---

1993. №6. С.176.

<sup>35</sup> См.: *Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX в. М., 1995. С.350–352.*

<sup>36</sup> См.: *Розенталь И.С. Москва на перепутье: власть и общество в 1905–1917 гг. М., 2004. Гл.6; Хайлова Н.Б. В поиске «почвенной» модели либеральной партии накануне и в годы Первой русской революции // П.Н.Милуков: историк, политик, дипломат. М., 2000; Она же. Проблема центризма в русском либерализме // *Русский либерализм: исторические**

Опасения и предостережения Ковалевского по поводу преждевременности введения в России всеобщего избирательного права находились в русле теоретических разработок его современников-правоведов (М.Я.Острогорского, Б.А.Кистяковского и др.). Изучая опыт западноевропейских государств, где парламентаризм утвердился, они обратили внимание на явление, подтвержденное дальнейшей историей XX в. Демократия не обязательно гарантирует защиту правового строя от авторитаризма; при неподготовленности населения, отсутствии должной политической и общей культуры она сама может быть источником и базой авторитарно-деспотической, антиправовой политики.

Убеждать в этом власть в лице Николая II не было надобности. Не только потому, что эта власть была иной по происхождению и конструкции, чем на Западе. Но и ввиду антизападнического толкования европейской политической истории XIX века представителями русской консервативной мысли: демократия обязательно превращается в тиранию, как это было во Франции при двух Бонапартах (либералы не считали такое направление развития неизбежным). Не помышляя о всеобщем избирательном праве, царь в 1905 г. сначала пошел на расширение круга избирателей (по сравнению с нереализованным вариантом «булыгинской» Думы), объявив об этом в Манифесте 17 октября, а затем, после опыта двух созывов Государственной думы, издал третьеиюньский избирательный закон, еще дальше удалившись от идеальных принципов демократизма избирательной системы.

Возможно ли оценить этот вариант как оптимальный для того времени? Отношение правого кадета В.А.Маклакова к всеобщим выборам не отличалось от отношения Ковалевского, несмотря на то что в программе кадетской партии этот пункт присутствовал с самого начала. С его точки зрения, высказанной уже в эмиграции, власть, изменив 3 июня 1907 г. избирательный закон, действовала в верном направлении, «III-я Дума укрепила конституцию», которую недооценивало общество, происходил процесс «выздоровления», прерванный Первой мировой войной, конституция «начала воспитывать – увы, слишком недолгое время – и нашу власть, и наше общество; она внедрила в русскую жизнь идею законности и подзаконности власти» (возможно, здесь опечатка или описка, по смыслу должно было быть «внедрила»).



Можно, конечно, посчитать этот взгляд всего лишь выражением типичной для эмигрантов ностальгической идеализации дореволюционной России. В какой-то мере она в рассуждении имеется. Но в том, что касается своевременности реформ, проводившихся при Николае II и в «эпоху Столыпина», Маклаков был пессимистичен: «В 906 г. с нормальной конституцией уже, к сожалению, было опоздано, а в 60, 70, 80-х годах [XIX в.] конституция еще не была нужна; нужны были только умные, умеющие смотреть вперед, государственные люди в рамках самодержавного строя», но «самодержавие их не терпело», воспитывая «не государственных людей, а угодников и карьеристов»<sup>37</sup>.

Второе утверждение (о 60-х–80-х годах) спорно, да и не совсем понятно, когда было бы в самый раз даровать конституцию и возможно ли было сделать так, чтобы она сразу приобрела удовлетворяющий всех характер (что нереально, раз конституция «дарованная», октроированная). И до 1917 г. спектр либеральных оценок включал в себя такие, казалось бы, несовместимые определения, как «конституция» и «мнимый конституционализм», второе определение оценивало политическую практику или политический режим. Вероятно, по мысли Маклакова, для постепенного превращения конституции в «нормальную», «настоящую» требовался достаточно продолжительный срок, а «выздоровление» предполагало реформы, проведение которых наполнило бы провозглашенные принципы реальным содержанием.

Так думал и сам Столыпин, рассчитывавший на «20 лет покоя». 9 марта 1908 г. газета «Россия», рупор премьера, констатировала, повторяя сказанное за 30 лет до этого Д.А.Милютиним, что переживаемый страной период – это время «трудных родов запоздалой и все еще запаздывающей реформы государственного строя»<sup>38</sup>. Не касаясь под-

---

<sup>37</sup> Маклаков В.А. *Власть и общественность на закате старой России. Париж, 1936. С.559, 563, 601; Соблазнитель генералов. С.60; См. подробнее: Розенталь И.С. Глазами современников (К оценке российской модернизации) // Призвание историка. Проблемы духовной и политической истории России. Сб. статей. К 60-летию проф. В.В.Шелохаева. М., 2001. С.22–38.*

<sup>38</sup> *Россия. 1908. 9 марта. – Автором статьи был С.Н.Сыромятников, один из редакторов «России», консервативный публицист, познакомившийся со Столыпиным в 1906 г. (См.: Чернавский М.Ю. Консервативные идеи в воззрениях С.Н.Сыромятникова // Консерватизм в России и мире. Ч.2. Воронеж, 2004; Он же. Сыромятников С.Н. // Общественная мысль России... С.528–529).*

робностей его программы реформ (она в последние годы интенсивно изучается историками<sup>39</sup>), следует напомнить, что комплексного ускорения не произошло, хотя Столыпин не собирался ликвидировать запоздание путем какого-то скачка. Почему этого не случилось, сказано выше, а, говоря словами того же Маклакова, шансы «выздоровления» были упущены по вине и обществу, и династии, но «в данном случае вина на династии больше»<sup>40</sup>. Из двух возможных вариантов постепенного изменения баланса двух центров власти при сохранении монархии – в пользу Думы или монарха – не был реализован полностью ни тот, ни другой. Но и частичное продвижение в сторону второго варианта, воспринимаемое общественностью как реванш сил реакции, дестабилизировало систему власти, создавая условия для революции, устремляющей оба центра.

Проблема темпов модернизации страны после прихода к власти большевиков требует специального рассмотрения. Не останавливаясь подробно на истории государства, созданного на развалинах монархии и экспериментальной демократии 1917 г., на специфических чертах этого государства и его эволюции, напомним, что в идеологическом арсенале большевизма идея ускорения исторического процесса всегда была одной из главных. Сколько ни рассуждай теперь о глубинной преемственности эпох, досоветской и советской (она, конечно, задним числом просматривается), невозможно отрицать очевидное. Большевистский радикализм как способ политического действия, как особая политическая культура был противоположен и либерализму, и консерватизму. Больше того, во имя революционного ускорения Ленин и его последователи, продолжая называть себя марксистами, пожертвовали ключевым постулатом марксизма о социально-экономической и культурной детерминированности смены формаций.

В Первой мировой войне идеологи большевизма увидели доказательство исчерпанности потенциала капиталистической экономики и «буржуазной» демократии. Согласно итоговому выводу Ленина, они видоизменили «обычный исторический порядок», начав с создания таких предпосылок отсутствовавшей в России цивилизованности, как

---

<sup>39</sup> См.: П.А.Столыпин. Программа реформ: Документы и материалы. М., 2002; Пожигайло П.А., Шелохаев В.В. Столыпин П.А. // Общественная мысль России... С.514–517.

<sup>40</sup> Соблазнитель генералов. С.60.

изгнание помещиков и капиталистов, для чего они «ввязались в серьезный бой» в октябре 1917 г., не заглядывая далеко вперед. Не прогнозировались ни масштабы гражданской войны и экономического развала, ни, по признанию Ленина, такие «детали развития», как Брестский мир и НЭП.

По свидетельству Н.Валентинова, в 20-е годы редактировавшего «Торгово-промышленную газету», в одной из бесед с ним тогдашний заместитель председателя ВСНХ Ю.Пятаков рассказал, что последние статьи, продиктованные больным Лениным, многие коммунисты, в том числе члены Политбюро, сочли «очень неудачными», за исключением лишь статьи «О нашей революции», в которой как раз и говорилось о «видоизменении» обычного порядка путем октябрьского переворота<sup>41</sup>. Заключение в этой статье мысль и реакция на нее в партии (а вовсе не гипнотизирующая поныне кое-кого из историков нерасшифрованная фраза в ленинском «завещании» о «коренной перемене всей точки зрения нашей на социализм») определили в первую очередь политику наследников Ленина. Модернизаторский скачок 30-х годов через «великий перелом», то есть отказ от НЭПа – ошибочной, по мнению Пятакова, политики, был осуществлен в полном соответствии с традициями и приоритетами большевизма. Новая правящая элита не пыталась просчитать долговременные последствия предпринимаемых действий и не задумывалась о «цене» ускорения.

В рамках этого скачка получило возможности самореализации поколение, прошедшее через мировую и гражданскую войны и с готовностью порвавшее не только с некоторыми архаическими российскими ценностями, но и с ценностями общецивилизационными, также признанными ненужными в новом обществе. Стремление к абсолюту на основе идеологического диктата партии-государства и принудительного сокращения вариантов преобразований до одного было на протяжении нескольких десятилетий действенным фактором развития. При этом историческое прошлое (до 1917 г.) оценивалось пропагандистски и воспринималось массой энтузиастов политики ускорения прежде всего как воплощение полной неподвижности. Этот исторический миф подвер-

---

<sup>41</sup> Валентинов Н. *Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. Годы работы в ВСНХ во время НЭП. Воспоминания. М., 1991. С.247–250; Он же. Суть большевизма в изображении Ю.Пятакова // Новый журнал. 1958. Кн.52. С.149–150.*

гался затем из практических соображений частичной корректировке. Но если выделить из мифа рациональную составляющую, советское ускорение с принесением настоящего в жертву будущему предстанет перед нами обусловленным не только родословной большевизма, унаследовавшим от предшественников – русских революционеров XIX в. – психологию «нетерпения», но также и той реальной «неполнотой» реформ на протяжении столетия с лишним, о которой писал в преддверии революции Ключевский.

\* \* \*

**В**се сказанное находится в плоскости выяснения альтернатив исторического развития. Этот угол зрения на историю, в советское время почти что запретный, затем стал вдруг модным, заинтересовавшим и массового читателя. Соблазну «обратного прорицания» без доказательств поддаются и специалисты. Вот самый свежий пример. В связи со 175-летием восстания декабристов мы, наконец, узнали, что случилось бы, если бы декабристам сопутствовал успех: оказывается, между ними «началась бы война с неясным исходом», но, «кто бы из них ни победил, гражданская война 1825 г. не носила бы столь ожесточенного характера, как в 1918–1922 гг.». Между прочим, газетная рубрика называется «История. Интересный факт»... Автор (О.Киянская) тут же утверждает, что крестьяне были бы в случае победы декабристов освобождены и либеральные реформы не запоздали бы столь катастрофически. С этим, в отличие от первого «прогноза», нельзя не согласиться<sup>42</sup>.

Уместно завершить наши заметки своего рода самопроверкой через сопоставление соображений, в разное время и независимо друг от друга высказанных тремя серьезными учеными по поводу «права» историка на поиск альтернатив (конечно, размышляли на эту тему не только они). Объединяет их преимущественный интерес к началу XX века. Естественно, никто из них не отрицал, что историк всегда остается историком, главное содержание его работы – изучение не того, что могло быть, но того, что произошло, состоялось, свершилось.

М.М.Карпович, известный в США историк из русских эмигрантов первой волны, комментируя в 1956 г. воспоминания Ф.А.Степуна о

---

<sup>42</sup> *Аргументы и факты. 2005. №50. С.46.*

предреволюционной России, напомнил читателям «Нового журнала», который он редактировал в Нью-Йорке, слова А.И.Герцена: «История стучится разом в тысячу ворот». Ссылаясь на эту безусловно справедливую мысль, образно характеризующую сложность реального исторического процесса, он доказывал, что и при изучении истории вполне закономерно, допустимо и даже необходимо «гадание» относительно того, «что было бы, если бы...». Это «гадание», пояснял он, может быть вполне научным и носить характер умственного эксперимента, заменяющего историку эксперимент лабораторный.

Для выяснения степени вероятности эволюционного варианта трансформации российского общества после 1905 года Карпович предлагал не просто увидеть, какие факторы способствовали и какие противодействовали осуществлению этого варианта, но определить «удельный вес» тех и других<sup>43</sup>. Последняя задача вряд ли разрешима; «гадание», даже если назвать его научным, останется неизбежно приближительным, а в каких величинах следует измерять «удельный вес» того или иного фактора, чтобы это убедило хотя бы коллег-историков, Карпович не пояснил.

Леопольд Хеймсон, как и многие американские специалисты по истории России его поколения, учился у русских историков-эмигрантов. Занимался он и в семинаре Карповича в Гарвардском университете, был его аспирантом, но руководство было формальным, и, по словам Хеймсона, он не испытал влияния руководителя<sup>44</sup>. Позже, не вступая в прямую полемику с Карповичем, он фактически оспорил приведенную выше его точку зрения. Рассуждения насчет того, произошла бы в 1917 г. революция, не будь Первой мировой войны, Хеймсон считал бессмысленными и чуждыми задачам историка, поскольку такие рассуждения не являются собственно историческим исследованием, где выводы вытекают из анализа источников<sup>45</sup>.

---

<sup>43</sup> Карпович М. Комментарии. О воспоминаниях Ф.А.Степуна // Новый журнал. 1956. Кн.46. С.226–230.

<sup>44</sup> Хеймсон Л. О времени и о себе // Отечественная история. 2005. №6. С.187.

<sup>45</sup> Хеймсон Л. Исторические корни Февральской революции // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. С.32; Он же. Политический и социальный кризис в России (от кануна Первой мировой войны до Февральской революции) // Россия XXI. 1998. №9–10. С.137–138.

И еще одно мнение – петербургского историка В.С.Дякина. Он считал, что история вообще-то останавливается перед выбором пути не так уж часто. И в статье «Когда мы проскочили поворот?» рассмотрел два таких общепризнанных рубежа в истории России: 60-е годы XIX в. и 1905 год. Изучая подобные ситуации-развилки истории, подчеркивал Дякин, необходимо, во-первых, учесть всю сумму обстоятельств, сплетение которых определило в итоге «выбор». Во-вторых, нужно попытаться «проникнуться идеологией людей, от которых этот выбор зависел». Тогда, «быть может, невозможность для них поступать иначе, чем они поступали, выступит определенной». И может оказаться, что в представлении, согласно которому все могло быть совсем не так, как произошло, много привнесенного позднейшим опытом, а также расхожим убеждением, психологически понятным, что «золотой век» позади нас.

Можно, конечно, поступить иначе, продолжал Дякин. Можно, особенно себя не утруждая, «выбрать из клубка одну нить и сказать: вот если бы вовремя за нее потянуть или, наоборот, вовремя ее убрать, то все было бы в порядке». Так поступают нередко. Но это значит «заниматься не изучением истории, а умственными спекуляциями по ее поводу»<sup>46</sup>.

На первый взгляд, вектор мысли Дякина противоположен рекомендации Карповича, но в действительности, если вдуматься, они не так уж далеки друг от друга. Да, Карпович отстаивал допустимость в историческом исследовании «умственного эксперимента», тогда как Дякин, подобно Хеймсону, относился к «умственным спекуляциям» отрицательно, как проявлению непрофессионализма. Но ведь и Карпович не призывал ограничиваться выдергиванием «одной нити» из клубка фактов, не предлагал отказаться от конкретного анализа одновременно действующих, но разнонаправленных тенденций в живой ткани исторического процесса. А Дякин не призывал «перестать ворошить прошлое», предостерегая лишь от излишнего увлечения поисками вчерашних альтернатив. Никто не стал бы оспаривать и требование стремиться понять, какие идеи (но не только идеи) побуждали людей, в том числе тех, от кого зависели политические решения, поступать именно таким образом, как они поступали.

---

<sup>46</sup> Дякин В.С. Был ли шанс у Столыпина? СПб., 2002. С.281.

Наконец, и Хеймсон, отвергая «умственные спекуляции», постарался раскрыть в работах, на которые мы сослались, потенциал дальнейшего развития предвоенного политического кризиса в гипотетической ситуации без войны. И предложил, опираясь на труды Ф.Броделя, различать среди взаимодействовавших в российском историческом процессе факторов долговременные, краткосрочные и среднесрочные факторы – подход, нашедший понимание у отечественных историков, в том числе у Дякина<sup>47</sup>.

Удалось ли автору настоящих заметок избежать сознаваемой им опасности «умственных спекуляций» в постановке вопросов и в предлагаемых решениях, об этом пусть судит читатель.

---

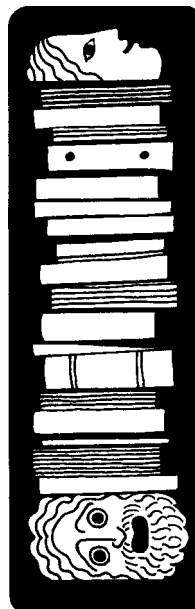
<sup>47</sup> См.: *Анатомия революции...* С.22, 51–52, 56 и др.; *Пушкарёва И.М. Февральская революция 1917 года в России: Проблемы историографии 90-х годов XX века // Россия в XX веке. Реформы и революции. Т.1. М., 2002. С.243–246.*

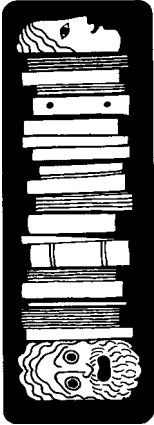
Поскольку нам, ученым, уготована трагическая участь – еще более повышать чудовищную эффективность средств уничтожения, наш самый торжественный и благородный долг состоит в том, чтобы всеми силами воспрепятствовать использованию этого оружия для тех



жестоких целей, для которых оно было изобретено. Какая задача может быть для нас более важной? Какая общественная цель может быть ближе нашему сердцу?

*Альберт Эйнштейн*





**Владимир Печатнов**

## **КАК СЦИЛАРД ПИСАЛ СТАЛИНУ**

**АКТУАЛЬНЫЙ АРХИВ**

*The article based on new documents from American archives illuminates a little-known episode of the Cold War history connected with a courageous struggle of a prominent physicist Leo Szilard to remove the threat of war and stop the nuclear arms race. It describes the story of his «Open letter to I.Stalin» of late 1947, that was preceded by internal fights among academic community and government bureaucracy. The letter itself is being published for the first time in Russia with necessary comments and background. The story of this document presents a vivid example of a collision between one of the earliest proponents of the new thinking with inertia of the Cold War policy and bureaucracy on both sides of the iron curtain.*

**К**олоритная фигура Лео Сциларда выделяется даже на фоне блестящей интернациональной плеяды ученых, поставивших энергию атома на службу человечеству. Родившись в Будапеште в 1898 году и отвовав свое в австро-венгерской артиллерии в Первую мировую, он бежал от антисемитского режима Хорти и закончил образование в Берлинском университете, где учился физике у Альберта Эйнштейна, Макса Планка и Макса фон Лауэ. В 24 года защитил докторскую диссертацию по термодинамике и стал сотрудничать с Эйнштейном, фон Лауэ и Дж. Фон Ньюманом в исследовательских и конструкторских разработках по теоретической физике. В 1933 году после прихода к власти нацистов Сцилард переехал в Англию. Именно здесь, а точнее говоря, 12 сентября 1933 года на перекрестке Саусгэмптон-роу, согласно одной из классических легенд мировой физики, произошло историческое событие. Сцилард глядел на светофор в ожидании трамвая, обдумывая только что прочитанную статью в «Таймс» Эрнста Резерфорда, в которой английский физик издевался над гипотезой о трансформации атомов как новом источнике энергии. Тут-то его и осенила идея о возможности цепной реакции путем выделения нейтронов. В следующем году Сцилард запатентовал описание цепной реакции и тщетно пытался его засекретить, прекрасно сознавая огромный разрушительный потенциал своего изобретения. Резерфорд закрыл ему дорогу в Кэмбридж, но молодой ученый продолжил свои исследования в Оксфорде. В 1936 году он безуспешно пытался убедить своих коллег, прежде всего Нильса Бора и Энрико Ферми, в возможности получения атомной энергии и необходимости засекречивания всех работ в этой области, чтобы не дать вырваться вперед физикам-атомщикам третьего рейха.

Одержимость этими двумя идеями не покидала Сциларда и в США, куда он перебрался в 1938 году. На следующий год он одним из первых назвал уран в качестве наилучшего материала для устойчивой цепной реакции и вместе с Ферми начал работу над проектированием атомного реактора, обивая пороги военных ведомств в поисках финансовой поддержки своей работы. В том же году Сцилард вместе с Эйнштейном пишет один из примечательных документов атомной эры – письмо президенту Ф.Рузвельту от 2 августа 1939 года о необходимости развертывания форсированной программы создания атомного оружия для того, чтобы опередить нацистов в этой неизбежной гонке. Это послание стало первым реальным толчком к созданию американской атомной программы, хотя военные и спецслужбы США еще долго сохраняли настороженно-подозрительное отношение к ее инициаторам – иммигрантским «инородцам», особенно к строптивому и импульсивному Сциларду.

Собирая данные о нем, ФБР осенью 1940 года секретно опросило и Эйнштейна в его принстонском доме (протокол показаний великого физика был рассекречен полвека спустя по закону о свободе информации). Сыщиков особенно интересовали политические взгляды Сциларда и его связи в Германии.



Эйнштейн был осторожен, но дал объективную и сугубо положительную характеристику своему ученику (в тексте сохранены особенности канцелярского стиля ФБР): *«Профессор Эйнштейн сказал, что Сцилард – физик-теоретик. Он заявил, что Сцилард – очень идеалистичный и не интересующийся политикой человек. По словам Эйнштейна, он не связан ни с какими организациями, обществами или политическими группами за рубежом. Он показал, что Сцилард – прекрасный и одаренный молодой*

*человек, что он абсолютно честен, надежен и заслуживает полного доверия; поэтому Эйнштейн готов рекомендовать его правительству Соединенных Штатов с самой лучшей стороны. Профессор Эйнштейн заявил, что готов рекомендовать Сциларда безо всяких колебаний и взять на себя любую ответственность за его поведение. Он сказал, что Сцилард – такой же антинацист, как и он сам, а кроме того – ярый сторонник демократической партии. Он также показал, что, по его мнению, правительство Соединенных Штатов может во всем доверять Сциларду и не опасаться того, что Сцилард может передать какую-либо секретную информацию иностранному государству»*. Иными словами, сотрудников ФБР волновало то же, что и самого Сциларда, – угроза утечки секретной научной информации к врагу!

Несмотря на такие рекомендации, Сцилард так и не был допущен к сердцу «Манхэттенского» проекта, запущенного на полную мощность с 1942 года. Его военный руководитель, генерал Л.Гровс, явно недолюбливал всю «венгерскую тройку» (Сциларда, Э.Теллера и Ю.Вигнера), но особенно – первого, которого даже предлагал интернировать на все время

---

<sup>1</sup> F.B.I. interview with Albert Einstein. November 1, 1940 // [www.dannen.com/eistein.html](http://www.dannen.com/eistein.html)

войны. Тем не менее, Сцилард работал над конструкцией атомного реактора в «Металлургической лаборатории» Чикагского университета и сделал там несколько важных открытий (одно из них связано с повышением энергии атомных ядер под воздействием радиации – так называемые «поправки Сциларда»). К концу войны, когда ослабла угроза нацистского атомного прорыва, ученого стала всерьез тревожить другая опасность – боевое применение атомной бомбы Соединенными Штатами и его последствия для советско-американских отношений и всего мира.

В марте 1945 года Сцилард попытался довести до сведения Рузвельта свой меморандум, в котором предупреждал президента о том, что использование атомной бомбы против японских городов спровоцирует гонку атомных вооружений с Советским Союзом и это будет слишком дорогой ценой за ускорение разгрома Японии. При посредничестве Элеоноры Рузвельт встреча с президентом была назначена на май, а 12 апреля Рузвельта не стало. Сцилард запросил встречу с Г.Трумэном, но Белый Дом переадресовал ученого Джеймсу Бирнсу, который готовился стать государственным секретарем. Бирнс, следуя рекомендациям Гровса, отвел доводы Сциларда заверениями в том, что ввиду отсутствия запасов урана и общей научно-технической отсталости СССР еще не скоро овладеет атомным оружием, а между тем демонстративное применение бомбы американцами поможет сделать русских сговорчивей в Восточной Европе. «Я, – вспоминал потом Сцилард, – не мог понять, каким образом наше сидение на куче бомб, которые мы все равно не сможем использовать, может произвести такой эффект; на мой взгляд, эффект скорее мог быть обратным»<sup>2</sup>. Но Бирнс был непреклонен, и подготовка к Хиросиме пошла полным ходом.

Последней серьезной попыткой остановить этот процесс стал так называемый «доклад Франка» – группы из семи ведущих ученых «Металлургической лаборатории» во главе с нобелевским лауреатом Дж.Франком, – окончательная редакция которого принадлежала неугомонному Сциларду. Этот документ развивал исходную аргументацию меморандума Сциларда для Рузвельта в целостную альтернативу позиции Белого Дома, предусматривавшую оповещение Советского Союза об американских работах в области атомной энергии и привлечение его к совместной разработке системы международного контроля над ней<sup>3</sup>.

---

<sup>2</sup> *U.S. News & World Report. August 16, 1960.*

<sup>3</sup> *См.: Мальков В.Л. «Манхэттенский» проект. Разведка и дипломатия. М., 1995. С.100–101.*

Доклад был подготовлен в начале июня и предназначался военному министру Г.Стимсону, но тот так и не принял его авторов.

Тогда Сцилард решился на действительно отчаянный шаг – направить президенту Трумэну петицию от имени как можно более широкого круга ученых, участников «Манхэттенского» проекта, с настоятельной просьбой отказаться от атомной бомбардировки японских городов. 4 июля он разослал своим коллегам из лабораторий в Лос-Аламосе и Оук-ридж текст петиции, составленной целиком в духе морального протеста. Петиции было предпослано сопроводительное письмо Сциларда, ключевой пассаж которого гласил: «Многие из нас склонны считать, что индивидуальные немцы несут ответственность за преступления Германии в ходе войны, поскольку они не выступали против таких действий. Их самооправдание – что-де эти протесты ничего бы не изменили – кажется нам неприемлемым, хотя подобные протесты были связаны с несомненным риском для жизни и свободы этих немцев. Мы же с вами в состоянии протестовать, не подвергая себя никакому риску, хотя и можем вызвать неудовольствие тех, кто сейчас управляет работой по атомной энергии. Тот факт, что народ Соединенных Штатов не ведает о стоящем перед нами выборе, увеличивает нашу ответственность, поскольку те, кто работает в атомном проекте, являются той единственной частицей этого народа, которая в состоянии составить обоснованное мнение и заявить о своей позиции по этому вопросу»<sup>4</sup>. Петицию подписали 69 человек (почти все – коллеги автора по «Металлургической лаборатории»), хотя из авторитетов первой величины поставить свою подпись под ней решился лишь давний друг Сциларда Вигнер. Осторожность была не напрасной – подписанты действительно «вызвали неудовольствие» начальства: многие из них были вскоре под разными предлогами отстранены от дальнейшего участия в стратегическом проекте<sup>5</sup>.

Атомная бомбардировка японских городов с ее огромными жертвами среди мирного населения для Сциларда, по его собственным словам, означала «конец иллюзии» о том, что американское правительство в отличие от правительств других стран руководствуется соображениями морали, а не политической выгоды. Годы спустя он подтвердит, что его предвидение полностью оправдалось: Хиросима и Нагасаки не только ухудшили отношения Америки с Советским Союзом и развязали гонку атомных вооружений, но и нанесли большой ущерб моральному авторитету

---

<sup>4</sup> *Szilard petition, cover letter. July 4, 1945 // National Archives (далее – NA). Record Group (далее – RG) 77. Harrison-Bundy File, folder 76.*

<sup>5</sup> *Ibid.*; [www.dannen.com/decision/45-07-17.html](http://www.dannen.com/decision/45-07-17.html)

тету Америки в мире, «создав прецедент использования атомной энергии в целях разрушения»<sup>6</sup>.

Сам Сцилард вскоре окончательно расстался с атомной бомбой, став профессором биофизики Чикагского университета. Более того, в том же, 1946, году он вместе с Эйнштейном, Л.Полингом, Г.Бете и другими учеными основал первую антиядерную общественную организацию США – Чрезвычайный комитет ученых-атомщиков, а в 1947 году и вовсе переключился на молекулярную биологию. Именно в этот год решающего поворота к холодной войне, отмеченного доктриной Трумэна и планом Маршалла, Сцилард затеял новые «мирные происки», на сей раз – на советском направлении.

В этом он был не одинок. Разворот политики США от союза к вражде с СССР порождал в стране большие споры и опасения. Мирные инициативы либеральных и пацифистских организаций, а также отдельных общественных деятелей, направленные на улучшение отношений с СССР, доставляли тогда немало хлопот американским властям. Страх перед угрозой новой большой войны, надежда на мирное урегулирование советско-американских разногласий, понимание тупиковости создавшейся ситуации – мотивы этих инициатив были столь же разнообразны, сколь и содержавшиеся в них рецепты. Авторитетный правовед-международник и юридический партнер Д.Ачесона Г.Кларк предлагал установить контроль ООН над важнейшими морскими проливами и нефтересурсами Ближнего Востока, чтобы обеспечить равный доступ к ним Советского Союза<sup>7</sup>. Национальная организация квакеров разработала целую программу «мирного сосуществования» между СССР и США, включавшую нейтрализацию и объединение Германии<sup>8</sup>. Вдова Ф.Рузвельта Элеонора – официальный представитель США в комитете ООН по правам человека – энергично отстаивала в кругах администрации идею прямых переговоров со Сталиным<sup>9</sup>.

Побуждения Сциларда были ясны и как всегда последовательны: он опасался, что дальнейший дрейф советско-американских отношений к конфронтации при наличии у США атомного козыря грозит вылиться в тотальную разрушительную войну с применением атомного оружия.

---

<sup>6</sup> *U.S. News & World Report. August 16, 1960.*

<sup>7</sup> *G.Clark to G.Marshall, March 4, 1948 // NA. RG 59. Decimal File (далее – DF), 711.61/3-448.*

<sup>8</sup> *C.Pickett to D.Acheson. July 15, 1949 // Ibid. 711.61/7-1549.*

<sup>9</sup> *Ch.Bohlen for the Secretary. March 30, 1948 // NA. RG 59. Records of Ch.Bohlen, General Correspondence. Box 1A.*

Потеряв надежду на изменение американской политики изнутри, он решил попробовать воздействовать на нее извне – через Сталина. Советский Союз, как отстающая сторона в атомной гонке, полагал ученый, должен быть более заинтересован в мирном урегулировании разногласий, чем Соединенные Штаты. К тому же советскую политику было легче повернуть, чем американскую, – достаточно было убедить в этом самого Сталина. Так возник смелый план – подвигнуть кремлевского диктатора на прямое обращение к американскому народу через голову правительства США с изложением советской программы послевоенного урегулирования.

Законопослушные американцы, как правило, сначала обращались со своими мирными проектами в госдепартамент в надежде получить поддержку или хотя бы разрешение на обнародование своих идей или на открытое обращение к советскому лидеру. Реакция госдепартамента варьировалась по форме и степени вежливости в зависимости от калибра инициаторов (самым маститым из них отвечал лично госсекретарь), но была неизменно отрицательной по сути – со ссылками на «нецелесообразность», «несвоевременность» или «нереалистичность» предлагавшихся мер<sup>10</sup>. Сцилард тоже пошел этим законопослушным путем, тем более что планировал обратиться к Сталину через конфиденциальные каналы, не без основания полагая, что в таком случае его предложение будет воспринято в Кремле более серьезно.

В конце октября 1947 г. он составил проект послания Сталину (пока в виде статьи для «Бюллетеня ученых-атомщиков») и направил его госсекретарю Дж.Маршаллу и министру юстиции Т.Кларку. Последний формально был главным адресатом, поскольку сношения частных лиц с главами иностранных государств были ограничены законом Логана от 1799 г., и Сцилард хотел избежать возможных неприятностей с американским правосудием. «Если это будет сочтено возможным, – писал он Кларку, – то я бы хотел написать письмо м-ру Сталину на основе этой статьи и найти способ передать его через какого-либо известного Сталину видного деятеля. Надеюсь, что в таком случае он лучше поймет ту тревогу, которая побудила меня к написанию этого письма, и со вниманием отнесется к его содержанию». При таком варианте, добавлял Сцилард небольшую приманку для начальства, он будет готов отложить публикацию своей статьи «на неопределенный срок»<sup>11</sup>. В письме Мар-

---

<sup>10</sup> *G.Marshall to G.Clark. March 11, 1948 // NA. RG 59. DF, 711.61/3-1148; F.Reinhardt to D.Rusk, August 22, 1949 // Ibid. 711.61/8-2249; 711.61/3-448.*

<sup>11</sup> *L.Szilard to T.Clark. October 25, 1947 // Ibid. 711.61/10-2547.*



шаллу Сцилард просил госсекретаря рассмотреть его просьбу «по существу» и высказать свое мнение министру юстиции, без чего последнему «будет труднее положительно ответить на мой запрос». Физик подчеркивал, что не просит никакой официальной поддержки своей позиции внешнеполитическим ведомством и специально обратился за официальным разрешением в министерство юстиции, дабы «не причинять неудобств госдепартаменту»<sup>12</sup>.

Для придания большей весомости своей инициативе Сцилард заручился поддержкой Чрезвычайного комитета ученых-атомщиков и лично его председателя – Эйнштейна. В архиве госдепартамента сохранилось письмо Эйнштейна Маршаллу следующего содержания:

*«Дорогой господин госсекретарь!*

*Наш коллега, доктор Лео Сцилард, чья глубокая заинтересованность благополучием свободных народов проявилась, в частности, в его очень существенном вкладе в создание атомной бомбы, ознакомил нас – попечителей Чрезвычайного комитета ученых-атомщиков – со своим письмом, написанном для передачи м-ру Сталину. Мы хотим поддержать его просьбу о получении разрешения на передачу этого письма м-ру Сталину через выбранный им канал. При этом комитет отмечает, что обращение д-ра Сциларда является его личной инициативой и не обязательно отражает мнение самого комитета. Тем не менее комитет полагает, что при нынешнем состоянии международной обстановки личная инициатива такого рода заслуживает попытки, хотя шансы на ее успех могут быть очень невелики»<sup>13</sup>.*

Министерство юстиции, как и предполагал Сцилард, передоверило рассмотрение его просьбы госдепартаменту. Внимательно проанализировав текст послания, юрисконсульт внешнеполитического ведомства Э.Грогс совместно с его ведущим экспертом по советским делам Ч.Боленом подготовили отрицательное заключение на запрос Сциларда. Мотивировка была вполне предсказуемой: «Поскольку выдача разрешения или полномочий д-ру Сциларду на передачу его письма Сталину не поможет урегулированию затронутых в нем проблем и будет истолкована как согласие с выраженными в нем взглядами, такой шаг не соответствовал бы национальным интересам»<sup>14</sup>. Соответствующий ответ с более округлыми формулировками и был направлен Сциларду за подписью первого заместителя госсекретаря Р.Ловетта.

<sup>12</sup> L.Szilard to G.Marshall. October 25, 1947 // Ibid.

<sup>13</sup> A.Einstein, Ph.Morse to G.Marshall. October 11, 1947 // Ibid. 711.61/10-1047.

<sup>14</sup> E.Grogs to R.Lovett. November 10, 1947 // Ibid. 711.61/10 – 1147.

Наталкиваясь на подобную реакцию со стороны властей, миротворцы-любители, как правило, замолкали и отказывались от дальнейших попыток осуществления своих проектов. Но Сцилард был не робкого десятка. Не добившись официального разрешения на прямой контакт со Сталиным, он решил обратиться к нему публично: в ближайшем (декабрьском) номере «Бюллетеня ученых-атомщиков» было опубликовано его послание диктатору. Мало этого – Сцилард предпослал этой публикации свое упомянутое письмо министру юстиции, разгласив тем самым всю закулисную историю с запретом на свой запрос. Кроме того, он опубликовал там же свое письмо в редакцию журнала, в котором изложил собственные мотивы и ответ критикам из числа своих коллег, ознакомившихся с текстом до его публикации.

Главным вопросом критиков было: «Почему вы обращаетесь к Сталину, а не к президенту Трумэну?» При этом критики слева, писал Сцилард, имели в виду, что «тем самым я признаю, что Сталин является главным препятствием к достижению мира, и игнорирую действия нашего собственного правительства, которые способствовали созданию нынешней тревожной ситуации или даже несут за это главную ответственность». Критики же справа говорили прямо противоположное: обращение к Сталину предполагает, что по сравнению с Трумэном «он либо больше стремится к миру, либо лучше знает, как его можно достигнуть, и более способен осуществить необходимые для этого изменения».

Первым Сцилард отвечал следующее: «Я не обращаюсь к президенту Трумэну потому, что, во-первых, не имею никакой уверенности в том, что если он сделает развернутое предложение по урегулированию послевоенных проблем, то русское правительство ответит на это положительно... С другой стороны, я знаю, как американский народ среагирует на подобный новый подход со стороны русского правительства». Кроме того, писал Сцилард, «я не верю, что администрация в силах предложить удовлетворительное решение проблем без полной поддержки американского народа», а такая поддержка возможна «только если народ поверит, что русское правительство готово к сотрудничеству».

Для критиков справа у Сциларда был свой контраргумент: поскольку Сталин действует согласно своим, а не американским взглядам, необходимо убедить его в том что если у него есть программа выхода из кризиса, то он может предложить ее американскому народу как главному источнику власти в стране<sup>15</sup>.

---

<sup>15</sup> *Comment to the Editors by Dr.Szilard // Bulletin of the Atomic Scientists. December 1947. P.350, 353.*

Свое предисловие к «письму» Сциларда дала и редколлегия «Бюллетеня». Суммируя взгляды автора и его единомышленников, она отмечала, что причины их скепсиса в отношении политики Белого Дома «не идеологические симпатии или политическая близорукость, а трезвое понимание того, что в век атомной и бактериологической войны никакое "сдерживание" не может удержать страну с промышленным и научным потенциалом СССР от вызова остальному миру». «Д-р Сцилард, – раскрывала редколлегия логику замысла физика, – видит в советском руководстве и американском народе основные движущие силы на мировой арене... он считает, что именно потому, что шансы сохранить мир стали столь малы, необходимо испробовать любой мыслимый подход, чтобы найти выход из тупика. В отличие от многих, которые довольствуются ожиданием чуда, он считает своим долгом что-то сделать для того, чтобы оно произошло»<sup>16</sup>. Трудно было лучше передать смысл и гражданственный пафос сцилардского проекта.

С таким мощным аккомпанементом статья и была опубликована, вызвав сильное раздражение в госдепартаменте и большие споры в научных и общественных кругах США. Однако в гущающейся атмосфере быстрого роста антисоветских настроений открыто поддержать Сциларда отважились лишь немногие; остальным его призыв казался в лучшем случае наивным чудачеством, а в худшем – сознательным пособничеством врагу. В Советском же Союзе он вообще не был услышан.

У нас нет данных о том, дошло ли это письмо до главного адресата, но даже если Сталин и был проинформирован об обращении к нему Сциларда, то вряд ли он отнесся к этому серьезно. Во-первых, было ясно, что за приглашением автора письма выступить перед американским народом не стоит ничего, кроме частного мнения известного своим диссидентством ученого. Во-вторых, сама идея прямого обращения к американской аудитории вряд ли могла импонировать великому диктатору: хотя он знал толк в пропаганде и изредка давал скупые миролюбивые интервью заокеанским журналистам, регулярное общение с американским народом явно не было его стихией. К тому же Сталин не верил в силу общественного мнения США, искренне полагая, что страной управляют монополии и их наемные слуги-политики. Еще меньше энтузиазма могло вызвать у него другое предложение Сциларда – о проведении неформальных встреч ученых-атомщиков обеих стран для обсуждения политических проблем. Советские физики могли «наболтать лишнего»,

---

<sup>16</sup> *Ibid.* P.350.

быть завербованы врагом или просто остаться за границей – недаром практически все прямые научные контакты с Западом к тому времени были свернуты по указаниям Кремля. Словом, чуда не произошло...

Сейчас, по прошествии многих лет, послание Сциларда прочитывается как нечто большее, чем просто утопический курьез, безнадежно далекий от мира реальной политики с ее культом военного превосходства и силовых решений, приматом политической целесообразности над соображениями морали. Яснее видны прозрения выдающегося ученого, его (говоря словами В.Л.Малькова) «неортодоксальное понимание общечеловеческого масштаба (атомной) проблемы и вера в спасительную миссию небюрократического гуманистического сознания, способного реалистически оценить пути к компромиссу через разумный диалог, переговоры и снижение уровня идеологической конфронтационности»<sup>17</sup>.

Этой благородной миссии Сцилард остался верен до конца своих дней. В 1949–1950 годах он публично выступал против создания ядерного оружия; в 1957–1958 годах стал активным участником Пагоушского движения, воплотившего его замысел об интернациональном сообществе ученых в борьбе за мир; в 1960 году встречался с Н.С.Хрущевым и предложил ряд мер по улучшению советско-американских отношений, включая создание «горячей линии» между Москвой и Вашингтоном. В 1962 году Сцилард основал «Совет за уничтожение войны», позднее переименованный в «Совет за жизнеспособный мир» и ставший одной из ведущих антивоенных организаций Америки, которая борется за запрещение оружия массового уничтожения. Во время Кубинского кризиса ученый пытался предотвратить третью мировую войну путем личной дипломатии между СССР и США. Умер Сцилард в 1964 году в Калифорнии.

## **ПИСЬМО СТАЛИНУ**<sup>18</sup>

Я решил написать это письмо ввиду своей глубокой озабоченности ухудшением российско-американских отношений, а также потому, что знаю, что побудившие меня к этому чувства разделяются большинством ученых-атомщиков, которые активно заинтересованы в вопросах публичной политики.

---

<sup>17</sup> Мальков В.Л. Указ. соч. С.223.

<sup>18</sup> Перевод автора по тексту из: *Bulletin of the Atomic Scientists (December 1947. P.347–349, 376).*

Неуклонное ухудшение российско-американских отношений имеет много тревожных аспектов, но, пожалуй, самый серьезный из них – это долговременное воздействие, которое оно может оказать на умы американского народа, народов Европы и всего мира.

Здесь, в Америке, в частных разговорах мне все чаще приходится слышать, что война с Россией является неизбежной. Причем это говорят люди, способные к независимому мышлению, чьи взгляды не определяются тем, что они читают на редакционных полосах газет. Для меня это симптом большой опасности, поскольку, если американский народ уверится в неизбежности войны, она действительно станет неизбежной.

Есть и те, которые считают скорую войну с Россией маловероятной по той простой причине, что Россия пока слишком слаба, чтобы начать войну, а США не сделают этого, поскольку до сих пор они никогда не развязывали превентивной войны. В самом деле, подобных прецедентов еще не было; но не было такой ситуации, когда американцы бы опасались, что если они останутся пассивными в условиях нынешнего шаткого мира, то доживут до времени, когда война, если она разразится, захватит и их территорию.

Я не хочу сказать, что Соединенные Штаты могут начать превентивную войну против России в течение ближайшего полугодия; речь идет лишь о том, что при сохранении существующей тенденции за это время в умах американцев могут произойти роковые изменения и тогда будет уже слишком поздно исправлять ситуацию. После этого станет вопросом времени, возможно, нескольких быстротечных лет, когда судьба мира окажется в руках либо какого-нибудь югославского генерала на Балканах, либо какого-то американского адмирала в Средиземном море, который сознательно или по ошибке создаст инцидент, неизбежно ведущий к войне. Если нынешняя тенденция продлится еще полгода, то дальнейшее развитие событий, скорее всего, выйдет из-под контроля правительств обеих стран.

Главная причина такого положения – отсутствие ощутимого прогресса в урегулировании разногласий на протяжении двух лет, прошедших с окончания войны. Россия и США оказались в тупике.

Все это не удивляет тех из нас, кто работал в области атомной энергии в годы войны и имел возможность задуматься о последствиях появления атомной бомбы. С самого начала было ясно, что наличие бомбы и то, как она была использована, сделают урегулирование не легче, а труднее. Мы знали, что спасти мир от новой войны можно будет только если и США, и Россия смогут приподняться над сложившейся ситуацией, а для этого кому-то из них придется показать пример.

Подобные ситуации имеют исторические прецеденты; нечто похожее бывает и между людьми, как, например, случай из моей жизни, который произвел на меня неизгладимое впечатление. В 1930 году, через двенадцать лет после окончания Первой мировой войны, я встретил своего школьного товарища, и мы заговорили о том, что произошло за это время. Он был лейтенантом австрийской армии и в последние дни войны командовал патрулем в Карпатах. Как-то утром они услышали о подписании перемирия, но из-за отсутствия связи не могли подтвердить эту информацию. Совершая свой обычный патрульный маршрут, на выходе из леса они неожиданно столкнулись лицом к лицу с русским патрулем во главе с офицером. Оба офицера схватились за револьверы, и патрули замерли в напряженном ожидании. Вдруг русский офицер улыбнулся и отдал честь. Мой друг последовал его примеру, и оба патруля развернули своих лошадей. «До сих пор, – сказал мне мой друг, – я жалею, что не отдал честь первым».

Возможно, этим своим письмом я хоть немного исправлю промах своего друга, поскольку в эти беспокойные времена написать подобное послание для американского ученого тоже связано с некоторым риском.

Россия и Америка сегодня стоят лицом к лицу, и каждая из них опасается возможного политического хода другой. Американский народ хочет мира; того же хотят и русские. По-моему, и Россия и Соединенные Штаты хотят мира не просто на следующие 5-10 лет, а мира навсегда. А если это действительно так, то мир еще можно сохранить и сделать это можете именно Вы.

В Вашей власти преодолеть тупик и тем самым сделать возможным изменение во внешней политике США; но Вы суме-

те это сделать только если решитесь отбросить старомодные оковы дипломатии.

Россия и США зашли в тупик практически по всем вопросам переговоров последних лет. По каждому из них у России, как и у Соединенных Штатов, могут быть вполне основательные причины для упорствования, и я не собираюсь предлагать Вам пойти на те или иные уступки или начать «умиротворение» США.

### **Предлагаемый подход**

В этом письме я предлагаю серию взаимосвязанных шагов, которые под силу только Вам. Поскольку они очень необычны, эти предложения многим могут показаться донкихотством, а некоторым – и чем-то смехотворным. Для Вас они могут явиться шоком, как и для некоторых моих соотечественников, которые прочтут эти строки. Но сейчас не время медлить из-за боязни насмешек или необоснованных обвинений.

Мое первое предложение состоит в том, чтобы Вы лично и напрямую поговорили с американским народом. То, что Вы им скажете (а возможно, будете говорить каждый месяц), станет важной новостью, а значит – будет подхвачено радиостанциями и газетами США. Вы, конечно, захотите говорить на русском, но Ваш переводчик донесет Вашу речь слово за словом на английском. Она может быть записана заранее и обнародована одновременно в России и США.

Американцы слушают выступления своих президентов потому, что слова лидеров могут повлиять на их жизнь; поэтому они будут слушать и Вас, но с одной существенной разницей: Вы будете говорить как глава иностранного государства и Ваша речь не произведет эффекта, если не покажется абсолютно искренней. Только искренность Ваших слов и доводов может гарантировать, что они дойдут до слушателей. Если же Ваши обращения к Америке будут полностью доведены и до граждан России, то американцы скорее поверят в Вашу искренность.

В нее поверят еще больше, если Вы пригласите президента Соединенных Штатов обратиться к русскому народу на тех же условиях, которые будут предоставлены Вам. Все информационные средства Америки будут в Вашем распоряжении при условии, что они не будут использоваться в целях пропаганды.

Так или иначе, Вы, конечно, будете услышаны американцами. Но воздействие Ваших слов будет зависеть от содержания и тональности этих выступлений. Что же можно сказать об их содержании?

Я бы считал, что, прежде всего, следовало бы изложить американскому народу ясную картину общего урегулирования в рамках послевоенного переустройства мира – урегулирования, которое позволило бы России и США жить в мире друг с другом. Для начала Вы сможете дать лишь общие контуры этой картины, наполняя их затем конкретным содержанием, возможно и с помощью дополнительных официальных сообщений. Завершив этот процесс, Вы представите американцам не просто свое видение послевоенного мира, но и по сути Ваше предложение о путях его достижения.

Вы можете задать вполне резонный вопрос, не повредит ли такое одностороннее предложение, особенно если оно будет великодушным, Вашим шансам в последующих переговорах? Однако Вы сразу же можете прояснить, что Ваше предложение должно рассматриваться целиком и возможные уступки с советской стороны должны быть уравновешены равноценными уступками со стороны США. При ясном понимании этих условий Вам можно будет не скрывать свои карты для последующего торга.

Таким образом, Вы сможете убедить американский народ в том, что, по Вашему мнению (как и в самой жизни), частное предпринимательство и русская экономическая система вместе со смешанными формами организации экономики могут процветать бок о бок; что Россия и США могут составлять один и тот же мир и что «единый мир» не обязательно должен быть единообразным. До тех пор, пока русский и американский народы не убеждены в такой возможности, мы будем продолжать идти к войне, а не к миру.

Мне приходится слышать, что ныне в России авторитетные люди отстаивают прямо противоположную точку зрения. Если же и в Америке, и в России воспримут как истину то, что в силу каких-то неумолимых законов война между нашими странами является неизбежной, то те американцы, которые сейчас трудятся на благо мира, станут считать, что они просто оттягивают войну, которая будет тем ужасней, чем позже она настанет.



### **Ожидаемый ответ**

Естественно, Вы захотите знать, как отреагирует американский народ, если Вы решитесь проявить инициативу и принять новый подход к Соединенным Штатам. Сможете ли Вы переломить нынешнюю тупиковую ситуацию и вызвать поворот во внешней политике США?

В нашей стране огромное количество людей, искренне встревоженных быстрым ухудшением российско-американских отношений. Многие из них в душе испытывают глубокие сомнения в разумности нынешнего внешнеполитического курса США и одновременно столь же не доверяют и русской политике. Главное, что мешает им выступать за смену нынешнего курса, – это отсутствие в их глазах ясной и практической альтернативы такому курсу. Более того, они вполне могут считать, что любые попытки его изменения обречены на провал до тех пор, пока ваши представители продолжают публично придерживаться линии, неприемлемой для подавляющего большинства американской общественности.

Если Вам удастся сформулировать реальные решения послевоенных проблем и донести их до американского народа, то по мере Ваших выступлений и разъяснений перед американцами откроется полная картина приемлемого урегулирования. Как только Вы ее детализируете и тем самым предложите развернутую альтернативу, будет устранено главное препятствие на пути разблокирования ситуации.

Это должно возыметь прямое и немедленное воздействие на внешнюю политику США. Большинство американцев считает, что ее руководители были вынуждены прибегнуть к нынешнему курсу, поскольку не видели ему реальной альтернативы. Их считают людьми доброй воли, которые могут изменить свою политику, если увидят подходящий выход из нынешнего тупика.

Вы можете не согласиться с этим мнением. Но в любом случае Вам вполне под силу предоставить американскому народу выбор между двумя альтернативными курсами внешней политики. А если у него будет выбор, то он – как я горячо надеюсь – выберет курс в пользу мира. В этом своем выборе люди используют все доступные механизмы воздействия общественного мнения на политику правительства. И тогда те, кто стоит у ее руля, должны будут, говоря сло-

вами м-ра Стимсона, «либо сменить свой настрой, либо потерять работу».

В своем «письме» я пытаюсь решить проблему коммуникации, которая может оказаться неразрешимой. Мы в Америке имеем примитивное и упрощенное представление о том, как принимаются решения в России. У Вас в России может быть похожее представление в отношении Америки. Поэтому русским может быть трудно согласиться с основной презумпцией этого «письма» о том, что в Америке главный политический фактор – это настроения и мнения людей, составляющих американское общество и что эти настроения и мнения в определенных обстоятельствах могут иметь решающее значение. Но, даже если у этого «письма» был только бы один шанс из тысячи на то, чтобы его серьезно рассмотрели в России, я бы все равно предпочел написать его, нежели оказаться виновным в том, что видел приближающуюся катастрофу, но даже не пошевелил пальцем, чтобы ее предотвратить.

Если все-таки будет сочтено, что предложенные в этом «письме» меры достаточно эффективны при умелом воплощении, то будет необходимо решить проблемы такого воплощения. Трудности нахождения адекватного решения послевоенных проблем, приемлемого для обеих сторон и остального мира, усугубляются отсутствием обмена мнениями между американцами и русскими, не связанными необходимостью представлять точку зрения своего правительства. Наверное, понятно, что это особенно важно для ученых-атомщиков, которые должны задуматься о том, как помочь наладить такой обмен мнениями. Трудности, стоящие на пути его достижения, вполне очевидны. Но с учетом их особой ответственности было бы естественно, если бы ученые-атомщики подключились к важным усилиям, направленным на достижение прочного мира.

Общий настрой, лежащий в основе этого «письма», разделяется, как мне хорошо известно, большинством ученых-атомщиков, активно интересующихся политическими проблемами. Но конкретные мысли автора, как и само решение его написать, принадлежат только мне, и я не выступаю от чьего-либо имени, кроме своего собственного.

### Постскрипtum

Сделав ряд конкретных предложений о действиях, которые Вы, возможно, согласитесь предпринять, я хочу пойти несколько дальше, рискуя выйти за рамки основной темы «письма». Подавляющее большинство политически активных ученых-атомщиков свободно от каких-либо антирусских предубеждений и не включает в себя коммунистов в прямом или косвенном смысле этого понятия. Если меня попросят, я бы попробовал организовать из их числа комитет, который в качестве инициатора созвал бы группу американских граждан из самых разных сфер жизни – людей, озабоченных благосостоянием не только Америки, но и остального мира, включая Россию. Такая группа могла бы встретиться с аналогичными группами из других стран: Великобритании и Франции – с одной стороны, и России, Польши и Чехословакии – с другой. Русские ученые, конечно, приняли бы в этом участие при Вашей поддержке; ученые остальных стран также наверняка бы согласились помочь в организации такой встречи.

Если бы такая интернациональная группа частных лиц смогла свободно обсудить стоящие перед миром проблемы, то после неизбежных затруднений могло бы быть найдено смелое и конструктивное решение, вокруг которого затем могло бы сплотиться и мировое общественное мнение. При переговорах между правительствами обсуждению всегда мешает боязнь ослабить свою позицию уступками. Но в условиях неформальной межличностной дискуссии спорные вопросы могут быть рассмотрены в более широком контексте, что позволит устоять их подлинные пропорции.

Важно, чтобы в таких дискуссиях приняло участие достаточное количество разных по своим взглядам участников, которые будут свободно выражать свое личное мнение без оглядки на официальные позиции своих правительств. В такой обстановке может возникнуть свободный поток мысли, образующий ценный фонд полезных идей и предложений, которые затем могут быть использованы правительствами в официальных переговорах. Само собой разумеется, что в этих дискуссиях не должно быть никакого раскрытия информации из области атомной энергии.

Я думаю, что, когда излагают историю дипломатии или вообще историю, наблюдая за участниками событий и за образом их мысли, нет никаких оснований быть необъективным, то есть принимать сторону участников событий. Я говорю, что в этом нет *логической необходимости*. Парадоксальный тезис, который я намерен защищать, состоит в том,

что *логически* объективность, то есть  
беспристрастность, особенно возможна  
тогда, когда речь идет о рассказе событий  
и о восстановлении решений  
их участников. <...> Историк, по крайней  
мере, длительное время искал, как  
следователь, ответственных за события.

*Реймон Арон*



Надежда Аблова



**О НОВЫХ ПОДХОДАХ  
К ИЗУЧЕНИЮ  
И ПРЕПОДАВАНИЮ  
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ  
РОССИИ**

РЕДАКЦИОННАЯ ПОЧТА

*In her review of «Foreign policy of Russia and international systems: 1700 to 1918» by Professor V.V.Degoiev the author calls attention to the fact that the books is not a simple textbook on history of foreign policy and the European diplomacy. It is a genuine investigation which gives an impetus to further study of history of foreign relations. The work has obvious importance not just in scientific way as well as in political sense, particularly so in connection with the goal Russia faces nowadays: that of preservation of its own unity. The author also notes the exciting manner of narrative which is made in brilliant standard Russian language.*

Следует признать, что тематика, связанная с историей внешней политики России, если и не прямо провозглашается, то как бы негласно считается не самой благодатной сюжетной базой для крупных творческих прорывов. Многие исторические работы по данной проблематике выполнены на профессионально добротном или даже высоком уровне. Отдельные из них отличает подлинная фундаментальность в том, что касается объема и качества выявленного и проанализированного материала, основательности поставленных исследовательских задач, глубины их осмысления. Однако назвать эти труды (за вычетом, да и то весьма редким, биографий политиков и дипломатов) захватывающим чтением нельзя. Так уж повелось, что в подобных трудах, особенно обобщающего характера, форма и содержание существовали порознь, зачастую конфликтуя друг с другом, с неминуемыми в таких случаях обоюдными потерями. Яркие и новаторские по сути идеи просто растворялись в тяжелом и абсолютно невыразительном языке, умение изъясняться на котором почему-то почиталось за хороший «научный» тон.

В этом плане блестящее и до последнего времени, пожалуй, единственное исключение составляла советская «История дипломатии». Однако сегодня она во многом безнадежно устарела, что явно бросается в глаза при сопоставлении ее с современным источниковедческим и методологическим уровнем мировой исторической науки.

Идея создания чего-то подобного по форме, но с неизменным переосмыслением содержания в соответствии с новой научной повесткой дня витала в воздухе. Рано или поздно она должна была осуществиться. Поэтому меня не удивил ни выход в свет книги профессора В.В.Дегоева «Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг.»<sup>1</sup>, ни даже тот факт, что это издание, как явствует из титульного листа, предназначено для студентов. Поначалу я усмотрела в грифе «Учебное пособие» изрядную долю авторского лукавства. Книга показалась слишком сложной для учащейся (и, кстати, сдающей экзамены по типовым программам) публики. Потом подумалось: а какой смысл в том, чтобы искусственно занижать образовательные стандарты для наших студентов вместо того, чтобы поднимать их до планки, давно уже уста-

---

<sup>1</sup> Дегоев В.В. *Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг.: Учебное пособие*. М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России; Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 496 с.

новленной лучшими университетами Запада. Во всяком случае, мой собственный опыт позволяет утверждать, что мы, преподаватели вузов, очень часто недооцениваем способности своих студентов и их растущую потребность в новом качестве и в новом типе знаний.

Я и раньше порывалась предложить коллегам нечто вроде дискуссии по вопросу о том, как лучше преподавать молодому поколению историю России, включая ее внешнеполитическую составляющую. Прекрасный повод для этого, давно наболевшего разговора дает книга В.В.Дегоева, – яркое событие в историографии международных отношений, не только российской, но и мировой в целом.

Работу отличает четкая и прекрасно продуманная структура. Периодизация истории внешней политики Российской империи на фоне и в контексте развития систем международных отношений хорошо аргументирована и представляется весьма убедительной. Несмотря на хронологические рамки учебного пособия – 1700–1918 гг., автор счел необходимым дать краткий, но емкий обзор русской внешней политики в доимперский период (X–XVII вв.), что позволяет читателю проследить огромный исторический путь, который проделала Россия «от скромного по значению Киевского раннефеодального государства до необозримой империи, являвшейся неотъемлемой частью и едва ли не самым влиятельным фактором мировой политики и геополитики» (с.467). Книга по содержанию шире указанных на титуле названия и вида издания. Во-первых, это еще и учебник по истории европейской дипломатии (а не только по истории внешней политики России и международных отношений), во-вторых, настоящее исследование, ставящее массу дискуссионных вопросов и дающее мощный импульс дальнейшему изучению истории международных отношений, позволяющее отказаться от идеологизированных и субъективных оценок, до сих пор сохраняющихся в исторической науке. Автор нашел действенную формулу рассмотрения событий международной жизни, которая сводится к следующему: показ сути взаимоотношений великих держав по конкретной международной проблеме и включает

- анализ позиции каждой из них, противоречий и совпадений во взглядах Петербурга, Лондона, Парижа, Вены, Берлина и др.;
- характеристику личных и профессиональных качеств ведущих деятелей европейской политики;
- выявление причинно-следственных связей, взаимосвязи и взаимообусловленности изучаемых проблем;



- рассмотрение возможных альтернатив развития того или иного сюжета международных отношений;
- подведение итогов и обобщения.

Все это позволяет профессору В.В.Дегоеву не только глубоко проникнуть в суть конкретных проблем, но и создать целостную и многогранную картину истории внешней политики России в контексте систем международных отношений XVIII – начала XX в. Книга являет собой достойный пример новаторского подхода к созданию учебного пособия по данной проблематике. Как уже отмечалось, автор смело (и при этом очень доказательно) отказывается от, казалось бы, навсегда устоявшихся в исторической науке оценок, схем, штампов, опираясь при этом на объективный (насколько это вообще возможно для историка) анализ излагаемого материала.

Так, оценивая Тильзитские соглашения 1807 г., автор справедливо утверждает, что самый опасный для России пункт из них – создание герцогства Варшавского (что впоследствии и подтвердило вторжение Наполеона в Россию), а не кочующий из учебника в учебник штамп о континентальной блокаде, суть которой мало того что не очень четко сформулирована в соглашениях, но и сама она еще толком не «работала» (с.138). Блестящий пример отказа историка от идеологизированного или, по меньшей мере, одностороннего подхода – глубокий анализ царствования Николая II, «исполненного трагического противоречия между масштабом проблем, стоявших перед страной, и масштабом личности, призванной решать их» (с.466), а также очень взвешенная оценка роли В.И.Ленина и большевистского ЦК в переломные для судьбы России годы (с.449, 452, 458–465, 479).

В этом труде отсутствуют упрощенные трактовки международной жизни: «агрессор – жертва», «справедливо – несправедливо», «Россия – жандарм Европы и тюрьма народов» и т.п. Подобные попытки строго научного и непредвзятого подхода предприняты автором при анализе позиций европейских держав на международных конгрессах (Венском, Парижском, Берлинском); при изучении определявших развитие международной ситуации документов и договоров (Декларация о вооруженном нейтралитете, Заключительный акт Венского конгресса, Акт о Священном союзе, Ункяр-Искелесийский договор, Лондонские конвенции 1840 и 1841 гг. и др.).

Отказ В.В.Дегоева от «негативистского» (с.266) восприятия Венской системы международных отношений дает возможность по-новому показать ее роль в политической жизни континента на протяжении долгого

времени. Сложные, иногда парадоксальные, аспекты европейской истории международных отношений автор рассматривает детально, выявляя их глубинную взаимосвязь и взаимообусловленность, и делает убедительный вывод о том, что создание Венской системы гарантировало почти 40 лет относительного мира в Европе (с.208, 209, 245) и позволило, несмотря на локальные войны и революции, избежать большой европейской войны, в известном смысле – «мировой» (с.266). Автор отказывается от прежних оценок Священного союза, считая его «высокофункциональным ядром» Венской системы, которое в целом благополучно выстояло под ударами революций и предотвратило, казалось бы, неминуемую войну в Европе (с.218).

В.В.Дегоев четко разделяет понятия «колониальная» и «колониационная» политика России, что особенно важно в свете непрекращающихся утверждений о неизменной агрессивной и колониальной сущности русской внешней политики, извечно присущей русскому правительству «имперскости» и т.п. Нельзя не согласиться с мнением исследователя, что сильным государством в виде империи Россия стала не в силу врожденной агрессивности, а из-за отсутствия «иного способа организации огромного геополитического пространства», в чем «неоспоримым подспорьем» стал фактический отказ Москвы и Петербурга от форсированной всесторонней унификации новоприобретенных территорий, от социально-классовых и идеологических норм, от расовых предрассудков (с.472). Так, например, верно определена суть политики Петербурга на Дальнем Востоке во второй половине XIX века. В отличие от западных стран и Японии, грабивших Китай при помощи силовых методов, Россия ставила перед собой не колониальные, а геостратегические задачи по защите своих уязвимых границ (с. 389).

Профессор В.В.Дегоев смог сделать то, что не так уж часто удается историку. Книга населена «живыми людьми», а не ушедшими в прошлое историческими персонажами. Образные характеристики государственных деятелей – императоров, королей, руководителей внешнеполитических ведомств, дипломатов – вызывают к ним глубокий интерес и делают восприятие всегда сложных для изучения международных проблем увлекательнейшим занятием. При этом исторические портреты главных действующих лиц европейской истории XVIII – начала XX в. созданы с попыткой проникновения в сложный внутренний мир человека, анализа мотивации принятия им решений и эволюции его взглядов, показа сильных и слабых сторон личности. Можно только позавидовать студентам, которым повезет учиться по этому пособию.

Одной из сильных сторон книги является глубокое знание автором историографии международных отношений – как отечественной, так и западной. Рассматривая каждую из международных проблем, и зачастую даже отдельные эпизоды, характеризуя государственных деятелей, В.В.Дегоев обязательно приводит существующие в исторической науке точки зрения, мнения, дискуссионные вопросы. Подобные историографические экскурсы сделаны очень четко, лаконично, без ненужной детализации, максимально доступно. В результате картина европейской международной жизни XVIII – начала XX в. предстает во всем ее многообразии, лишенной однозначности, односторонности и прямолинейности. Придерживаясь этого подхода на протяжении всей книги, автор весьма деликатен: показывая несогласие с той или иной точкой зрения, он без излишней категоричности отстаивает свое видение проблемы.

Автор широко использует метод историко-сравнительного анализа, что не часто встречается в учебных пособиях, хотя этот метод очень важен для целостного восприятия исторических проблем и их эволюции на протяжении длительного времени. Так, прекрасно сделан сравнительный анализ последствий решений Венского и Парижского конгрессов (с.299), сути Венской и Крымской систем (с.304–305), русско-французского союза и созданной Бисмарком «паутины» союзов (с.372–377), Крымской и русско-японской войн (с.397). Так же интересны сравнительные характеристики государственных деятелей (Петра I и Карла XII, Александра I и Наполеона, Александра I и Николая I, Александра II и А.М.Горчакова, Каслри и Меттерниха и др.).

Профессор В.В.Дегоев не побоялся затронуть одну из самых трудных для осмысления проблем – вопрос о нравственной стороне международных отношений. Нельзя не согласиться с утверждением автора о том, что стратегия и тактика любого государства в отношениях с окружающим миром «предопределяется фундаментальной целью – выжить», поэтому, преследуя ее, государство не только отвечает на угрозы извне, но и само тяготеет к экспансии, при этом зачастую видит лучший способ защиты в наступлении (с.7). Убедительным кажется замечание исследователя о том, что полноценное участие в международных отношениях обычно обеспечивается с помощью военного, политического и экономического потенциала. Видимо, поэтому, к сожалению, практика применения «двойных стандартов» оказалась столь живучей. Оценивая итоги царствования Николая I, В.В.Дегоев подчеркивает, что царю «не хватило пронизательности (или проще – цинизма) осознать один из основных "законов" международной политики: расчет на чувство благо-

дарности чаще всего оборачивается просчетом, ибо принесенная **сегодня** жертва, если вексель к оплате не предъявлен тотчас, **завтра** уже ничего не стоит» (с.245).

В.В.Дегоев постоянно подчеркивает необходимость высокого профессионального уровня в дипломатии, приводя примеры блестящей (или бездарной) дипломатической деятельности. Сегодня этот высокий профессионализм особенно необходим, так как у «нынешнего и грядущего поколения российских правителей и дипломатов – особая ответственность за судьбы страны и планеты, осознание которой – задача не только нравственного, но и глубоко интеллектуального свойства» (с.7). Представляется, что написанием данного учебного пособия исследователь внес весомую лепту в осознание этой задачи. Этот аспект книги особое значение имеет и для стран ближнего зарубежья, где отечественные школы дипломатии находятся пока еще на стадии становления.

Нельзя не сказать о новых и весьма интересных рассуждениях автора о парадоксах, периодически возникающих в международных отношениях. Так, говоря о достигнутой после Мюнхенгрецкого договора 1833 г. относительной стабильности на континенте, автор верно подмечает, что ее благами «охотно пользовались все государства Европы, и прежде всего западные "демократии" (Англия и Франция), не отдавая себе отчета в том, что мирной жизнью они во многом обязаны тому самому консерватизму Петербурга, Вены и Берлина, который возбуждал столько идеологической неприязни у "либерального" Запада». Примеров выявления подобных парадоксов в книге немало: оценка Ункяр-Искелесийского договора, итогов Крымской (пиррова победа над Россией) и русско-турецкой 1877–1878 гг. войн и др. (с.222, 307, 352).

Бесспорной заслугой автора является рассмотрение им альтернативных вариантов развития практически всех крупных проблем международной жизни XVIII – начала XX в. История, естественно, не знает слагательного наклонения. Однако автор, не подвергая сомнению эту истину, предлагает читателю подумать и об иных вариантах разрешения сложных узлов международных противоречий тех времен. Благодаря такому подходу создается многогранное (реальное и гипотетическое) видение проблемы, усиливающее «погружение» читателя в изучаемые сюжеты европейской истории.

Книга Дегоева весьма актуальна в научном и политическом отношениях. Последние двадцать лет в исторической науке, особенно в странах бывшего СССР, возникло множество новых мифов, конъюнктурных оценок и ложных трактовок истории России и ее внешней политики. Так,

например, в белорусской историографии недавно появилась новая концепция разделов Речи Посполитой, автор которой называет причиной ликвидации этого государства «сочетание желания России доминировать в Польше и борьбы определенных магнатских кругов за гегемонию в стране», определяемое им термином «гегемонизм». При этом об участии в разделах Австрии и Пруссии вообще не упоминается! Воистину быть русофобом (как, впрочем, и наоборот) вовсе не значит быть хорошим исследователем. В рецензируемой же работе проблема разделов Речи Посполитой изложена очень четко, аргументированно и, представляется, даже беспристрастно. Именно в силу такой позиции профессора В.В.Дегоева (которую он занимает на протяжении всей книги) его труд дает возможность противостоять различным фальсификациям и извращениям истории России, столь частым в последнее время.

Политическая актуальность работы подчеркивается и стоящими сегодня перед Россией задачами. Автор справедливо отмечает, что российскому процессу имперообразования реальной альтернативой было исчезновение страны с тогдашней политической карты Евразии. Не та же ли задача стоит сегодня перед Россией: сохранение себя целостной страной (уже без всякого имперообразования) на политической карте мира? Автор также справедливо указывает, что российское государство и общество всегда колебались между неприязнью к Западу и тягой к нему. Не та же ли тенденция наблюдается сегодня? Поэтому в современных условиях, когда только создается новая система международных отношений («постсоветская»), Москве необходимо проводить независимую прагматичную внешнюю политику, направленную на защиту национальных интересов, способствующую решению внешних и внутренних задач. Одной из таких внешних задач является выстраивание добрососедских отношений со странами бывшего социалистического лагеря и республиками распавшегося СССР (те же «польский», «балканский», «балтийский», «крымский», «кавказский» вопросы), естественно, уже в современных реалиях, учитывая как независимость этих государств, так и строго отстаивая свои интересы. А правительствам стран СНГ, особенно в свете произошедших в последнее время «цветных революций», необходимо усвоить проходящий через всю книгу тезис. А именно: прагматизм, защита национальных интересов – вот доминанта внешней политики любого независимого государства, а не надежда на «помощь» извне, наивное рассуждение, что «сильная, процветающая Украина, Грузия et cetera» нужны в этом мире кому-то, кроме народов самих этих стран.

Книга В.В.Дегоева «Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг.» представляет собой не сухое изложение фактов и оценок, что характерно для большей части работ по истории международных отношений. Это увлекательное повествование, создающее яркую многогранную картину международной жизни XVIII – начала XX в., насыщенное образными, иногда неожиданными, но всегда убедительными авторскими оценками. Работа написана прекрасным литературным языком, читается буквально «на одном дыхании», хотя и не свободна от некоторых неточностей, в целом никак не влияющих на высокий научный уровень. Так, представляется несколько преувеличенным тезис автора о «неуязвимости России» (с.326, 379). Также, хотя автор справедливо утверждает, что «при всем значении дальневосточного и среднеазиатского векторов внешней политики России самые чувствительные ее нервы находились все же в Европе» (с.344), желательно было бы более подробно остановиться на освещении политики России на Дальнем Востоке и в Средней Азии.

На наш взгляд, книга Дегоева – на сегодняшний день один из самых лучших учебников по истории внешней политики России и международных отношений, его смело можно назвать «учебником нового поколения». Поэтому необходимо его переиздание, причем намного более крупным тиражом.

### **Читайте в следующем номере журнала «Россия XXI»:**

*Сергей Кургинян*

**Карикатуры. Новый поворот исламской темы и его значение для современной политики**

*Игорь Добаев*

**Тенденции в развитии исламского движения на Юге России**

*Альберт Ненароков*

**В.С.Войтинский. Гарви и гарвятам (письма 1933–1939 гг.: о времени, событиях и политиках)**

*Илья Смирнов*

**«Полумглисты»**

**и др. статьи**

Учредитель  
«Экспериментальный творческий центр»

Главный редактор  
С.Е.Кургинян  
Редколлегия:  
Бялый Ю.В. (зам. гл. ред.),  
Мамиконян Е.Р. (зам. гл. ред.),  
Каравашкин А.В.,  
Куриленкова А.А.,  
Петрова И.Н.

Перепечатка допускается  
по соглашению с редакцией,  
ссылка на «Россию XXI» обязательна

Рукописи не рецензируются  
и не возвращаются

Позиция редакции не всегда совпадает с мнением авторов

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года

Регистрационное свидетельство 011074

Юридический адрес редакции:

123001, Москва, Вспошный пер.,18

**Редакция располагается по адресу:**

**Москва, Садовая-Кудринская, 22**

**телефон (495)291-74-79**

**факс (495)200-17-54**

**E-mail [russia21@ecc.ru](mailto:russia21@ecc.ru)**

**<http://www.russia-21.ru>**

© «Россия XXI» 2006

Цена свободная

ISSN 0869—8503

**Подписка на газеты и журналы по Москве  
через Интернет: [www.GAZETY.ru](http://www.GAZETY.ru)**

Подписано в печать 18.02.2006. Формат 60x88 1/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная 1. Объем 12,5 печ. л.

Тираж 2000 экз. Заказ

Отпечатано в ФГУП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ».

140010 Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-кт, 403.

Тел. 554-21-86

# Наши авторы

## Éóðæíŷí Nãðãáé Åðãàíãíãè÷

èàíãèääò òèçèèí - ì àòá ì àðè÷ãñèèð íàóé, ïíèèòí èíã,  
Íðãçèääáíò Ìãæãóíàðíãííãí íãùãñòãáíííãí òííãã  
«Ýêñíãðèìãíòàèüíúé òãíð÷ãñèèé òãíòð», äèääáíúé ðãããèèòð  
æóðíãèà «Ðíññèŷ XXI», äèääáíúé ðãæèññãðòããòðà «Ìã äíñèãð»

## Èàðãããøèéí Àíãðãé Åèòàèüããè÷

ãíèèòð òèèíèíãè÷ãñèèð íàóé,  
íðíòãññíð èàòããðü èñòíðèè è òãíðèè èóèüòðò ù  
Ðíññèéñéíãí ãíñòããðñòãã íííãí ãóí à íè òàðííãí óíèããðñèòòà

## Èããóíãíèí Åãããíéé Íèèíèãããè÷

ãíèèòð òèèíèíòñèèð íàóé, ïðíòãññíð,  
çããããóðüèè èàòããðíé ãíòèàèüííé òèèíííòèè  
Ðíññèéñéíãí ãíñòããðñòãã íííãí ãóí à íè òàðííãí óíèããðñèòòà

## Áãèíãã Íèüãã Åèããèñèããíãíã

èãíãèääò òèèíèíãè÷ãñèèð íàóé,  
ñò. íàó÷íúé ãí ððóãíéé Èíñòèòòã ãèããŷ ííãããíéŷ ÐÀ Í

## Íãððóøéí Åèããèèð Òéíãèããè÷

ãíèèòð èñòíðè÷ãñèèð íàóé, ïðíòãññíð,  
ãããóúèè íàó÷íúé ãí ððóãíéé Èíñòèòòã ãèããŷ ííãããíéŷ ÐÀ Í

## Ðíçãíòàèü Èñãé Ñíèííííãè÷

ãíèèòð èñòíðè÷ãñèèð íàóé, ïðíòãññíð,  
æããáíúé ãíòèàèèèòò Ðíññèéñéíãí ãíñòããðñòãã íííãí à ððèãã  
ñíòèàèüíí-ííèèòè÷ãñèíé èñòíðèè

## Íã÷ãóííã Åèããèèð Íèããíãè÷

ãíèèòð èñòíðè÷ãñèèð íàóé, ïðíòãññíð,  
çããããóðüèè èàòããðíé èñòíðèè è ïíèèòèèè  
ñòðãí Åãðíü è Àíãðèèè ÍÃÈÍ ÍÈÃ ÑÑÑÐ

## Áãèíãã Íãããæãã Åãããíüããíã

ãíèèòð èñòíðè÷ãñèèð íàóé, ïðíòãññíð



## Our authors

### **Kurginyan Sergey Ervandovich**

Ph.D. in physics and mathematics, specialist in political sciences,  
President of the International Public Foundation  
«Experimental Creative Center», editor-in-chief of «Russia XXI»,  
Chief producer of the Theatre «On the Boards»

### **Karavashkin Andrey Vital'evich**

D.Sci., philologist, Professor,  
Chair of history and theory of culture  
of Russian State University for the Humanities

### **Ivakhnenko Evgeniy Nikolaevich**

D.Sci., philosopher, Professor, Head of Chair of social philosophy  
of Russian State University for the Humanities

### **Belova Ol'ga Alexandrovna**

Ph.D., philologist, senior research assistant  
of the Institute of Slavic Studies, RAS

### **Petrukhin Vladimir Yakovlevich**

D.Sci., historian, Professor, leading specialist  
of the Institute of Slavic Studies, RAS

### **Rosental Isaak Solomonovich**

D.Sci., historian, Professor, head specialist  
of Russian Record Office of Social-Political History

### **Pechatnov Vladimir Olegovich**

D.Sci., historian, Professor, Head of Chair  
of european and american policy,  
Moscow State Institute of International Relations (University)

### **Ablova Nadezhda Evgen'evna**

D.Sci., historian, Professor

# 1.2006 january-february

S o c i a l , P o l i t i c a l a n d



## Theory and Practice of the Political Games

*Sergey Kurginyan*

Vigilance \_\_\_\_\_ 4



## Mentality. Strivings for Cultural Wealth

*Andrey Karavashkin*

Biblical Thematic Keys: Limits of Verification \_\_ 64

*Evgeniy Ivakhnenko*

Intellectual Disputes of the 17<sup>th</sup> Age:  
«Greekophiles» and «Latinphiles» \_\_\_\_\_ 86



## Labels and Myths

*Ol'ga Belova, Vladimir Petrukhin*

History in the Light of «Folklore» Mythology:  
from Paganism to Christianity \_\_\_\_\_ 110

